

Институт русского языка Российской академии наук

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького

Уральское лингвистическое общество

**ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА, ТЕКСТ
В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

**Тезисы докладов и сообщений
международной научной конференции**

**12—14 мая 1995 г.
Екатеринбург, Россия**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1995

ББК Ш 100.04
Л 433

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 95-06-32019.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко (отв. редактор);
канд. филол. наук, доц. И. М. Волчкова;
чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, проф. Ю. Н. Караулов;
д-р филол. наук, проф. З. И. Комарова;
А. М. Плотникова (отв. секретарь);
д-р филол. наук, проф. Г. Н. Плотникова;
д-р филол. наук, проф. В. И. Томашпольский;
д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов;
д-р филол. наук, проф. Е. И. Ширяев

Л 433 **Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 12—14 мая 1995 г., Екатеринбург, Россия.** — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. — 160 с.

ISBN 5—7525—0532—1

В докладах участников конференции обсуждается комплекс актуальных проблем лингвистики в антропологическом освещении: язык в социально-культурном пространстве, язык и поведение человека, языковая личность; методологические проблемы изучения и аспекты описания лексики, изучение системности лексики в свете языковой картины мира, эмоционально-оценочный компонент языковой картины мира, «человеческий фактор» в функционировании языка, текст как отражение картины мира, антропоориентированные словари и их типология, антропологическая лингвистика и лингводидактика.

Материалы конференции предназначены для лингвистов всех специальностей, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также для всех интересующихся вопросами языкознания.

Л 4602000000—000
182(02)—95 **Заказное**

ББК Ш 100.04

ISBN 5—7525—0532—1

© Издательство Уральского университета, 1995

Раздел 1. ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

О.И.Блинова
Томский государственный университет

РОЛЬ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ИЗУЧЕНИИ ОБРАЗНОСТИ СЛОВА

В связи со становлением в современном языкознании научной парадигмы «человек и язык» (Ю.Н.Караулов) неизмеримо возрастает роль показаний языкового сознания (самосознания) в изучении различных лексических категорий — экспрессивности, оценочности, эмоциональности, мотивированности, образности. Меняется и роль носителя языка, который из пассивного информанта — объекта исследования его речевой деятельности превращается в активного информанта — субъекта исследования, составляя своеобразный тандем с языковедом.

Психолингвистический эксперимент (ПЛЭ), в отличие от лингвистического эксперимента (Л.В.Щерба), призванный выявить осмысление носителем языка тех или иных языковых фактов, их характеристик, свойств, из приема вспомогательного превращается в один из основных приемов, инструментов познания языка, учитывающих позицию носителя языка, его лингвистическую способность. Это, в частности, продемонстрировано при исследовании явления мотивации слов как лексического феномена (см. работы О.И.Блиновой, Н.Д.Голева, В.Г.Наумова, А.Н.Ростовой, Т.А.Демешкиной, Н.Г.Нестеровой, Е.В.Михалевой и др.).

Роль ПЛЭ в изучении образности слова (под образностью в лексикологическом аспекте понимается структурно-семантическое свойство слова, характеризующегося двуплановой семантикой и метафорической внутренней формой) является основополагающей. ПЛЭ обнаруживает и подтверждает осознание носителем языка ассоциативности образной лексической единицы (ОЛЕ) и тем самым позволяет квалифицировать лексическую единицу как образную («Лисички [грибы], они жёлты, как лисица, вот и зовут [так]». «Невеста [комнатное растение колокольчик ломкий] есть у меня. Как невесту отдают замуж, дак она вся в цветочках белая. Она [растение *невеста*] такими цветочками вся вокруг сделается, как шапка». «Кукольник, он цветёт жёлтым. Листья широкие, они жилисты, сворачиваются, как куколка»). Таким образом, ПЛЭ помогает выявить класс ОЛЕ данного языка. Это — во-первых.

Во-вторых, материалы, полученные с использованием ПЛЭ, позволяют провести границу между живыми и мертвыми, угасшими ОЛЕ, между ОЛЕ и безобразными производно-номинативными ЛСВ, такими, как *шляпа* 'верхний сноп «суслона» — малой кладки снопов', *ножка* 'опора, нижняя часть (мебели, утвари и т.п.)'. В представлениях носителей среднеобских говоров подобные ЛСВ характеризуются как образные («Суслоны ставили, /верхний сноп/ «шляпой» называли. Пять снопов поставишь, а шестой сноп разламывашь и покрывашь — как шляпа». «Козлы, стоят они связанные между собой, две ножки твердо стоят, с места не сшевелишь, как козёл стоит упрямый»).

В-третьих, метатексты, получаемые в ходе ПЛЭ, представляют ценный материал при лексикографировании ОЛЕ, поскольку содержат данные, на основе которых лексикограф при толковании ОЛЕ подбирает средства, выражающие компоненты образной семантики слова: денотатив («номинатив»), соотносящийся с обозначаемым денотатом: ассоциатив, соотносящийся с сопоставляемым денотатом (с чем и связано явление «удвоения денотата» в дефиниции ОЛЕ); символ (основание) ОЛЕ, соотносящийся с признаком, основанием для сопоставления двух денотатов — обозначаемого и сопоставляемого. Так, в метатексте: «Есть крестовки — таки лисы, у ей полоска проходит по бугру, типа креста» — носитель диалекта предложил названия всех компонентов толкования образной семантики — *лиса* (денотатив), *крест* (ассоциатив), *полоска* (символ). С учетом показаний языкового сознания носителей среднеобских говоров сформулированы дефиниции многих ОЛЕ в составляемом в Томском университете «Словаре образных слов и выражений народного говора», например: *бархатник* 'растение медуница, с листьями, мягкими, как бархат', *сохатый* 'лось, ветвистые рога которого напоминают очертания сохи', *шилохвостка* 'вид утки с раздвоенным и острым, как шило, хвостом', *седой* 'с вкраплением белых, словно седых, ворсинок (о мехе)', *прятаться* 'исчезать из поля зрения, как бы скрываясь в чем-л., за чем-л. (о неодушевленных предметах)'.

Кроме того, метатексты при лексикографировании выполняют нередко роль дополнительных контекстных дефиниций в «Словаре образных слов», что необходимо в случаях, когда толкование ОЛЕ исследователем затруднено или неполно в силу ряда причин (сложность ассоциативного «рисунка» семантики ОЛЕ, стремление

избежать нарочитости в толковании ОЛЕ, «сопротивление» метаязыка толкования и т.п.).

Нет сомнений в том, что использование ПЛЭ при изучении лексических категорий и лексических явлений (синонимии, антонимии, формального и семантического варьирования слова и др.), лексических процессов, стилевой дифференциации лексики и т.д. позволит глубже и по-новому взглянуть на многие решенные и нерешенные проблемы лексикологии.

Н.Д.Бурвикова, В.Г.Костомаров

Институт русского языка им. А.С.Пушкина (Москва)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА НЕЛИНЕЙНОГО ПОНИМАНИЯ

1. Современное мышление, чтение и письмо, по утверждению философов, становятся все более нелинейными (М.Субботин). Пример многомерного текста, характеризующегося наслоением смыслов (З.Тураева) — прецедентный текст (Ю.Капулов).

2. Прецедентный текст свернут в том смысле, в каком развернут дискурс (П.Флоренский). Причем дискурсы, стоящие за прецедентными текстами, в разной степени могут быть известны/неизвестны языковой личности.

3. Свернутость прецедентного текста не абсолютна, поскольку функционирование такого текста часто приводит к его видоизменению (сокращению, расширению, перифразе, замене лексических элементов), но тем не менее возможность опознания видоизмененного прецедентного текста языковой личностью сохраняется. («На вас треугольная шляпа? — резвился Остап. — А где же серый походный пиджак?»)

4. «Прецедентность» прецедентного текста основывается на его сущностной дейктичности, даже если он возникает в условиях анафорического пространства, т.е. как составная часть дискурса. Дейктичность прецедентного текста условна и не зависит от его лексического состава. («В случае любой неудачи — подчеркиваем — любой — можно сказать: «Этим полукреслом мастер Гамбс начинает новую партию мебели»».)

Условность делает прецедентный текст единицей нелинейного понимания.

Р.М.Гайсина

Башкирский государственный университет (Уфа)

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА-ФИЛОЛОГА

1. Статус языковой личности получает человек лингвистически компетентный, т.е. владеющий определенными лингвистическими знаниями. Понятие «лингвистические знания» охватывает знание языка и знания о языке. Знание языка определяет лингвистическую компетенцию носителя и пользователя языка. Знания о языке характеризуют лингвистическую компетенцию специалиста-филолога. Каждый из названных типов знаний имеет собственные модели организации и развития. Далее речь будет идти о лингвистических знаниях второго типа — знаниях о языке.

2. Дидактически ориентированное осмысление знаний о языке, представляющих собой систему теоретических и научно-практических сведений о строении, развитии, функционировании языка, позволяет систематизировать их в соответствии со следующими моделями развития.

2.1. Модель «от ядерных знаний к знаниям расширенным». Знания ядерные и знания расширенные выделяются по степени их существенности для специалиста. Знания ядерные — это ориентированная на долговременную память, логически обозримая, четко организованная система наиболее релевантных для специалиста-филолога знаний по лингвистическим дисциплинам; это теоретическая база для лингвистического анализа наиболее частотных, типизированных фактов языка. Знания расширенные — это совокупность сведений, расширяющих лингвистическую эрудицию специалиста, приложимых к нетиповым, нечастотным, оригинальным языковым фактам.

2.2. Модель «от знаний абсолютных к знаниям конкретным». Знания абсолютные и знания относительные выделяются по степени определенности. Знания абсолютные отличаются большой степенью определенности, однозначностью для всех, безусловностью, категоричностью, они представляют собой систему общепризнанных теоретических и научно-практических сведений, окончательных для данного этапа развития науки истин. Поэтому и оценка их осуществляется по жесткой шкале «правильно — неправильно». Знания относительные — это совокупность теоретических и научно-практических сведений, отличающихся вариативностью, обусловленностью, зависимо-

стью от исходной позиции. Владение ими предполагает умение лингвистически рассуждать, соотносить различные концепции, осуществлять лингвистическое экспериментирование в целях аргументации, проявлять творческий подход.

2.3. Модель «от абстрактных знаний к конкретным» отражает ход познавательного процесса, который в современной дидактике называется восхождением от абстрактного к конкретному и представляет собой проявление дедуктивного метода познания. От абстрактного ознакомления с системой языка, отдельными ее фрагментами познавательный процесс движется к усвоению конкретного содержания. Этот путь экономичен, он дисциплинирует ум обучающихся, целенаправленно ориентирует их на познание изучаемой науки в целом, в стройной системе, логике.

2.4. Модель «от статики к динамике». Статистическая картина языка, т.е. системное его представление, создается в результате искусственного устранения фактора движения, что позволяет осуществлять различные классификации языковых фактов, проводить более или менее четкие границы между классификационными группами. Подключение фактора динамики предполагает анализ переходных, синкретичных явлений, размывающих границы классификационных групп, определение особенностей функционирования языковых единиц, выявление тенденций развития.

2.5. Модель «от интегрального представления к аналитическому». Начальные теоретические и научно-практические лингвистические знания строятся на осмыслении языковых фактов, в которых наблюдается интеграция формы, содержания, функции, т.е. своеобразная двойственная или тройственная симметрия. Дальнейшее движение знаний идет по пути осмысления асимметричных языковых фактов, в которых проявляется конфликт между значением, формой и функцией. Данное обстоятельство требует дифференциального осмысления различных сторон языкового знака, а затем и отдельных его характеристик.

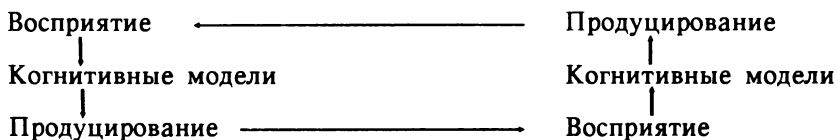
3. Результаты осмысления типологии знаний о языке и моделей их развития могут быть использованы в процессе целенаправленного формирования языковой личности специалиста-филолога.

Г.Г.Гиздатов, Л.А.Шеляховская

Казахский государственный университет (Алма-Ата)

О СООТНОШЕНИИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Ментальное пространство носителя языка может быть выявлено через ассоциативные связи, существующие в данном языке, т.е. посредством обращения к языковому сознанию говорящих. В свою очередь, когнитивные модели (КН), воссоздающиеся в процессе переработки человеком информации, выполняющей организующую функцию по отношению к языковым структурам. Данный тезис опирается на известное положение психологии и современных гипотез организации семантической памяти о том, что за восприятием лежит «как бы свернутая практика». Сам механизм речевого общения при подробном рассмотрении представлен следующим образом:

Здесь когнитивные модели выступают как промежуточное звено между структурами восприятия и продуцирования.

В связи с этим следует подчеркнуть, что если структуры памяти организованы иерархически, то и информация воспроизводится на основе той же структуры, в которую она включена, а когнитивные модели представлены в ассоциативных полях как реальные сущности в сознании человека. Антропоцентрическая ориентация (соответствие прототипу) в ассоциативных полях представлена с достаточной долей очевидности в совокупности необходимых, характерных и факультативных признаков. В этом случае необходимые признаки соответствуют отнесенности понятия к определенному классу, характерные относятся к свойствам данного класса понятий, а факультативные признаки — к сфере индивидуального и идиоэтнического в языке, так как именно эта группа признаков придает «чувственную» окраску слову. Выделенные группы признаков (необходимые, характерные и факультативные) по-разному представлены в языковой сфере универсального и идиоэтнического, разграничивая последние в организации когнитивных моделей. Так, совпадение необходимых признаков в ассоциативных полях русского и казахского языков

определено универсальностью когнитивных структур — обобщенным отражением действительности, т.е. единством мира и единством его восприятия. Ср. следующие однотипные реакции: знать — все, білу — барлырын, ходить — быстро, журу — тез, двигаться — с места, жылжу — орнынан, степь — широкая, дала — кен и т.д.

Характерные признаки выявляют как универсальное в языке (жизнь — смерть, емір — кәрілік, думать — о жизни, ойлау — емірді, петь — песню, эн салу — эн), так и специфическое, зримо представляя «национально-специфические несовпадения» в ассоциативных полях рассматриваемых языков: белый — снег, ак — сут, желтый — лист, сары — май. Факультативные признаки могут меняться от одного времени к другому, актуализируя исторически, эстетически и личностно обусловленный концепт, который сформировался за данным словом. «Словарь ассоциативных норм русского языка» (М., 1977) зафиксировал целый ряд переменных компонентов, полностью обусловленных 60—70-ми годами: встреча — на Эльбе, война — Вьетнам, дело — Румянцева, дядя — Сэм, добрый — человек из Сезуана, достать — лавсан, жить — по-коммунистически, существовать — две системы и т.п.

Разграничение двух основных форм представления знаний: декларативно ориентированных (по А.Н.Баранову) и процедурно ориентированных — является необходимым по отношению к непредикативной и предикативной лексике. В первом варианте когнитивная модель представлена как совокупность интегральных и дифференциальных признаков — характеристик объекта; см. в табл. п. «а» — репрезентацию трех видов признаков в ассоциативных полях русского языка к понятиям, выражаемым словами *бабочка*, *лев*. Во втором варианте когнитивная модель представлена совокупностью процедур, типичных для того или иного действия в виде цепочки межпонятийных отношений — см. табл., п. «б».

Таблица

Слова-стимулы	Признаки		
	необходимые	характерные	факультативные
а)			
бабочка	мотылек насекомое	летает порхает крылья	красивая белая желтая
лев	зверь животное	грива рычит сила	страшный зоопарк
б)			
бежать	спортсмен человек бандит враги	домой далеко куда-то вперед	быстро бегом без оглядки медленно
тусіну	апай бала	сабак эр нерсенІ	тез киын

Совокупность необходимых и характерных признаков глагольных лексем выявляет не только абстрактное представление о данном событии (в виде пропозициональной структуры: например, событие, выраженное глаголом *бежать*, предполагает таких участников, как агентив, внутренний локатив и способ совершения действия), но и конкретное представление в его характерных отношениях. Последнее подтверждается стереотипностью этих отношений в ассоциативном поле слова, они оказываются наиболее частотными. Так, для глагола *знать* (ЛСГ глаголов мыслительной деятельности) стереотипность дескриптива, объекта мыслительной деятельности, равна 23%, оценки — 25%; для глагола *білу* стереотипность дескриптива равна 12%, оценки — 6%.

Рассмотрение реализации необходимых, характерных и факультативных признаков в семантической структуре ассоциативного поля позволяет выявить прототип образа, стоящего за тем или иным понятием. В свою очередь, соотношение универсального и идиоэтнического в когнитивных моделях выглядит следующим образом:

- Необходимые признаки — универсальное
- Характерные признаки — универсальное
- идиоэтническое
- Факультативные признаки — идиоэтническое

Таким образом, ассоциативный словарь может рассматриваться как особый вид когнитивного словаря (см., например, «Русский семантический словарь» и «Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова и др.), а семантическая типология, активно разрабатываемая в последние годы, может и должна строиться с учетом ситуационных концептов, которые сформировались за словом в сознании носителя языка.

Н.Д. Голев

Алтайский государственный университет (Барнаул)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И СОБСТВЕННО ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЧЕЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ (ПРОЦЕССЫ НОМИНАЦИИ И ДЕРИВАЦИИ В ЛЕКСИКЕ)

Антропологическая (АЛ) опирается на положение о том, что всякий процесс в языковой системе «восходит» к речи, в которой он является следствием активности субъекта речевого акта, выступающего в АЛ-моделях главной детерминантой языковой динамики. Достаточно часто при реализации АЛ-модели языка (особенно при объяснении движущих сил процессов лексической деривации и номинации) наблюдается тенденция сближения внеязыкового и языкового типов содержания, мыслительной и коммуникативной функций языка, понятия и слова, соотносимых как форма и содержание, при примате первых членов данных пар.

Но, как бы ни были сильны тенденции к сближению данных сущностей в онтологии языка (и в АЛ-моделях, их близость отражающих), они с необходимостью реализуются только в противо- и взаимодействии с тенденциями противоположной направленности, фиксируемыми в собственно лингвистической модели (СЛ-модели) языка, в которой субъект активности — сам язык как самодетерминируемая и самоорганизующаяся материя (и соответственно текст, в своих суппозициях обнаруживающий потенции саморазвития). Основное направление детерминации в СЛ-моделях — от языковой системы к речи, от текстовых суппозиций к их самодвижению. Внешнее в СЛ-моделях — лишь сигнал для включения механизма реализации потенций, субъект — лишь «включатель».

Последовательное (но крайнее) проявление данных свойств СЛ-моделей представляет собой концепция, разводящая мышление и язык как сущности, определяемые разными функциями: мыслительной (язык — орудие мышления) и коммуникативной (язык — средство общения) — при доминировании второй. У каждой сущности предполагается наличие своего содержания и своей формы. Логическое следствие этого — признание связи между словом и понятием не как системы, а как системоподобного комплекса типа «человек — машина», «человек — природа», «человек — язык», «мышление — язык».

Объяснительные возможности каждой в отдельности модели, несомненно, велики, поскольку прямо или опосредованно в любом проявлении языковой активности обнаруживается присутствие обоих типов детерминант. Тем не менее они не универсальны, так как шкала объяснительной силы каждой модели имеет не только свое ядро, но и свою периферию. Скажем, АЛ-модель номинации малоэффективна для объяснения актов текстовой лексической деривации, близкой к формообразованию, когда субъект «говорит, как сказалось», подчиняясь детерминантам языковой системы и текста. Использовать АЛ-модель «предпочтительнее» на конкретной лексике.

В поисках синтезирующих моделей эффективным бывает выявление промежуточных механизмов, имеющих двоякую природу. Такова, например, внутренняя форма любой единицы языка, представляющая собой промежуточное образование между содержанием и формой этой единицы, которое одновременно и форма, и содержание (на временной оси: то форма, то содержание), и условность по отношению к содержанию, и его репрезентант. Промежуточным образованием такого типа в анализируемом стыке детерминант является языковое сознание (речевое мышление), которое формируется необходимостью использования собственно мыслительного механизма для осуществления собственно коммуникативных целей. «Вживаясь» в это, его элементы в известной мере отрываются от гносеологического субстрата, становятся по отношению к нему условностью, но в то же время сохраняют возможность (в активных зонах) к актуализации обратного направления, в том числе к воздействию на «собственно сознание и мышление» (лингвистическая относительность?).

В области номинации элементами языкового сознания (мышления) могут быть признаны ономаσιологические категории М. Докулила, позволяющие «перевести» мыслительные концепты в собственно языковые (привести первые «к виду» вторых), в принципы номинации, регулирующие мотивировку, и в способы номинации, представляющие собой коммуникативно-гносеологические модели создания и фикса-

ции (в единстве) дискретных означаемых, или в ономапоэтические модели, «регулирующие» перевод внеязыковых звучаний в языковые, также имеющие в этом плане двоякую природу. Внеязыковой субстрат таких категорий обретает имманентную языковую значимость, коррелирующую (неоднозначно, противоречиво) с отражаемыми концептами. В этом направлении они (по принципу обратной связи) формируют «видение» внеязыковой действительности как потенциального означаемого предвосхищаемой языковой единицы. Видение «от языка» исключает понимание означаемого как собственно внеязыкового феномена, так как оно организовано коммуникативными целями и, следовательно, наполнено коммуникативными значениями, занимающими в такой организации ядерное положение.

Таким образом, и в синтезирующих моделях как «антропоцентризм», так и «лингвоцентризм» обнаруживают свое действие, но уже на более глубинном уровне.

Т.И.Ерофеева

Пермский государственный университет

СОЦИОЛЕКТ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Основной посылкой настоящего исследования является признание того, что структура языка не гомогенна и отражает в своей вариативности социальную гетерогенность структуры общества, представленной различными классами, социальными слоями, профессиональными или иными группами. В связи с этим наряду с понятием «идиолект» оправдано введение другого понятия — «социолект» как основной единицы социальной стратификации языка.

Социолект — инвариантный признак социально маркированных подсистем языка, например социальных или профессиональных диалектов. Наша задача — найти те группировки носителей языка среди пермских информантов, которые обслуживались бы подъязыками, имеющими специфические черты. Из биологических факторов исследованы пол и возраст индивидов, из психологических — место рождения, профессия, уровень образования. Абсолютное большинство экспериментов организовывалось таким образом, чтобы все факторы были сбалансированы, т.е. в выборку испытуемых включались лица со всеми возможными градациями факторов.

Дисперсионный факторный анализ силы влияний, используемый в работе, позволил исследовать как результирующие лингвистические признаки, численное значение которых зависит от конкретного значения социобиопсихологических факторов; вычислить степень влияния каждого исследуемого фактора по его весу в дисперсионном анализе на выборочных данных; а также определить значимость и ранг каждого фактора в генеральной совокупности.

Иерархию факторов можно рассматривать как составляющую социолингвистического механизма речевых параметров. Для каждого из лингвистических уровней — лексического, синтаксического и супrasegmentного — были найдены как статистически существенные, так и статистически несущественные признаки. Это говорит об адекватности избранного — экспериментально-статистического — способа моделирования.

Ю.Н.Караулов

Институт русского языка РАН (Москва)

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

Трактовка ассоциативно-вербальной сети (АВС) как модели, как способа представления языковой способности носителя языка позволяет рассмотреть в самом общем виде и решить некоторые принципиальные вопросы владения человеком языком. Напомню, что АВС как третий (наряду с текстовым и системным) способ репрезентации языка, а именно языка-способности, охарактеризована в ряде моих работ (см., напр.: Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993; Он же. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестн. Рос. ун-та дружбы нар. Сер. филол. и журналистики. 1994. N 1; Он же. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.А., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994. Кн. 1; Они же. Русский ассоциативный словарь. Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1994). Ассоциативно-вербальной сетью я называю устойчивую и приемлемую для всех носителей совокупность семантических, синтаксических, морфологических и многих других (например, фонетических, ситуативных или образных) связей между словами и группами слов, в которой:

а) лексикализированным образом, т.е. синкретично с лексикой, «записана» и «распылена» вся морфология, так что типовые парадигмы словоизменения, словообразовательные типы и способы предстают не в концентрированном виде, как это обычно бывает в системном описании, а в виде размытых, диссипативных структур, распределенных между аналогически изменяемыми группами лексем;

б) представлено большое число самых распространенных в живой речи, самых простых, банальных, самых ходовых словосочетаний («моделей двух слов») и речений, покрывающих все типы синтаксических значений между словами;

в) находят отражение мозаично вплетенные в совокупность связей слов элементы знаний о мире, т.е. элементы наивной языковой картины мира носителей языка;

г) зашифрованы, часто не осознаваемые, прагматические характеристики языка и его носителя — оценки, установки, мотивы, ценности и идеалы.

АВС, воплощающая знание языка индивидуумом, или содержание его языковой способности, обладает реальностью только в индивидуальном, личностном бытовании. Совокупная АВС, полученная в результате массового ассоциативного эксперимента, интегрируя индивидуальные сети его участников — носителей языка, служит феноменологической моделью реальной АВС, ее обобщенным образом. Информация, извлекаемая исследователем из такой сети, есть информация о повседневной жизни языка, а сама сеть, таким образом, это основание пирамиды, на вершине которой — прекрасные взлеты человеческого духа, запечатленные в авторском слове, высочайшие образцы художественной идиоречи, ставшие возможными лишь благодаря тому, что в широкое основание пирамиды заложена сильная и здоровая посредственность.

В лингвopsихологическом отношении так понимаемая АВС отражает предречевую готовность среднего носителя языка (говорящего-слушающего) и находит воплощение, например, в ассоциативном словаре с большим количеством стимулов и ответов на них. Прямой ($S - R$) и обратный ($R - S$) входы в такой словарь эксплицируют всю совокупность перечисленных выше связей.

Анализ этих материалов позволяет сделать два фундаментальных обобщения. Первое из них касается степени грамматикализированности АВС, т.е. соотношения в ней единиц с формально выраженными грамматическими значениями со словами в нулевых грамматических формах. Это соотношение оказалось точно таким же, каково оно есть в среднем для русского текста: в АВС, как и в обычном, стандартном тексте, 75% грамматически оформленных слов приходится на 25% единиц с эксплицитно не выраженными грамматическими отношениями. Другое обобщение носит характер, заставляющий отчасти пересмотреть принципы речевой деятельности индивида: АВС дает основания утверждать, что языковая личность, даже в диалоге, оперирует не словами, не предложениями или фразами, но всегда фрагментами текста — либо реального, продуцированного говорящим ранее и не раз воспроизводившегося им в аналогичных ситуациях; либо потенциального, готового развернуться в данный момент времени и в данной ситуации; либо, наконец, прецедентного, известного по определению также и слушающему и потому даваемому намеком. Восприятие и понимание, как показывают наблюдения над процессом функционирования АВС в таком режиме, тоже осуществляются скорее потекстово, чем пословно или пофразно.

М.М.Копыленко

Казахский университет мировых языков (Алма-Ата)

МОТИВИРОВАННОСТЬ КАК «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЯЗЫКА

Исследования в области звукоcимволизма и звукоизобразительности, проведенные Н.И.Ашмариним, З.В.Беркетовой, С.В.Ворониным, А.М.Газовым-Гинзбергом, И.Н.Гореловым, Е.А.Гурджиевой, А.П.Журавлевым, А.Н.Журиным, Г.Е.Корниловым, В.В.Левицким, И.К. и М.М. Тейлорами, К.Ш.Хусаиновым, Р.Якобсоном и Л.Во и другими учеными, существенно поколебали восходящее к Ч.Пирсу и Ф. де Соссюру представление о произвольности языкового знака. И все же есть основания утверждать, что языковой знак (как и любой другой знак) в принципе произволен: любой материальный факт может стать знаком любого концептуального факта, и природной связи между ними при первичной номинации нет.

Однако психологическая природа человека, осуществляющего номинацию, противоречит принципу произвольности. Человек склонен к мотивированию, т.е. к образованию знаков, устройство, структура которых ему понятны. Более того, мотив номинации, как и любой другой мотив, это «то, что в отражаемой человеком реальности побуждает и направляет его деятельность» (Психологический словарь. М., 1983. С.199).

Какой бы путь мотивации ни избрал при номинации человек — прямой ли (когда он обращается к готовому знаковому материалу, устанавливая связь между этим материалом и новым знаком) или не прямой (когда он выбирает такие слова из синонимических рядов, которые носят печать звукоимовизма — идеофонии (см. примеры в трудах С.В.Воронина, А.П.Журавлева, В.В.Левицкого, К.Ш.Хусаинова), — в ней неизбежно проявляется этническая специфика языка. С.В.Воронин описывает метод фоносемантического анализа, который в значительной мере опирается на идиоэтнические признаки слов.

Несравненно реже — в полном соответствии с присущими человеку закономерностями мыслительной деятельности, осуществляющейся при освоении предметов материального мира, — он обращается к заимствованным (не мотивированным в языке-рецепторе) знакам и почти никогда не выдумывает абсолютно произвольных обозначений.

Однако в процессе функционирования знаков произвольность зачастую «берет свое», свидетельством чему являются многочисленные демотивации (именуемые обычно некорректно дезтимологизациями) и упрощения. В то же время во вторичной мотивации (*копата, мазелин, улиционер* в детской речи, *кашлюк* вместо *коклюш* в украинских говорах) вновь и вновь проявляется стремление человека мотивировать языковой знак.

Эти тенденции постоянно противостоят в языке, и можно утверждать, что словарный и фразеологический состав языка в целом на любом этапе его развития есть равнодействующая двух сил — тенденции знака быть произвольным и стремления человека мотивировать его.

Указанное соотношение может быть интерпретировано также в соответствии с антиномией «говорящий — слушающий».

С.П.Лопушанская
Волгоградский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДРЕВНИХ РУСИЧЕЙ (по материалам деловых документов)

Древний деловой документ рассматривается в качестве целостной микросистемы, в которой описанию подвергаются некоторые типичные для нее явления, отражающие конкретно-пространственные либо абстрактно-пространственные представления русичей о времени совершающихся событий в определенный хронологический период или в разновременные отрезки бытия, о восприятии ими мира в целом и места в нем человека (см.: Лопушанская С.П. Очерки по истории глагольного формообразования в русском языке. Казань, 1967; Она же. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990). Отражение в речемыслительной деятельности средневековой личности образного представления о целостности мироздания и о собственной причастности к нему находило опосредованное преломление прежде всего в смысловой структуре полных слов, в их внутренней форме, т.е. на понятийном уровне, выявление которого в плане диахронии представляет наибольшие трудности. Однако коммуникативная нацеленность документа, настрой на адекватное понимание его содержания, реализация воздействующей функции деловой речи — все это осуществлялось, как правило, в рамках традиционно клишированных конструкций.

Наряду с названными особенностями деловых документов в их смысловую доминанту включен также один из наиболее значимых компонентов, который охарактеризован в наших предыдущих публикациях как «степень участия субъекта в описываемых событиях», при этом под термином «субъект» подразумевается лицо, от имени которого составлен деловой документ (см.: Лопушанская С.П. Лингвистическое описание «Устава Святослава Ольговича» // Литературный язык Древней Руси: Проблемы исторического языкознания. Л., 1986. Вып. 3. С.131—137; Она же. Языковая личность казака: (по скорописным материалам XVII века) // Вопросы краеведения. Волгоград, 1993. Вып. 2). В докладе дается развернутое толкование субъекта действия как стержневого, текстообразующего элемента, степень активности которого определяла использование лексических средств, набор грамматических словоформ, а также отношения между всеми участниками речевой ситуации.

Материал деловых документов XI—XVII вв. позволяет вычленировать типизированные приемы языкового отображения мира. Выразительность и лаконичность, четкость формулировок и конкретное изложение событий в деловых документах достигаются благодаря целенаправленному отбору определенной лексики, словообразовательных моделей и грамматических форм. Коммуникативно обусловленная сочетаемость словоформ или в целом понятийная система, зафиксированная этими и другими средствами языка в деловых документах, отражают восприятие мира человеком старой Руси. Такое

обобщенное представление о субъекте, осмыслившем современный ему мир и опосредованно отразившем его в своей речи, определяется в лингвистике термином «языковая личность» (см.: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987).

Если считать возможным описание языковой личности в терминах полевой структуры, то как ядерные вербальные единицы следует рассматривать разнообразные типы выражения предиката, реализующего релевантные признаки субъекта действия. При этом бессубъектные конструкции приняты в качестве оппозитивных к соответствующим субъектным. Периферию в этом случае будут составлять все лексические уточнители, относящиеся и к сфере субъекта, и к сфере предиката, и ко всему высказыванию, равному предложению. Такой подход к описанию языковой личности дает возможность выделить ключевые лексемы (во всей полноте их словоформ), а затем, определив их когнитивную значимость, реконструировать концептуальный характер языковых средств, используемых древними русичами при составлении деловых документов.

Л.Н.Мурзин

Пермский государственный университет

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НИША В ЯЗЫКОВОЙ НАУКЕ

1. Любое направление в науке возникает и формируется тогда, когда открывается незанятая ниша в предмете и методике его обработки. Такой нишей в нашем случае является то, что Ю.Н.Караулов назвал «языковой личностью» и что составляет принцип антропологической лингвистики.

2. Язык в его отношении к человеку не раз подвергался в истории языкознания основательному анализу. В. фон Гумбольдт, вводя в лингвистику фундаментальное понятие энергии языка, прямо связывает его с процессом мышления человека. Все психологические направления в языкознании так или иначе ставили в центр внимания человека как носителя духовного начала; младограмматики провозгласили постулат говорящего человека. Для психолингвистов этот постулат становится не только теоретическим, но и методическим кредо — руководством к действию. Однако, несмотря на все усилия «очеловечить» язык, лингвисты никогда не доходили до конкретного носителя языка — отдельной личности. Эту цель открыто ставит перед собой антропологическая лингвистика.

3. Понятие языковой личности сближается с понятием индивидуального языка. Эти понятия объединяются одним материалом (в понимании его Щербой) — совокупностью речевых произведений, принадлежащих одному и тому же говорящему. Но если индивидуальный язык представляет собой семиотическую систему, используемую в процессе коммуникации данным субъектом, то языковая личность выходит за пределы языка как такового. Языковая личность есть индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения. Следовательно, индивидуальный язык — понятие чисто лингвистическое («язык, порожденный личностью»), а языковая личность — понятие социолингвистическое («личность, атрибутом которой является язык в его речевом воплощении»). Здесь и проходит граница между языковой личностью и собственно языковыми феноменами.

4. Языковая личность есть образ говорящего в сознании реципиента, наблюдателя и исследователя. В их сознании этот образ воплощается в различных по глубине и содержанию представлениях. Сознание воспринимающего языковую личность вступает с ней в тесное взаимодействие, что накладывает на образ говорящего субъективный отпечаток. Но языковая личность изначально объективирована языком. Ее описание является прежде всего лингвистическим, хотя оно и невозможно без привлечения психологических и социально-психологических данных. Антропологическая лингвистика еще одна дефисная наука в рамках языкознания. Ее ниша находится на стыке лингвистики с психологией и социологией.

5. В отличие от социолингвистики, антропологическая лингвистика исследует социальные факторы не в структуре социума (общего языка), а в структуре конкретной личности, так, как она проявляется в процессе речевой коммуникации. Поскольку речевая коммуникация есть предмет психолингвистики, то антропологическая лингвистика сближается с последней в наибольшей степени не только по объекту, но и по методам исследования. Глубокое проникновение в тайны языковой личности требует, помимо применения полевой методики, также проведения разнообразного психолингвистического тестирования и психолингвистических экспериментов. Однако если психолингвистика ставит перед собой цель описать социальный код, общий язык в его социально-психологических вариантах, то антропологическая лингвистика видит свою задачу в описании отличительных языковых свойств

индивидов. Поэтому, например, для психолингвистов представляют интерес высокочастотные реакции, тогда как частотные просто игнорируются, а в антропологической лингвистике именно последние оказываются в центре внимания.

6. Пространство современной языковедческой науки весьма плотно занято множеством направлений, течений, концепций. Но до сих пор в нем обнаруживаются просветы, незанятые ниши. Они располагаются на периферии языкознания, на его границе со смежными науками. Антропологическая лингвистика «периферийна» и принадлежит к той части науки о языке, которая со временем Ф. де Соссюра именуется внешней лингвистикой.

Б.Ю.Норман

Белорусский государственный университет (Минск)

ОБ АНТРОПОМОРФНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Человек воспринимает и осознает объективную действительность через призму своего «я», а человечество в целом — через призму своего самосознания, в основе которого лежит опять-таки изначальный и наивный антропоцентризм. Свойства, принадлежащие самому человеку, считаются нормой и оцениваются положительно, в то время как свойства, принадлежащие неживой природе или неразумным существам, признаются отклонениями от нормы и оцениваются отрицательно. Именно такая точка зрения закрепляется в языке и может считаться семантической универсалией. Легче всего показать это на примере устойчивых сравнений человека с животными, демонстрирующих самый широкий диапазон качеств (обычно отрицательных: *хитрый как лисица, упрямый как осел, медленный как черепаха, неуклюжий как слон* и т.п.; в то же время сам человек не выступает в качестве основания для сравнения — невозможно сказать «хитрый как человек» и т.п.).

Именно строение тела человека, его конституционные и физиологические свойства, условия жизни и отношения со средой обитания становятся той точкой отсчета, вокруг которой формируются изначальные семантические оппозиции, такие, как «верх — низ», «перед — зад», «правый — левый», «теплый — холодный», «светлый — темный», «объемный — плоский» и т.д. На эту материальную (конституционную и физиологическую) основу накладывается формирование нравственных, логических и философских категорий. Так, в самых разных языках «верх» оказывается связанным с разумом, совершенством, прогрессом, «правый» — с правильным, справедливым, «теплый» — с приятным, сердечным, «плоский» — с плохим и т.п. Речь идет не только о возникновении переносных значений у конкретных существительных или прилагательных, но и о принципиальных основах и направлениях семантического развития языка как такового. В этом смысле показательными являются самые разные слова, например в русском языке: *лежебока, подлец, унижаться, амеба, хищник, темнить, пресмыкаться, мерзость, неустойчивый, гидра, нечистоплотный, левачить, пучеглазый* и др.

Дадим волю фантазии: если бы разумные существа вели образ жизни, свойственный глубоководным рыбам, в их языке вряд ли бы появилось слово *подонки* с пейоративным значением. Точно так же слово *бесхребетный* вряд ли получило бы отрицательные коннотации в языке разумных червей: для них это было бы скорее символом гибкости, динамичности и т.п. — в общем, положительно окрашенной нормы.

Условия жизни человека как биологического вида накладывают свой отпечаток и на восприятие им времени, в частности, на оценку временных интервалов (ср.: *секунда, минута, час* и др.). Будь длительность жизни человека на порядок меньше или больше (ср., с одной стороны, век каких-нибудь поденок, исчисляющийся в часах, а с другой стороны, тысячелетний возраст кедров или секвой), шкала временных интервалов сдвинулась бы соответственно в ту или иную сторону.

Как известно, антропоморфной в своей основе является и закрепленная в языке десятичная система исчисления: она восходит к числу пальцев на руках. Трудно себе представить (продолжим наши фантастические допущения), какой была бы система счета, имея разумное существо иной подручный «инструмент», с неопределенным количеством элементов, например, как гидра, у которой от 5 до 12 щупальцев. Возможно, в таком случае операции с нечеткими множествами предшествовали бы в практике человечества операциям с жесткими множествами.

Объективно говоря, весь ход эволюции хомо сапиенс находился под воздействием множества случайных факторов; он, собственно, представляет собой стечение обстоятельств. Исследователю истории человечества трудно не согласиться с выводом, сделанным американским ученым Карлом Саганом: «Наследственный материал, внутренняя биохимия, форма, рост, органы, любовь и ненависть, страх и отчаяние, нежность и агрессивность, равно как и аналитические способности, — все эти

аспекты, по крайней мере отчасти, суть результат второстепенных случайностей в слишком долгой истории нашей эволюции...»

Однако, случайные с точки зрения общей теории эволюции, данные обстоятельства оказываются закономерными для развития языка: они предопределяют формирование важнейших и древнейших семантических оппозиций.

Л.Г.Саяхова

Башкирский государственный университет (Уфа)

СЛОВО В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА, ИДИОЛЕКТЕ И ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НАРОДА

1. Слово в совокупности его внешних и внутренних семантических свойств и системных связей — в статике и динамике — фиксируется в различного рода словарях, создающих совокупный «словарный портрет» слова. Многообразные созданные на данном языке тексты, демонстрируя различные контекстные оттенки значения слова, его метафорическое употребление, особую сочетаемость, символический смысл и т.д., дополняют словарный портрет слова. В текстах отражается динамическая, или речевая, системность, речевая ономазиология, которая рассматривает лексические единицы в их отношении к процессу общения. В совокупности словари и тексты очерчивают место слова в системе языка и его функционировании в речи.

2. В связи с вниманием к изучению языковой способности личности в антропоцентрически ориентированной лингвистике и психолингвистике на первый план выступают проблемы организации внутреннего лексикона индивида, языкового сознания отдельной личности и всего этноса в целом. Эти проблемы не могут быть решены только в рамках лингвистических исследований. В отличие от лингвистов, дающих одноплоскостную семантическую картину в своих исследованиях, психологи строят иерархически организованные ассоциативные цепи (А.Залевская). Сила ассоциативных связей слов зависит от осознанного опыта индивида и условий жизни народа. Максимальное число связей имеют слова, обозначающие самые емкие понятия и представляющие особое значение для человека как личности. Из ассоциативных полей личности складываются ассоциативные поля носителей языка в целом, представляющие «ассоциативную память» народа.

3. Ассоциативные поля, или ассоциативно-вербальная сеть, отражающая языковую картину мира, фиксируются в ассоциативных словарях. Создание фундаментального русского ассоциативного словаря (М., 1994. Кн. 1, 2; авторы — Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, М.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова) значительно продвигает изучение языкового сознания народа и личности и дополняет картину системных связей в лексико-семантической системе языка. В словаре фиксируется выявленная в массовом ассоциативном эксперименте вербально-семантическая сеть, отражающая языковую способность и языковую картину мира русского человека. В отличие от системных, лингвистических словарей, язык дан здесь в предречевой готовности, так, как он организован в голове, сознании человека.

4. В выявлении места ключевых слов в системе языка (по словарям), функционирования их в речи (по текстам), в выявлении места и роли этих слов во внутреннем лексиконе, или языковом сознании отдельной личности (ассоциативный самоопрос), и в языковом сознании народа (групповой ассоциативный эксперимент) принимали участие студенты филологического факультета в рамках спецкурса «Язык и культура». В виде рефератов были описаны словарные, текстовые и ассоциативные «портреты» выявленных в ассоциативном эксперименте ключевых слов: *жизнь — смерть, добро — зло, тьма — свет, благо, вера, надежда, любовь, судьба, сердце, душа; любовь, дружба, земля, небо, вода; звезда, солнце, луна*; некоторых семантически значимых зоонимов, названий растений, деревьев, цветов, минералов и т.д. В докладе будут приведены некоторые предварительные результаты подобного описания лексики и его роль в организации работы по обогащению лексикона учащихся, в активизации их предречевой готовности и в выработке их языковой способности.

Ю.А.Сорокин

Институт языкознания РАН (Москва)

СОМАТОГРАФ КАК АНАЛИЗАТОР ПАРАЯЗЫКОВОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

1. Возможен, по-видимому, анализатор, который мог бы распознавать в потоке жестов и мимики те базовые элементы, которые составляют суть того или иного жеста или мимического движения. Особенно важным является установление мест

перехода (делимитативного шва) одного элемента в другой, позволяющих представить ту или иную жестикулему или мимему в виде некоторой модели.

2. В этой модели базовые элементы можно рассматривать как соморфемы, из которых состоит сомослово (или сомовысказывание). В свою очередь, соморфемы следует, по-видимому, рассматривать как состоящие из соморфов — предельных (неделимых) ядерных единиц, существующих для реципиента как некоторые мышечные усилия, характеризующиеся пространственными и временными признаками.

3. Соматограф можно рассматривать как инструмент, позволяющий устанавливать:

- а) за счет каких элементов создается значение того или иного паралингвистического знака (мера позволительной редукции знака);

- б) каковы национально-специфические способы существования жестикулем и мимем и чем они различаются между собой;

- в) возникновение каких значений увязывается с тем или иным знаком у представителя некоторой лингвокультурной общности.

Соматограф можно рассматривать и как инструмент, позволяющий также выявить структуру парадигматики и синтагматики жестов и мимики, что, в свою очередь, является немаловажным не только для научения искусственным интеллектуальным систем (роботов) человекоподобным видам поведения (в данном случае — невербального), но и для обеспечения экономичности и эффективности их действий в «жестовом» плане (ибо человеческие жесты можно рассматривать как максимально адаптированные к нашей среде).

4. Этот анализатор (соматограф) целесообразно также рассматривать и в качестве первого блока того кинесического агрегата, вторым блоком которого (совмещенным с первым) может служить генератор жестовых и мимических состояний.

А.Н.Тихонов
Институт русского языка РАН (Москва)

ОТРАЖЕННАЯ СИНОНИМИЯ КАК ОБЪЕКТ ГНЕЗДОВОГО СИНОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. В своих лексических значениях и лексических отношениях однокоренные слова объединяются в лексические гнезда. Семантически организующим центром лексического гнезда является корневое слово. При этом в семантическом устройстве гнезда однокоренные слова участвуют в определенных своих лексико-семантических вариантах. Если исходное слово многозначно, в семантической организации лексического гнезда могут принимать участие одно, несколько или все его лексико-семантические варианты (ЛСВ). Те или иные ЛСВ часто распространяются не на все семантическое пространство гнезда, а лишь на отдельные его участки.

2. Имеются все основания рассматривать лексические гнезда как микросистемы. А это значит, что система в лексике — это совокупность всех лексических гнезд в их взаимосвязях и взаимоотношениях. Лексические гнезда, как и слова, вступают между собой в синонимические отношения. Ср. синонимические гнезда: бить — колотить, биться — колотиться, вбить — вколотить (вбивать — вколачивать, вбиваться — вколачиваться, вбивание — вколачивание), выбить — выколотить (выбивать — выколачивать, выбиваться — выколачиваться, выбивание — выколачивание), добить — доколотить..., забить — заколотить..., избить — исколотить..., набить — наколотить..., оббить — обколотить..., отбить — отколотить..., перебить — переколотить... и т.п. Ср. также гнезда: бросать — кидать — швырять, копать — рыть, вертеть — крутить, кривой — косой и т.п. Такие гнезда широко распространены в системе глагола, имен прилагательных, менее развиты в сфере имен существительных. Они охватывают огромный массив слов. Например, только в гнездах *бросать* — *кидать* — *швырять* более 50 синонимических парадигм, которые включают около 140 синонимов. Это отраженная синонимия: синонимичность исходных слов гнезда передается их производным, «отражается» в сфере производных.

3. Словообразовательные типы играют исключительно важную роль в организации синонимических отношений в словообразовательных гнездах. Ср.:

набросаться	накидаться	нашвыряться
отбросать	откидать	—
перебросать	перекидать	перешвырять
побросать...	покидать...	пошвырять...

4. В формировании семантической структуры синонимических гнезд большую роль играет семантика исходных слов. Так, *бить* и *колотить* синонимизируются в четырех значениях, которые по-разному реализуются в производных словах. Не все значения исходных слов передаются производным синонимам. В производных словах формируются

синонимические значения, которые прямо не вытекают из семантики производящих. Они нередко представляют собой результат внутрисловной семантической деривации.

5. Гнездовой характер русской синонимии (отраженная синонимия составляет всего 80% всего синонимического массива) требует и гнездовой ее разработки в словарях. Основной единицей синонимического словаря является гнездо. Гнезда размещаются в словаре в алфавитном порядке исходных слов.

6. Гнезда возглавляют непроемные синонимы. Они толкуются с помощью описательного способа. При этом существенно отличаются принципы толкования прямых и переносных значений синонимов.

7. Особого подхода требуют производные синонимы. Среди них выделяются два типа слов: лексические и синтаксические дериваты. Значение лексических дериватов раскрывается с помощью специальных формул толкования для каждого словообразовательного типа, куда обычно включаются производящие синонимы.

Значение синтаксических дериватов разрабатывается путем отсылок к семантике производящих синонимов.

8. Унификация формул толкования наталкивается на фразеологичность семантики производных синонимов. Такие синонимы, как правило, семантизируются в индивидуальном порядке. Их дефиниции, кроме общих для данного словообразовательного типа элементов, включают дополнительные компоненты, отражающие идиоматичность значения синонимов.

9. Толкования имеют законченный характер только при наличии иллюстративного материала. В качестве иллюстраций используются цитаты и речения. Цитаты обязательны при дефинициях исходных слов, лексических дериватов и т.д. Речения легко сочетаются с отсылочными определениями синтаксических дериватов.

Н.В.Черемисина

Московский государственный педагогический университет

ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА: ТИПОЛОГИЯ, ФОРМИРОВАНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

При выделении различных картин мира особое место среди них, подчас центральное, отводится языковой картине мира (ЯКМ), ибо именно в языке отражается все сущее — в специфике его осмысления и оценки человеком — носителем языка.

В сложной глобальной ЯКМ можно выделить множество более частных картин, каждая из которых характеризуется языковым своеобразием. Поскольку язык существует в трех ипостасях — в системе, текстах и в языковой способности индивидов, проявляемой в АВС (см. концепцию Ю.Н.Караулова), — ЯКМ также должны быть представлены в этих ипостасях.

В зависимости от принятого критерия можно различать, на наш взгляд, следующие основные классификации ЯКМ.

1. Универсальная и идиоэтническая ЯКМ. Наличие универсалий можно объяснить тем, что язык есть биопсихосоциальный феномен: биологически, психологически, социально-коммуникативно обусловлены основные разноуровневые универсалии. В идиоэтнической ЯКМ различаются также временные миры.

2. Как в идиоэтнической, так и в универсальной ЯКМ противопоставляются миры реальный и фантастический; особенно четко это выражено в текстах.

3. В пределах общей идиоэтнической ЯКМ:

а) противопоставляются общенациональная (общеизвестная) ЯКМ и ЯКМ, ограниченные социальной сферой — территориально (диалекты, говоры) и профессионально (подязыки наук и ремесел); особняком стоят жаргоны и арг, ограничение которых определяется не только социальной сферой, но и ситуацией. В каждой из названных социальных сфер возможно более дробное членение — наблюдается иерархия ЯКМ. Общенациональной ЯКМ противопоставляется также сфера религиозного культа, в русской культуре это традиционная триада: миры языческой (славянской и античной) и христианской мифологии;

б) воспринимаются как особые миры нейтральный (нулевой) стиль, с одной стороны, и с другой — публицистический, научный, деловой стили, а также язык художественной литературы в его общих особенностях;

в) выделяется множество «возможных миров», соответствующих тем или иным стереотипным ситуациям, каждая из которых имеет концептуальное ядро и характеризуется многообразием речевых сигналов.

4. В функционировании идиоэтнической ЯКМ четко противопоставлены мир речи взрослых людей и мир детской речи, который, как правило, узнаваем.

5. В индивидуальной ЯКМ (и в макротексте идиостиля) тоже можно выделить более частные миры: внешний, соотносимый с отражением окружающих реалий, и

внутренний, преимущественно аксиологический и, в свою очередь, расщепленный — в нем представлены в единстве и различии чувства, воля, мышление индивида.

Поскольку языковые миры есть результат обобщающе-систематизирующей и расчленяюще-классифицирующей деятельности человека в процессе познания реального мира, применительно к каждой классификации можно говорить об иерархии ЯКМ, причем каждому миру соответствует не только своеобразие языковых (речевых) средств, но и некое концептуальное ядро.

Человек живет в условиях социально-психологического многомирия, ограниченного своеобразием его деятельности, общественных связей, характера и т.п. И у каждого мира есть специфические речевые сигналы, известные определенному кругу носителей языка.

Наиболее четко сигналы многомирия, сигналы того или иного мира выражены в словах-концептах, в лексике и фразеологии. Многомирие отражается в ЛЗ слова: компоненты коннотата могут выводить в иные, особые миры. Наблюдается соотносительность многомирия и лексико-семантических законов (об этом мы писали ранее; см.: Филологические науки. 1992. N 2). Сигналами того или иного мира могут быть фонетические, интонационные, грамматические, текстовые показатели.

В художественном тексте (ХТ) система многомирия может получить лингвистическую и литературоведческую интерпретацию.

В структуре каждой ЯКМ в процессе ее формирования и функционирования действуют, как и в системе каждого языка и ХТ, три пары закономерных тенденций-антиномий: а) к устойчивости/динамике, б) к стандарту/экспрессии, в) к экономии/избыточности. Благодаря стандарту, составляющему ядро каждого микромира, данный микромир оказывается узнаваемым для осведомленного человека.

В реальной речи и в ХТ наблюдается сочетание, взаимосвязь и взаимодействие нормативно различных и даже противопоставленных миров.

Ненормативное совмещение и/или смешение миров всегда оказывается заметным, неожиданным, а неожиданность воспринимается как стилистический прием (при содержательно-экспрессивной оправданности совмещения) либо как ошибка.

Проблема многомирия важна не только с точки зрения описания языка, а также произведений в других сферах искусства, но и с точки зрения характеристики отдельного коммуникативного акта, а главное — менталитета человека, нации, языковой личности.

Е.Н.Ширяев
Институт русского языка РАН (Москва)

О РОЛИ ПРАГМАТИКИ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Осознание роли прагматического фактора в коммуникативном процессе тесно связано с изучением такой функциональной разновидности языка, как разговорная речь. И это не случайно. Прагматические условия коммуникации лежат на оси «адресант — ситуация — адресат». Всякая же разговорная речь, в отличие от функциональных стилей, предполагает непосредственное участие в акте коммуникации вполне конкретных адресанта и адресата со всеми индивидуальными их характеристиками, среди которых ведущее место занимают частные фоновые знания (или частно-апперцепционная база) говорящих. Другими словами, человеческий фактор проявляет себя в разговорной речи с большой ясностью и последовательностью. Доказательством тому могут служить многочисленные разговорные высказывания, которые вне данных прагматических условий просто не могут быть осмыслены. Так, вышедший из аудитории с экзамена студент может сообщить своим сокурсникам: «Пять» или даже просто показать все пальцы руки.

Роль прагматического фактора в разговорной речи изучается давно и всесторонне в плане адресата и ситуации. Меньше внимания уделяется фактору адресанта. Между тем фактор адресанта может существенно влиять на семантико-синтаксическую структуру и смысл высказывания адресата. В высказывании адресанта — организатора научного заседания «Тебе на твой доклад, конечно, больше пятнадцати минут не нужно?» неявным образом выражена мысль: 'ты должен знать, что я не могу дать тебе больше 15 минут'. Ответами на такое высказывание могут быть: «Да, я постараюсь уложиться в это время» или «А нельзя ли хотя бы еще пять минут?» Ответ же: «Нет, я буду говорить сорок пять минут» по меньшей мере бестактен и стоит на грани того, что называют коммуникативной неудачей. Еще пример:

А: Мне обязательно надо обсудить с тобой это дело, но я могу и в другой раз зайти.

Б: Нет, давай уж сегодня».

В этом диалоге реплика А означает: 'я знаю, что тебе сегодня очень неудобно встречаться со мной', и в ответной реплике эти знания адресанта подтверждаются словом *нет*: 'ты правильно думаешь, что я сегодня занят, но я все же не отменяю прежней договоренности о встрече'.

Роль фактора адресанта особенно ясно обнаруживает себя тогда, когда адресат не учитывает фоновые характеристики адресанта, ср.:

«А: Я в этом году опять поеду по Волге.

Б: Ну ты вообще каждый год ездешь.

А: Теперь-то это знаешь сколько стоит?!»

Последняя реплика А заставляет Б обратить внимание на то, что поездка по Волге теперь стоит очень дорого, а следовательно, она не столь обычна, как в предшествующие года, и поэтому первая реплика А не столь банальна, как показалось сначала Б.

Таким образом, прагматически фактор адресанта может быть обобщен в такой не претендующей на большую строгость формуле: для успешности коммуникации адресант обязан знать прагматические характеристики адресата, но он вправе рассчитывать и на некоторое знание адресатом своих собственных прагматических характеристик.

А.Д.Шмелев
Московский государственный педагогический университет

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ «РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ»

Язык, и в частности его лексический состав, представляет собой отражение характера и мировоззрения народа. Наиболее ярко особенности русского видения мира отражают следующие лексические сферы.

1. Слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов. В русском языке таким концептам часто отвечают «лексические пары»: *правда* (практический аспект) vs. — *истина* (теоретический аспект); *долг* (метафоризуется как изначально существующий внутренний голос, указывающий человеку, как ему следует поступить) vs. — *обязанность* (метафоризуется как груз, который необходимо перенести с места на место); *свобода* (соответствует нормативному для данного общества или индивида представлению о дозволенном и недозволенном) vs. — *благо* (аспект пользы) и т.д.

2. Слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания. Сюда относятся такие слова, как *судьба*, *душа*, *жалость* и т.п. Так, слово *душа* широко используется не только в религиозных контекстах — душа понимается как средоточие внутренней жизни человека, как самая важная часть человеческого существа (не случайно *per capita* переводится на русский язык как *на душу населения*); на идиоматическом русском заглавие данного доклада должно было бы звучать: «Лексический состав русского языка как отражение *русской души*». Слово *судьба* имеет два значения: «события чьей-либо жизни» (*В его судьбе было много печального*) и «таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни» (*Так решила судьба*) — и в соответствии с ними возглавляет два различных синонимических ряда: (1) *рок*, *фатум*, *фортуна* и (2) *доля*, *участь*, *удел*, *жребий*. Однако в обоих случаях за употреблением этого слова стоит представление о том, что из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (*решается судьба*). Важная роль данного представления в русской картине мира обуславливает высокую частоту употребления слова *судьба* в русской речи и в русских текстах, значительно превышающую частоту употребления аналогов этого слова в западноевропейских языках.

3. Слова, соответствующие уникальным русским понятиям, — *тоска*, *удаль* и др.

4. Слова, отражающие специфику русского представления о пространстве и времени (пространственные и временные наречия и предлоги). Так, выбор одного из синонимичных наречных выражений *утром*, *наутро*, *под утро*, *с утра*, *поутру* связан не столько с объективным положением на временной оси момента, о котором идет речь, сколько с деятельностью, которой заполняются смежные временные отрезки.

5. Так называемые «дискурсные» слова (модальные слова, частицы, междометия), часто выражающие не просто внутреннее состояние говорящего в момент речи, а его более или менее постоянную жизненную установку. Сюда относятся не только такие слова, как вошедшее в пословицу русское *авось* и менее часто упоминаемое, однако не менее лингвоспецифичное *небось*, но и такие слова, как *видно*, *же*, *как будто*, *угу*, *-то* и др.

Особенности семантики рассматриваемых слов проявляются в их языковом поведении — в сочетаемости, сфере употребления и т.д. В совокупности они

позволяют заключить, что к числу фундаментальных характеристик русского национального характера относятся такие черты, как тенденция к крайностям, эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней, тенденция к «морализаторству», «практический идеализм» (предпочтение «неба» «земле»), тенденция к пассивности или даже к фатализму, ощущение неподконтрольности жизни человеческим усилиям, нелюбовь к дисциплине, обязательное несоответствие между теорией и практикой. Эти качества независимо от лингвистического анализа отмечались этнопсихологами. Представляется, что сопоставление «русской картины мира», вырисовывающейся в результате семантического анализа русских лексем, с данными этнопсихологии поможет уточнить выводы, сделанные в рамках как той, так и другой науки.

Раздел 2. ЯЗЫК В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1 Язык и поведение человека

Л.И.Богданова
Белорусская сельскохозяйственная академия (Минск)

ПОСТУЛАТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И СТРУКТУРА ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Потребность в общении — одна из сильнейших потребностей человека, которая нередко приравнивается к потребности в самосохранении. Правила общения, по справедливому утверждению американских социалинговистов, составляют основу всей концепции речи как системы. Если речевые намерения собеседников рассогласованы, если у них нет точек соприкосновения, адаптация их друг к другу не происходит, и в таких случаях, согласно Д.Хаймсу, «коммуникация либо прекращается, либо у одного из собеседников молчаливо складывается неблагоприятное мнение о другом». Случаи прекращения общения, обрыва коммуникации или ощущение неловкости при общении рассматриваются в концепции Д.Хаймса как показатели того, «что налицо какое-то правило речи или ожидание».

Установлено, что в основе коммуникационного процесса лежит «кооперативный принцип». Американский ученый Г.Грайс обосновал, что этот принцип включает в себя 4 правила, или максимы, которые вошли в научный обиход под разными названиями. С одной стороны, говорят о максимах количества, качества, отношения (или уместности), способа (или манеры речи). В иной терминологии эти «правила разговора» формулируются как постулаты информативности, истинности, релевантности и ясности выражения.

1. Максима количества или информативности выдвигает требование сообщать столько, сколько необходимо. Эта максима призвана обеспечивать, с одной стороны, экономию времени адресата, с другой стороны, данный постулат требует, чтобы высказывание было достаточным в плане передаваемой информации.

2. Максима качества или истинности выражается в требовании к говорящему сообщать то, в чем нуждается адресат, передавать только достоверную информацию, быть правдивым.

3. Максима отношения (уместности, релевантности) предполагает корректировку речевых действий говорящего, в зависимости от ситуации, контекста: необходимо говорить по делу, высказывание должно соответствовать теме разговора, следует точно знать, в какой момент коммуникации нужно переходить к сути дела, важно учитывать фактор адресата.

4. Максима способа (манеры речи, ясности) требует от участников коммуникации ясно и понятно выражать свои мысли, уметь доводить их до адресата.

Правила речевого поведения предписывают говорящему некоторые обязательные параметры высказывания — и в случае соответствия предписаниям он никак не реагирует на существование правил, более того — забывает (или не узнает) об их существовании. «Разговорные постулаты» организуют общение таким образом, что ситуации как стандартные, нормальные воспринимаются тогда, когда они выполняются.

Наряду с «кооперативным принципом» в общении действует и другой принцип — «принцип вежливости», который часто оказывается более сильным регулятором общения, чем «кооперативный». Цель «принципа вежливости» — создать социальное равновесие и обеспечить дружеский психологический настрой говорящих. Американский ученый Лич говорил, что вежливость по сути своей асимметрична и смещает разговор в определенную тональность. «Принцип вежливости» включает так называемые максимы «такта», а именно максимы одобрения, скромности, согласия, симпатии и великодушия.

Эти правила реально определяют структуру диалогического взаимодействия.

Итак, среди правил общения выделяют два блока максим: максимы Грайса, предназначенные для идеального разговора (вне эмоций), и максимы «такта», учитывающие человеческую природу, психологические особенности общения. Второй блок составляют максимы, основанные на принципе вежливости. Эти правила оказываются как бы рангом выше правил Грайса, потому что люди как социальные существа способны жертвовать экономией времени, ясностью изложения и даже достоверностью информации ради оказания внимания собеседнику, о чем и свидетельствует собранный материал.

ЭВОЛЮЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ ЭТНОСА И ДИНАМИКА ЛЕКСИКИ

Неразрывная взаимосвязь, «со-бытие» национального языка и национальной культуры наиболее отчетливо проявляется на уровне лексики. Судьбы слов весьма информативны для исследований в области гуманитарных наук. В свою очередь, привлечение различных этнографических, исторических, культурологических сведений позволяет воссоздать динамику отдельных лексем и лексико-семантических групп с достаточной полнотой.

При выборе историко-лексикологических разысканий естественно обратиться к вербальным выражениям древнейших понятийных универсалий, формулируемых обычно в виде оппозиций 'свой'—'чужой', 'старший'—'младший', 'предок'—'потомок' и др., в самом общем виде представляемых как 'сакральный'—'профанный'. К подобной лексике принадлежат, на наш взгляд, и личные реляционные существительные группы 'ученик'—'учитель'. Важность процесса передачи и восприятия знаний вообще на протяжении длительного времени обуславливалась синкретизмом обыденной информации, необходимой для нормальной жизни индивидуума в рамках своего этносоциума, и собственно религиозных постулатов, столь же насущных вне зависимости от их конкретных воплощений в разные эпохи. О такой слиянности свидетельствует мистический ореол, окружавший письменность («черты и резы» и т.п.) на стадии язычества, и позже, например, в Древней Руси, во времена внедрения христианства и распространения кириллицы, что влияло и на иерархический статус «посвященных».

В сознании этноса постоянно сосуществовали метафорически осмысляемые и сакрализуемые концепты, манифестируемые и в рассматриваемой лексической группе: 'еда' (воспитатель, воспитанник и др.); 'свет' (просветитель), 'путь' (предшественник, последователь и др.). По-видимому, гиперонимами стали слова учитель и ученик, максимально адекватные именованию лиц — участников процесса трансляции знаний. При анализе динамики слов группы можно наблюдать не только переплетение семантико-стилистических связей между словами гнезда одного корня; показательно также «взаимоприятие», стремление разнокоренных лексем выступать в пределах одного и того же контекста, как бы образуя и утверждая тем самым многогранность социальных ролей 'учителя' и 'ученика' — действующих лиц отношений, иногда при антропоцентричном подходе интерпретируемых как «наиболее человеческие».

Многовековая динамика слов рассматриваемой группы определялась противоречивыми тенденциями.

Постепенно (а на некоторых этапах — исторически быстро), судя по лексикографическим данным, происходило ослабление сакральной ауры 'учителя', чему, вероятно (как это ни парадоксально) способствовали распространение и секуляризация образования, приведшие к росту «посвященных» и девальвации традиционных ценностей, а также к переориентации социокультурных норм.

Однако соответствующая ниша в общественном сознании не опустела. С изменением аксиологических координат, официальных идеологических установок привычные слова получали новое понятийно-смысловое наполнение, обозначая теперь, например, и политических лидеров — высших носителей сакрализуемых учений и их последователей. Это становится одним из факторов складывания квазирелигиозной системы.

Можно также сказать, что русскому мировоззренческому типу в целом присущ высокий авторитет традиции, тяга к преемственности, в заметной степени обуславливающей стабильную жизнедеятельность социальных институтов и духовное здоровье этноса.

Изучение лексики в диахроническом аспекте помогает лучше представить и осмыслить историю через реконструкцию динамики слов; это один из способов дешифровки и прочтения социокода, объединяющего и современников, и разные поколения одного народа.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССАХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Языковая игра — особый вид речевого поведения, когда основой коммуникации становится моделирование и дешифровка лингвистического кода, деавтоматизирующего восприятия знака, чем достигается прогнозируемый эффект воздействия на

адресата (или прагматический эффект языковой игры). Нестандартная интерпретация значения и/или формы языкового знака выступает в процессах языковой игры как результат актуализации ассоциативного потенциала лексических единиц на уровне решения коммуникативных (преимущественно прагматических) задач конкретного речевого акта.

Одной из зон ассоциативного потенциала слова является его прагматический план, в узком смысле понимаемый как совокупность коннотативных аспектов характеристики обозначаемого, сообщающих слову статус аксиологемы, эмоционемы (термин Ю.Сорокина), экспрессемы. В соответствии с узуальным или окказиональным проявлением такого рода коннотаций существенным представляется разграничение константных и потенциальных прагмем (Л.А.Киселева).

Языковая игра избирает ассоциативную стратегию «отталкивания» от стереотипа восприятия слова, используя различные лингвистические приемы актуализации потенциальной прагматической функции лексических единиц. При этом прагматический стереотип (или окказиональная прагматическая функция слова), как правило, вступает в отношения несоответствия с семантическим планом интерпретации слова в речевом употреблении, обусловленной установкой языковой игры.

Прагматический эффект языковой игры имеет разноуровневую природу с точки зрения моделирующих его лингвистических параметров содержания и формы знака.

Типичным случаем переключения прагматического стереотипа в целях создания иронического оценочного контекста восприятия слова является ситуативно немотивированное употребление стилистических и образных коннотем: Где вы сейчас *трудитесь*? (вопрос к продавцу), ср. стилистические различия синонимов *трудиться*—*работать*, не допускающие взаимозаменяемости глаголов в данном контексте; Это и есть твоя *каморка*? (о новой трехкомнатной квартире), ср. образные и эмоционально-оценочные коннотации, свойственные данному слову в узуальном употреблении. Несоответствие денотативного и коннотативного аспектов восприятия слова создается смещением его референтной функции.

Придание слову статуса аксиологемы, эмоционемы, экспрессемы осуществляется часто на основе намеренно ложной мотивации и реноминации: урна для *плюрализма*, ср. *плевать*; новое *стихийное бедствие* — о книге стихов; *индырьер* (вместо *интерьер*), *прихватизация* (вместо *приватизация*); *худолог* (вместо *диалог*) (Не стоит переходить на личности и превращать диалог в *худолог*); *кандидуб* (вместо *кандидат*) и т.п.

Особым типом языковой игры является оценочная ситуативная переориентация восприятия фразеологизированных единиц путем замещения одного из компонентов устойчивого словосочетания или выражения паронимом (*кочка* зрения, политический *обогреватель*), экспрессивное обыгрывание внутренней формы фразеологизма: Я на этом деле не то что *собаку* — целую *псарню* съел! Подобные подмены основываются на лексических ассоциациях антонимической или утрированной «синонимической» направленности (морально *устройчив*, не *прикладая* рук, *обвенчаться* с успехом).

Интересен принцип актуализации потенциальной прагматической функции лексем при использовании их в символическом значении в составе окказиональных разговорных фразем и эвфемистических выражений: Все просто как *примус*; Обидно до *зеленелости*; Она *стрейна до жалости*; Мне это сугубо *фиолетово* и т.п.

В целом ассоциативная стратегия языковой игры, ориентированная на достижение нестандартного прагматического эффекта, базируется на актуализации лексического фона и ситуативных пресуппозициях (переосмыслениях) константных прагмем.

В.А.Лукин
Институт русского языка РАН (Москва)

НЕОСОЗНАННЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЛОВЕ И КОНЦЕПТЕ «ПРОТИВОРЕЧИЕ»

Сознание, жизнь, язык, человек, время... Эти и другие феномены культуры характерны, помимо прочего, тем, что для них нет адекватных дефиниций, но имеются знания о них, нередко достаточно глубокие и одновременно используемые в чисто практических целях. Противоречие — один из таких феноменов и вместе с тем вечная проблема (религии, философии, логики, науки вообще и лингвистической теории в частности).

Нас интересует прежде всего не рациональное знание о противоречии, а то, что предшествует ему. Иначе говоря, совокупность идей, образов, ментальных представлений и т.п., которые принадлежат нам и «руководят» нами при использовании слова *противоречие*, но о которых мы не знаем и которые не осознаем. Поэтому цель в

данном случае не в том, чтобы предложить толкование противоречия, а в отыскании (на лексическом материале) предзнания, на котором могло бы основываться толкование (vs. знание).

1. Концепт противоречия предопределен и существует в границах более общего концепта общения. Слово *противоречие* (гиперонимы — *речь, общение, говорить*) в любом из своих значений предполагает наличие ситуации некоего диалога, в котором абстрактно понимаемые его участники «высказывают» об одном и том же объекте мнения, суждения, идеи, несовместимые или даже противоположные друг другу. Тогда антонимом к *противоречию* должно быть слово, предполагающее диалог, участники которого высказывают что-то согласующееся, совместимое между собой. Таким, с некоторыми оговорками, может быть признано слово *согласие* (гиперонимы те же).

Речь, общение, говорить представляют собой норму 'согласия' и 'противоречия'. *Противоречие* и *согласие* отражают противоположные и взаимосвязанные стороны процесса коммуникации, являясь равноправными антонимами, ни один из них семантически не сложнее и не проще другого.

2. Из сказанного следует, что 'противоречие' не является отклонением от нормы или аномалией. Этот вывод подтверждается и на материале одноименного семантического поля (СП), состоящего из двух подмножеств: слов со значением противоречия (П-слова) и слов со значением согласия (С-слова). Оба подмножества организованы симметрично: а) 61 П-слово и 60 С-слов; б) примерно одинаковая частотность в речи: *нет* (2092) — *да* (2397); *противоречие* (82) — *согласие* (25), но *противоречить* (19) — *согласиться* (118); *возразить* (20) — *уговорить* (27); в) примерно одинаковая активность П- и С-слов в качестве идентификаторов в собственном СП: *противоположный* (22) — *согласие* (19); *противоречие* (9) — *согласованность* (10); *противоречивый* (8) — *согласный* (7); г) примерно одинаковая частеречная соотношенность: 29 П- и 20 С-существительных, 14 П- и 18 С-глаголов; 13 П- и 12 С-прилагательных.

3. Наряду с симметрией поля и его антонима имеет место асимметрия других П- и С-слов, по-разному отражающих различные аспекты речевого общения (РО):

а) к С-словам с семантикой 'результат, итог общения' *договор, соглашение, уговор...* нет П-антонимов;

б) все С-глаголы образуют видовые пары (*соглашаться—согласиться, договариваться—договориться...*), большинство П-глаголов представлены только НСВ-граммемой (*противоречить, прекословить, препираться...*);

в) большинство С-глаголов имеют формы возвратного залога (*сговориться, согласоваться, сообразоваться...*), выступая нередко только в этой форме (*договориться, спеться*); большинство П-глаголов не имеют форм возвратного залога (*противоречить, возражать...*);

г) смысл 'частичное согласие' получает выражение в слове *компромисс*, возможный смысл 'частичное противоречие' в русском языке лексически никак не выражен;

д) П-содержание при максимуме его основного признака требует иного слова-носителя, нежели центральное — *противоречие: антагонизм, антимония, парадокс*; С-содержание при максимуме основного признака не требует нового слова-носителя: 'абсолютное согласие' остается *согласием*.

4. Изложенные, а также некоторые другие наблюдения позволяют сформулировать гипотезу о «русском предназначении» феномена противоречия. Она заключается в том, что противоречие

- обнаруживает себя как норма и составная часть РО (2);
- не может быть осознано (узуально) как ожидаемый результат РО;
- не может быть в большинстве случаев осознано как взаимосогласованная деятельность участников РО и его преднамеренная цель (см. п.3 б, в);
- может быть осознано как норма или максимум основного признака и не может быть осознано (узуально) как частичное (см. п.3 г, д).

Л. А. Нестерская
Московский государственный университет

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1. Язык живет и меняется вместе с обществом, которому служит, подчиняясь ему и одновременно воздействуя на него. Влияние социальных параметров на языковые явления имеет сложный и опосредованный характер, однако на уровне лексики зависимость лингвистических факторов от социальных более очевидна. Язык может

быть полезным для социолога как чуткий прибор, регистрирующий социальные изменения, и, изучая лингвистические явления, иногда можно узнать о состоянии общества гораздо больше, чем из наблюдений собственно социальных.

2. В том случае, когда какая-нибудь лексема, находящаяся на периферии языка, обнаруживает не соответствующую ее лексическому статусу системную активность, можно с уверенностью говорить о значимости и актуальности в жизни общества обозначаемого этим словом явления или понятия. Примером может служить слово *перестройка*, которое стало активно употребляться в новом значении ('период социальных, экономических и политических изменений в жизни общества') с 1985 года и дало густой пучок синтагматических и парадигматических связей, активную словообразовательную деривацию: перестроечник и антиперестроечник; перестроечный период; доперестроечник и доперестроечные настроения; постперестроечный период; антиперестройка; контрперестройка и т.д.

3. В эпохи и периоды социальной нестабильности, социальных революций происходит ускорение естественных языковых процессов. Глубокие социальные перемены последних 10 лет ускорили процессы языковой эволюции и поколебали устойчивость отдельных языковых структур, что привело к преобразованиям на всех уровнях языка, хотя и не таким разрушительным, как в послереволюционную эпоху, но достаточно заметным. Вполне понятно, что эти преобразования происходят прежде всего в лексической системе, в ее внешнем и внутреннем аспектах.

4. Все лексико-семантические процессы: словообразования, семантической деривации, номинации, заимствований, калькирования и др. — отличаются сейчас чрезвычайной интенсивностью. Необычайно активны процессы словосложения. Гнездо с формантом видео- (видеокассета, видеокамера, видеоманитофон, видеоаппаратура, видеодвойка), кажется, имеет тенденцию к почти неограниченному разрастанию: видеобригада, видеотека, «видеотекарь», видеотерминал, видеохалтура и т.д. Словообразовательные модели и модели словосложения легко и естественно обслуживают потребности номинации, которые так актуальны в настоящее время: рыночник, межрегионалы, неформалы, мафиозность, детабуизация, деполитизация, раскрестьянивание и т.д.

5. Не менее интенсивно процессы развития лексико-семантической системы протекают и во внутреннем ее аспекте — расширение парадигматических и синтагматических межсловных связей приводит к семантическим преобразованиям, к развитию полисемии. Примером может служить прилагательное *экологический*, межсловные связи которого настолько расширились, что есть основание говорить о формировании новых лексико-семантических вариантов значения: 'ориентированный на проблемы экологии' (экологическое мышление, воспитание), 'направленный на защиту окружающей среды' (экологическое право), 'связанный с ухудшением состояния окружающей среды' (экологические беженцы).

6. В настоящее время наблюдается очередной подъем процесса заимствований и активизации иноязычной лексики. Ср. новые (не зафиксированные словарями) слова: имидж, рэкетиры, нелегитимный, популизм, рейтинг, спонсор и т.д.

7. Насыщение современного русского языка сниженной лексикой разных источников (в том числе и блатной), его интенсивная жаргонизация приводит к формированию интержаргона.

8. И последнее. В современном русском языке наблюдается нечто принципиально новое, а именно явления языкового возрождения: 1) освобождение языка от многочисленных языковых штампов (единодушное одобрение, посланцы народа, всенародная поддержка и т.д.); 2) освобождение многих слов и значений от семантических подмен и возвращение им исходных значений (благотворительность, святой, праведник, милосердие, покаяние и т.д.).

Все названные процессы возрождения языка можно определить термином "ресементализация". Их значение для русского языка еще предстоит оценить социологам, психологам и лингвистам.

Л.Б.Савенкова

Ростовский государственный университет (Ростов-на-Дону)

ОТРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Языковая система отражает все многообразие внеязыковой действительности. Однако наряду с этим объектом означивания оказывается и сам язык.

Характеристика языка осуществляется как в сфере научной речи, через систему лингвистической терминологии, так и в общенародном языке, причем большая часть

языковых знаков тут касается не описания языка как системы, а его функционально-прагматической характеристики.

Общеизвестно наличие слов, характеризующих речевое поведение говорящего: ругаться, угрожать, насмехаться, клеветать, скандалить и т.п. Часть таких слов в речевом употреблении соединяет в семантике речь и действие (хвалю, обещаю, клянусь и т.п.) и образует основу перформативных высказываний. Однако слова предназначены для обозначения понятий, для означивания ситуаций необходимы высказывания.

Знаками типовых ситуаций в языке являются пословицы и поговорки. Под пословицей понимается устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение обобщающего характера со структурой предложения, обладающее полностью или частично переносным значением. Поговорку от пословицы представляется целесообразным отличать по характеру значения: поговорка — это изречение, все компоненты которого употреблены в прямых значениях.

Речевое поведение в пословицах и поговорках описывается как безотносительно к конкретной речевой ситуации, так и с учетом ее, когда адресат пословицы представляется в роли одного из участников речевого акта.

Что касается отвлеченных типов речевого поведения, пословицы и поговорки отмечают реальную невозможность его постоянного соответствия желаниям адресата высказывания: «Из одних уст клятва и благословение»; «Из одного рта и тепло и холодно»; «На чужой роток не накинешь платок»; «Чужой рот не хлев, не закроешь» и др.

Даже если внешнее речевое поведение того или иного субъекта пословицы удовлетворяет требованиям его адресата, это еще не значит, что оно на самом деле отражает его помыслы, устремления, цели, ср.: «Говорит направо, а думает налево»; «Называет другом, а обирает кругом», «На языке мед, а под языком лед» и др. Поэтому пословицы с осторожностью воспринимают хвалебные речи: «Не хвали меня в очи, не брани за глаза»; «Сладко в рот, да горько вглот»; «Лысец под словами — змей под цветами» и т.д.

Если адресат пословицы представлен в ней как субъект ситуации, ему дается ряд рекомендаций, касающихся речевого поведения. Так, пословица предпочитает немногословие и даже молчание говорливости: «Кто молчит, не грешит»; «Меньше врется, спокойнее живет»; «Кто меньше толкует, тот меньше тоскует»; «Вережка хороша длинная, а речь короткая».

Независимо от качественной характеристики участников коммуникативного акта, народная мудрость советует вовремя останавливаться в речи: «Поболтал, да и за щеку».

Пословицы осуждают беспредметную болтовню: «Молчи, пора рожь толчи!»; «Полно молоть, потолки!».

Следует быть вежливым в общении: «Не дорого ничего, дорого вежество»; «От учтивых слов язык не отсохнет».

Пословицы предостерегают от пересудов: «Не пой худой песни при добрых людях». Они предлагают человеку вести себя в разговоре соответственно своему месту в той или иной социальной группе: «Яйца курицу не учат»; «На что вороне большие разговоры? Знай, ворона, свое кра!»; «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Тактичность в беседе, обдумывание речи необходимы, ибо любое действие вызывает соответствующую реакцию: «Говоря про чужих, услышишь и про своих»; «Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего и не хочет». В речевом общении пословицы рекомендуют не только высказываться, но и внимательно выслушивать собеседника: «Петь хорошо вместе, а говорить порознь». Внимательное восприятие речи позволяет получить исчерпывающую информацию: «Поменьше говори, побольше услышишь»; «Кто говорит — тот сеет, кто слушает — собирает»; «Красна речь слушанием»; «Бог дал два уха, а один язык» и т.д.

В целом в разговоре надо быть уравновешенным, снисходительным к собеседнику, помня: «Язык без костей — мелет». Учтивая, что «Брань на вороту не виснет», пословицы рекомендуют не стараться отвечать колкостью на колкость, грубостью на грубость: «За ветром в поле не угоняешься, за всякое слово не поверстаешься».

Т.В.Шмелева
Красноярский государственный университет

«ГУМАННЫЙ», «ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ», «ГУМАНИТАРНЫЙ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Судьба слов «человеческой» семантики с латинскими и русскими корнями интересна не только лингвистически, но и в социокультурном плане. История этого фрагмента русского словаря отражает сложность и переменчивость идеологических воззрений, культурных ориентаций, социальных предпочтений.

Слова *гуманный* и *гуманность* вошли в русский язык в 40-е гг. прошлого века (В.В.Виноградов, П.Я.Черных). Тогда они воспринимались как знаки прогрессивного, европейски ориентированного образа мыслей.

Словарь советской эпохи отторг эти понятия, сопроводив слова пометой «устар.». Вместе с тем появились термины *пролетарский*, *социалистический гуманизм* и обозначение их антипода *абстрактный гуманизм* (ярлык). Все, что относилось к подлинному, социалистическому гуманизму, обозначалось с помощью советизма *гуманистический*.

Особую судьбу в этом корневом гнезде имеет слово *гуманитарный*. Появившись в русском языке в 20-е гг. нашего века, оно первоначально было синонимом прилагательного *гуманный* (иллюстрации в словарях из текстов М.Горького, А.Толстого). Затем в 30-е гг. было (директивно?) закреплено за обозначением наук, что зафиксировано словарем Ушакова. В 80-е гг. оно начинает расширять свою семантику, обозначая относящееся к человеку в его противопоставлении природе (гуманитарные науки), технике (гуманитаризация естественных наук) и государству (гуманитарная помощь, гуманитарные аспекты политики). Все это говорит о расширении и уточнении границ смыслового поля «гуманитарности» в современном сознании, чему, впрочем, не способствует эвфемистическое употребление слова, появившееся в волне переименований: учебных заведений — в *гуманитарные университеты*, политических наук — в *гуманитарные*, а объединений соответствующих вузовских кафедр — в *гуманитарные факультеты и центры*.

Об активности, латинизированной части «человеческой» лексики в современной политической речи говорит хотя бы такой факт: в словаре Даля фиксируется только два слова — *гуманный* и *гуманность*, тогда как сегодня это корневое гнездо насчитывает почти два десятка слов: *гуманизм*, *гуманист*, *гуманистический*, *гуманистичный*, *гуманистка*, *гуманитаризация*, *гуманитарий*, *гуманитарный*, *гуманно*, *дегуманизация*, *гуманизировать*, *гуманно-прогрессивный*, *гуманно-снисходительный*, *антигуманный*, *гуманитарка*, *гумпомощь*, *гуманизация*, *антигуманистический*, *антигуманист* и др.

Преобладание латинизмов в лексике этого смыслового ряда характеризует постперестроечный словарь и свидетельствует об ориентации на цивилизованный мир и язык мирового сообщества. Перестройка же, объявив о построении социализма с человеческим лицом, принесла термины с русским корнем: *общечеловеческие ценности*, *проблемы человека*, *человеческий фактор*. На излете перестройки совершались попытки пополнить этот ряд «реанимированной» лексикой — *милосердие* (О.Г.Ревзина, Л.А.Жданова).

Непростая судьба слов «человеческой» семантики в русском языке — свидетельство напряженной работы сознания над загадкой человека и его места в этом мире.

2.2. Языковая личность: методологические проблемы изучения и аспекты описания

Н.И.Береснева
Пермский государственный университет

АССОЦИАТИВНАЯ МЕТОДИКА КАК СРЕДСТВО ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ ВНУТРЕННЕГО ЛЕКСИКОНА ЧЕЛОВЕКА

В последние десятилетия внимание многих ученых привлекают проблемы онтогенетического развития речи. Но, несмотря на интенсивность работы в этом направлении, остается еще много нерешенных проблем. Одна из них — изучение внутреннего лексикона ребенка, проблема обогащения его языка новыми словами, поэтапного освоения им семантики и оперирования словом.

Мы пытаемся построить модель внутреннего лексикона детей 6—10 лет. Известно, что моделирование системы языка — эффективный прием ее познания. Так как на современном научно-техническом уровне конкретное «хранение» и «упаковка» лексикона в мозгу человека пока ненаблюдаемы, в нейролингвистике сделаны лишь первые шаги для получения прямой информации из мозга. Сведения о внутреннем лексиконе ребенка можно получить в ходе ассоциативного эксперимента, простого по процедуре проведения и действиям, которые нужно совершать испытуемым (последнее положение особенно ценно для нас, так как традиционные приемы исследования «взрослого языка» применительно к детской речи не очень эффективны).

Исходя из многих исследований, можно рассматривать индивидуальный лексикон как гигантское объемное многоплоскостное ассоциативное поле, единицы которого могут входить в разные пересекающиеся по многим параметрам более или менее обширные поля, имеющие ядро, периферию и размытые границы со смежными

полями. Таким образом, совокупность ассоциативных полей, полученная в ходе нашего ассоциативного эксперимента, может считаться моделью внутреннего лексикона ребенка.

Анализ ассоциативных полей позволяет уточнить характер взаимосвязей между единицами внутреннего лексикона ребенка в зависимости от пола и возраста. Так, вычисление для каждого поля индекса гетерогенности Хорвата позволяет ранжировать стимулы по однородности/неоднородности их ассоциативных полей, т.е. выделить стимулы, на которые преобладают индивидуальные реакции, и стимулы, на которые чаще даются ответы стандартные. Выяснилась зависимость соотношения стандартных и индивидуальных реакций от фактора пола и возраста. Реакции детей 1-го класса в целом менее стандартны, чем реакции детей 2-го и 3-го классов. Реакции девочек более стандартны, чем реакции мальчиков.

Вычисление коэффициентов ранговой корреляции показывает, что корреляция структур ассоциативных полей у мальчиков значительно выше, чем у девочек. Это означает, что в зависимости от возраста структура ассоциативных полей у девочек варьируется заметнее. У них гораздо больше, чем у мальчиков, доля стимулов, в ассоциативных полях которых реакции, единичные у учащихся 1-го класса, становятся стандартными у учащихся 2-го или 3-го классов. Т.е. у девочек по сравнению с мальчиками заметнее динамика ассоциативных связей.

Итак, ассоциативная методика представляется достаточно надежной и перспективной для изучения устройства внутреннего лексикона ребенка.

Л.Ф.Бойцан

Киевский государственный лингвистический университет

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ЛИЧНОСТИ

Персонаж художественного произведения воспринимается как личность, единственной субстанцией существования которой является язык.

Охарактеризовать персонаж как личность представляется возможным во внутриличностном и внешнелингвистическом аспектах, что продолжает характеристику персонажа в трех планах: социальном, в плане внешней характеристики и описания психоэмоционального состояния персонажа. Социально-психологические свойства персонажа определяются его национальной принадлежностью. В процессе характеристики внешности портретная репрезентация является одним из способов создания целостного образа литературного героя, а также средством индивидуальной выразительности. Литературный образ, изображая, выражает, т.е. подразумевает сложное единство изображения и выражения.

В зависимости от аспекта, в каком характеризуется личность, можно различать экстраличностную и интраличностную характеристику.

Экстраличностная характеристика — это комплексная концептуально-языковая операция, которая совершается говорящим/автором с целью обеспечения собственно социальной и социально значимой внешностной характеристики личности.

За счет интраличностной характеристики обеспечивается характеристика личности с точки зрения ее характера, психологического, эмоционального и интернационального состояния в плане проявления ее коммуникативно-речевой компетенции.

Одним из средств характеристики персонажа художественного произведения являются аппозитивные конструкции, что подтверждает анализ отношений между ядром и аппозитивом соответствующих образований.

Поскольку в нашем материале исследуются антропоцентричные аппозитивные образования посредством аппозитивов, называемых «операторами характеристики», или «характеризаторами», в поверхностно-синтаксической структуре текста характеризуются персонажи как личности, наделяются постоянными и временными таксономическими признаками, индивидуальными и типичными чертами, описываются проявления их чувств, эмоций, психофизического состояния, т.е. при помощи аппозитивов характеризующего типа уточняются имманентные свойства лица, которые подаются в ядрах аппозитивных образований.

Характеризация — это та операция, в ходе которой образуется композиционно-речевая форма «персонажная характеристика». В то же время характеристика представляет собой специфический процесс описания антропонимичного субъекта.

Личность является продуктом общественного развития, объектом влияния социальной среды и социальных отношений, поэтому обнаруживаются стойкие формы связи и взаимосвязи людей между собой и с окружающей средой, объяснимые положением, которое занимает личность в обществе, в конкретной совокупности социальных

групп. Характеризовать личность можно только через все ее основные роли, в выполнении которых проявляется ее индивидуальность. Чем более выражена дифференциация социальных ролей, тем разнообразнее социальные роли, тем больше возможных вариантов их объединения, тем разнообразнее должны быть индивиды и тем богаче их автономия от каждой отдельной роли.

А.В.Величко
Московский государственный университет

ЯЗЫК КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Связь «язык — человек» может рассматриваться в двух аспектах. С одной стороны, ученых интересует, каким человек видит мир, как он его осмысляет, интерпретирует, т.е. исследуется языковая картина мира. С другой стороны, не менее интересно рассмотреть и то, каким предстает сам человек в языковых единицах, языковых построениях, в самом строе языка, который им создан и которым он пользуется.

В сообщении в названном аспекте рассматриваются синтаксические фразеологизмы (СФ) — синтаксические построения, в которых компоненты связаны идиоматически, например: Вот спортсмен так спортсмен!; Всем пирогам пирог!; Нет бы нам позволить ей! и др.

СФ в силу своей лингвистической специфики (структура, семантическая емкость, эмоционально-экспрессивная окраска, национальная специфика и др.) дают уникальный материал для исследования проблемы «Язык и человек».

Задачи сообщения:

- показать, как отражается в СФ связь языка со структурой человеческого мышления, с одной стороны, и с ситуациями жизни — с другой;
- проследить, какие свойства человеческой личности, человеческой натуры отражаются в СФ;
- доказать, что СФ представляют говорящему широкие возможности в реализации своих эмоциональных потребностей, дают ему практически неограниченные возможности для выражения своей эмоциональной и эстетической природы;
- пронаблюдать связь СФ в выражении присущих им значений с невербальными средствами, используемыми человеком;
- проследить возможности отражения в СФ национального характера, национальной культуры.

Синтаксические фразеологизмы отражают характерное для человека и отличающее его от других живых существ стремление давать оценку окружающему на основе соотнесения данного объекта с нормативным, идеализированным (Вот так спортсмен!; Тоже мне город!; Красавица из красавиц!; Концерт как концерт!).

В синтаксических фразеологизированных построениях отражается богатство эмоциональной природы человека. Именно поэтому их не случайно называют структурами с субъективно-модальным значением, и они действительно передают во всем разнообразии эмоциональное отношение говорящего к окружающему миру, действиям, явлениям, другим людям.

СФ отражают связь языка со структурой мышления, в частности присущую человеку привычку к сравнению. Ср. наличие компонента сравнения в оценочных СФ: Всем пирогам пирог!; Розы — это цветы!

Синтаксические фразеологизмы, реализуя во всей полноте функцию общения, позволяют говорящему не только выразить свою позицию, эмоции, этические представления, о чем говорилось выше, но и осуществить связь с собеседником, установить с ним контакт. Таковы СФ, используемые в случаях, когда необходимо убедить собеседника: Чем не подарок!; Тебе ли не радоваться!; Это ли не удача! Кроме того, СФ отражают потребность человека в контакте, поиск такого контакта, желание получить поддержку, сочувствие: Ох уж эти мне дела!; Хоть уходи на другую работу! Не спорить же мне с ним!

П.Вицаи
Венгрия

ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО КАК ЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВЕНГЕРСКОГО РУСИСТА

1. Как известно, формирование языковой личности учащихся является конечной целью процесса обучения иностранному языку. Проблемы языковой личности

характерны для теоретической лингвистики (см. работы Ю.Караулова), и методика преподавания иностранных языков (в нашем случае — русского языка как иностранного) может многое почерпнуть из существующих исследований. В частности, это касается формирования лексикона языковой личности.

2. Необходимо достаточно четко осознать, какие обязательства накладывает на преподавателя организация изучения русского языка в контексте значительных изменений в российском обществе и в русском языке. В русской литературе есть талантливые поэты, барды, писатели, которые сделали первые шаги к созданию основы современного русского языка и творчество которых может активно использоваться в преподавании современного русского языка для формирования языковой личности и усовершенствования лексикона иностранных учащихся. Один из них — Владимир Высоцкий.

3. Идеи, взгляды поэта импонируют современной молодежи, его творчество не оставляет равнодушными подростков с гитарами, исполняющими песни барда по всей России, и не только в России. Как известно, массовая культура активно влияет на развитие языка. Она формирует целый пласт общеупотребительной лексики, внедряет в массовое сознание людей языковые стереотипы. В.Высоцкий как поэт-песенник тоже является представителем массовой культуры, тем более что в наше время творчество этого барда занимает значительное место в национальной художественной культуре. Он был одним из тех, кто создал современный городской фольклор. Язык песен Высоцкого насыщен разговорными выражениями, просторечиями и жаргонизмами и, таким образом, совпадает с языковым вкусом современной эпохи. Употребляемые им фразы вошли в сознание народа как устойчивые выражения, «прецедентные тексты». «Прецедентные тексты» из В.Высоцкого используются в языке массовой коммуникации и в обыденных беседах людей: «Как известно, произведения Высоцкого почти не печатались при жизни автора, несмотря на то что миллионы людей принимали их душой, знали наизусть и цитировали в разговорах» (В.Новиков).

4. В структуре общих национальных элементов языковой личности песенное творчество В.Высоцкого занимает определенное место. В нем содержится ценный языковой и лингвострановедческий материал, который, безусловно, способствует формированию современной языковой личности учащихся. В настоящее время автором тезисов разрабатывается коммуникативно ориентированный спецкурс по творчеству В.С.Высоцкого для венгерских студентов-филологов.

Т.Ф.Иванова
Институт русского языка РАН (Москва)

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КОНКРЕТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПУТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Понятие «языковой личности» в исследованиях политического языка до сих пор не применялось из-за неразличения «языка писателя», действительно выступающего в своих произведениях как «множество говорящих и понимающих личностей» (Ю.Н.Караулов), и языка общественного, политического деятеля, который, хотя и выступает (как и писатель) в роли автора текста, но не имеет при этом надобности «мультиплицировать в своем творчестве собственную языковую личность через язык вымышленных персонажей.

С другой стороны, не различался собственно язык политики (чьим предметом является политическое устройство общества) и язык, отражающий состояние общественного сознания, развитие общественной мысли, который обслуживает в качестве коммуникативной разновидности национального языка многие стороны и аспекты общественной, экономической, духовной жизни нации. Предметом «языка общественной мысли» являются все те вопросы и темы, которые для каждого синхронного состояния языка представляются общественно значимыми, насущными, «животрепещущими».

В качестве одного из подходов к изучению языка русской общественной мысли разных синхронных состояний мы предлагаем «личностный» подход, т.е. изучение текстов как произведений конкретной исторической личности, созданных в конкретных условиях (экстралингвистический контекст) с определенными целями (прагматика). До недавнего времени исследования в этой области касались в основном так называемой «общественно-политической лексики» или газетных и журнальных статей без привязки к автору — отправителю текста.

Массив созданных любой конкретной личностью текстов может рассматриваться как ее дискурс и изучаться в том числе и методами лексикографирования. Но

речевая деятельность далеко не каждого носителя языка может быть зафиксирована в лексикографических целях. Отсюда понятие среднего, «усредненного» носителя национального языка, обобщенной языковой личности, языковая компетенция которой отражена в общеязыковых толковых словарях.

Нам представляется, что в отличие от писателей (как «множественных языковых личностей») наиболее «репрезентативными» носителями языка и кандидатами на изучение в «личностном» плане будут исторические личности, одновременно являющиеся и «пишущими языковыми личностями». Это публицисты, общественные и государственные деятели, политики, ученые, адвокаты, ораторы, религиозные деятели, философы, социологи. По нашему мнению, автор текстов, который не прибегает к созданию вымышленных персонажей, наделенных собственным языком, на протяжении своего творчества действительно выступает как единая языковая личность. Все сказанное относится, разумеется, и к той части творческого наследия писателя, в которой он выступает в качестве публициста (очерки, статьи, эссе, мемуары, письма).

Методы изучения языковой личности путем создания «словаря личности» (в отличие от «словаря писателя») разрабатывались нами на примере толково-энциклопедического «Словаря языка В.И.Ленина», работа над которым сейчас, к сожалению, остановлена. Корпус текстов как объект лексикографирования в «словаре личности», как это видно на примере текстов В.И.Ленина, является внутренне однородным, так как он объединен единой концептуально-языковой картиной мира, присущей данной личности.

Поскольку в корпусе текстов зафиксирована речевая деятельность (часть дискурса) конкретной личности, слово в тексте является не языковой (системной) единицей, а «текстовым» словом с актуализированной общеязыковой семантикой, единицей коммуникативной системы. Это дает основание говорить об индивидуальной лексико-семантической системе конкретной личности. Система таких «текстовых слов» (например, в виде словаря) и будет лексико-семантической моделью речевой деятельности «языковой личности». Таким образом изучается употребление национального языка (в одной из его коммуникативных разновидностей) конкретным носителем (исторической личностью).

Далее, на основании восстановления «лексикона» можно делать заключение о тезаурусе данной языковой личности, поскольку «один и тот же лексикон принципиально не может обслуживать разные тезаурусы» (Ю.Н.Караулов). Следовательно, при «личностном» подходе к изучению текстов, отражающих состояние и развитие общественной мысли и изменение общественного сознания, необходим выход на смысловой и концептуальный уровень речевой деятельности индивида, а затем на его тезаурус, так как именно в этой коммуникативной разновидности языка речевая деятельность тесно связана с концептуально-языковой картиной мира личности.

Сумма таких описаний речевой деятельности индивидов для определения синхронного среза даст в итоге искомую адекватную (а не усредненную) картину состояния лексико-семантической системы языка через призму языков индивидов. Сумма же, точнее, спектр концептуально-языковых картин мира или личностных тезаурусов общественных деятелей этой же эпохи даст искомое состояние тезауруса общественной мысли.

М.П.Которова
Пермский государственный университет

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ И МЕТАФОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ УЧЕНОГО

В современной психологии творчества различаются рациональный и метафорический стили мышления ученых (М.А.Холодная). Индивидуальное творческое мышление, с акцентом на его метафоричности, испытывает воздействие ряда факторов — гносеологических, психологических, физиологических и др.

Важным гносеологическим фактором является стиль мышления эпохи, точнее, исторического этапа развития науки, или совокупность стереотипов научного мышления, соответствующих определенному историческому уровню развития научного знания. В рамках определенного стиля мышления эпохи (антропоморфный, механистический и др.) и проявляется метафоричность стиля мышления ученого. Социально-психологическая природа мышления обуславливает антропоморфный перенос собственных свойств человека на мир. По мнению Н.С.Автономовой, этап преодоления антропоморфизма не закончился, при этом не прекращается и само действие механизма метафорического переноса. Кроме того, индивидуальное творческое мышление связано с рефлекторно-физиологическими особенностями человека. Известно,

что левое полушарие коры головного мозга обеспечивает логическое, а правое — образное мышление человека. Но одинаково слаженная работа двух полушарий возможна лишь в идеале. По-видимому, тому типу индивидов, у которых наиболее развито полушарие, отвечающее за целостное, синтетическое мышление, присуща метафоричность, проявляющаяся при изложении любого научного знания (метафоры использованы всеми авторами исследованных текстов).

Метафорический перенос, осуществляемый интуитивным путем познания, может выполнять идеопорождающую (концептуальные, ключевые метафоры) и системопорождающую (частные метафоры) функции. Формирование и употребление функционально различных метафор, особенно концептуальных, обусловлено стилем (доминирующим свойством) мышления ученого. Метафорический стиль занимает особое место в пределах способа познания, существенной чертой которого является видение объекта в целостности, синтезе его отдельных сторон. Можно считать, что большое количество метафор непосредственно связано с метафоричностью мышления автора. Однако несомненно, что в этом проявляется отнюдь не главный аспект метафорического стиля мышления. Наиболее существенна качественная сторона функционирования метафор в тексте. Метафорический стиль мышления адекватно соотносится с понятием научной картины мира, представляющей собой картину общих категорий и закономерностей, в основе которой лежит именно метафора.

Совершенно естественно, что насыщенность текста яркими, образными метафорами является живым свидетельством активного, творческого характера мышления того или иного ученого. Однако о реконструкции действительно метафорического стиля мышления автора текста можно говорить лишь в том случае, когда представлена развернутая метафора, модель познавательного пространства как метафорического, — фрагмент научной картины мира. Как показал анализ 20 монографий по химии, генетике, геологии и лингвистике (выборки по 12 тысяч употреблений), в восьми из них зафиксировано от 50 до 80 метафор (в остальных — от 16 до 40). Однако концептуальные метафоры-модели, формирующие метафорическое пространство, выявлены лишь в двух работах — по лингвистике и генетике.

Приведем пример антропоморфной метафоры из монографии Н.Д.Арутюновой «Типы языковых значений» (М., 1988). Фрагмент научной картины мира организован по модели «язык — аналог человека». Здесь язык действует по аналогии с человеком, что поддерживается метафорами-олицетворениями: «Язык формирует концепты...осуществляет коммуникацию», «Язык способен на «преступные» действия», языку свойственна «несговорчивость». Слова и высказывания как элементы языка тоже характеризуются как живые: «высказывание воспитывает нормы поведения», слова — «партнеры» добра, счастья и удовольствия», язык проявляется как «живая речь». Так постепенно выстраивается предположение о функционировании языка по модели живого организма, точнее, аналога человека, складывается научная интерпретация языка посредством антропоморфной картины его функционирования.

Метафоричность мышления сопряжена со способностью находить аналогии, поэтому метафорический стиль мышления присущ ученым, имеющим высокий уровень компетенции и широкую научную эрудицию.

В.Д.Лютикова
Тюменский государственный университет

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОЗДАНИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЧАСТУШЕЧНИКА

Фразеологизмы по праву считаются одним из ярких выразительных средств языка. Творчество частушечников, создателей и исполнителей частушек, подтверждает это. С помощью фразеологизмов они делают частушку экспрессивной и неповторимой. Данное сообщение построено на материале частушек, собранных в с. Кодском Шатровского района Курганской области.

В сознании частушечника и частушка, и фразеологизм представлены как языковые воспроизводимые формы, образно отражающие мир, поэтому в диалектной речи нередко частушка полностью или частично выполняет функции меткого выражения, стержневым элементом при этом является часто фразеологизм: «Что ж с картошкой-то делать? Хозяин уехал. — Не такие шали рвали, рвали полшалочки. Выкопам»; «Моя-то квартирантка не моет, да еще парней водит. Надо новой грубяночке *дорогу показать* (т.е. отказать, выпроводить)».

Фразеологизмы, использованные в частушках, содержат информацию о языковых характеристиках их пользователей. Во-первых, они выражают самобытность речи: «Горя много — *три подола*. Им засею все поля. Мое горе всем известно: бросил

бочка меня». Во-вторых, фразеологизмы информируют о том, что субъект речи этикетен: «Изменена. Изменена, изменена и брошена. Я желаю тебе, бочка, *Всего хорошего*». В-третьих, фразеологизмы свидетельствуют о том, что частушечник может выразить самые тонкие чувства в образной форме: «Я така была весела — *Голову повесила*» (затаенная горечь); «Я упала и сказала: *Слава богу, изменил*» (успокоение через иронию); «В долгу я тоже не осталась, В *порошок* ее *стерла*» (мечь). «День с товаркой, день со мной, На *бобах* *остался*» (злорадство).

Выражаемые фразеологизмами чувства обычно в частушках проявляются в типичных ситуациях: измены (мартышка с хвостиком, черт длинноногий, живому не бывать, с кем попало, на бобах остаться, на черта (ты) сдался), любовной встречи (любовь горячая, зажег сердечко, души не чаяла, сердце бьется как у голубенка), разлуки (сердце колет как иглой, сердце кровью обливается, тоска задавит, из лица вывести), в отношении «грубейночки» (как змея на кочке, как в пелеве воробей, как ободраннаямышь, хуже лихорадки, фонарей навешать).

В четвертых, активное использование автоматически воспроизводимых фраз совсем не говорит о слабо выраженном творческом начале частушечника, потому что набор этих единиц большой. В нашем материале нет стандартных приемов использования фразеологизмов, и, кроме того, в частушках присутствуют все общеязыковые виды трансформации фразеологизмов, что свидетельствует о творческом подходе к использованию языка. Самым активным способом является буквализация фразеологизма: «Мне сказали про миленка, Что он водочку не пьет. Посмотрела в воскресенье, *Носом землю достает*». Часто используется замена компонентов во фразеологизме: «Меня милый изменил, Мне на это наплевать. Я такого таракана *Решетом могу поймать*» (ср.: воду решетом носить). Интересным также является способ нанизывания фразеологизмов: «*Бог судья тебе, подружка, Увела моего Ванюшку. Не поднимется* моя рука Тебе *навешать тумака*».

В-пятых, использование фразеологизмов в частушке говорит о развитом языковом сознании частушечника. Он может размышлять о вопросе языкового средства, адекватного коммуникативному замыслу говорящего: «То ли я не то сказала, То ли *рот* *разинула*, Только в это воскресенье я была покинута».

Языковое сознание проявляется в оценке чужой речи, что находит выражение во фразеологизме: «Про меня говорят Нехороши речи. От меня отлетят *Как горох от печи*» (т.е. быстро, не оставив заметных следов).

Фразеологизмы используются в форме оценки речевой и этической характеристики собеседника: «Это чьи такие речи, Это чей там голосок? *Оторвать тому бы ноги За длинный язычок*»; «Боевая, боевая, Боевым-то не позор. Боевых-то пуще любят *За веселый разговор*».

Бытуют такие частушки, в которых осуждаются некоторые языковые пристрастия в форме устойчивых выражений: «У миленка поговорка: «*Да бычок, да телочка*». Вот за эту поговорку *Не люблю миленочка*».

Итак, частушечник через призму фразеологизмов предстает как субъект речи, заинтересованный в создании выразительного текста, и делает он это в соответствии со своей народной культурой. Он тонко чувствует стилистику, коммуникативную заданность и художественную ценность фразеологизмов, творчески и смело пользуется фразеологическим богатством русского языка.

Т.И.Мальцева

Воронежский государственный педагогический университет

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СКАЗКАХ ВОРОНЕЖСКОЙ СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ

Сказки А.К.Барышниковой (Куприянихи) представляют собой интересный материал для наблюдения. Богатство художественных средств, используемых сказительницей, дает лингвисту широкий простор для исследовательской деятельности, однако работ, посвященных изучению ее языка, стиля, творческой манеры до обидного мало.

Объектом нашего внимания стали волшебные сказки А.К.Барышниковой и А.Н.Афанасьева в их сопоставлении.

Сказки А.К.Барышниковой — явление глубоко самобытное. И даже неискушенному слушателю с первой же фразы бросается в глаза нетрадиционность зачина, цель которого — «включить» слушателя в мир сказки и ввести главного героя.

Традиционно для этих целей используется два типа инициальных конструкций.

1. Конструкция, репрезентирующая только главного героя, имеет в своем составе одну предикативную единицу (ПЕ): «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат» (Аф. N 367); «Жил один кузнец» (Аф. N 302).

2. Конструкция второго типа осуществляет двойную репрезентацию. Она состоит из двух ПЕ, которые являются интродуктивными бытийными структурами, объединяемыми в составе инициальной конструкции параллелизмом их организации и общностью репрезентативной функции. Первая ПЕ вводит в сказку родителей героя. Область их бытия представлена пространственным локализатором или остается неопределенной. Вторая ПЕ представляет главного героя и, кроме того, может вводить «вредителя», ложного героя. Область бытия этих персонажей представлена личностной сферой: «Бывали-живали царь да царица; у царя у царицы был один сын Иван-царевич» (Аф. N 207); «Жил-был купец, были у него сын да дочь» (Аф. N 280).

Цель интродуктивных бытийных предложений, по мнению Н.Д.Арутюновой и Е.Н.Ширяева, состоит в том, чтобы «сообщить адресату о существовании некоего объекта, чаще всего лица, о котором пойдет речь в дальнейшем повествовании... Интродуктивные бытийные предложения обязательно требуют продолжения. Отсутствие продолжения обмануло бы ожидания адресата, оставило бы у него чувство информативной неудовлетворенности». Именно поэтому такие предложения широко используются в инициальной формуле. В сборнике сказок А.М.Афанасьева такие конструкции составляют около 90% от общего числа инициальных формул, и только 10% структур сразу вводят слушателя в действие, без предварительного сообщения о существовании героя. В сказках же Куприянихи процентное соотношение иное: 20 и 80%. Т.е. только 20 процентов инициальных формул — бытийные предложения, причем структурно отличные от бытийных конструкций, рассмотренных выше. Сказительница контаминирует ПЕ, вводящую родителей, и ПЕ, включающую героя: «У царя было двенадцать сыновей» (Купр. N 3); «У царя Микидона было три сына и все неженатые» (Купр. N 25).

Как явствует из примеров, по структуре инициальные ПЕ сказительницы тождественны ПЕ инициальной конструкции с личностным (именным) локализатором. Ср.: «Жил-был старик со старухой. У старика у старухи было две дочери» (Аф. N 292). Однако локализатор в инициальной конструкции сказок Куприянихи — не референтен. Этим подчеркивается тот факт, что персонаж, упомянутый в локализаторе, не будет субъектом повествования и сказительнице важно дать определение имени только на уровне класса (царь, старуха). Предпочтение же А.К.Барышниковой отдает конструкциям, которые позволяют сразу ввести слушателя в действие сказки: «Старуха послала своего сына на базар купить ложки» (Купр. N 20); «У девочки мать померла» (Купр. N 2).

Данные конструкции, начиная сказку, заключают в себе, по сути, два сообщения: (1) Жила-была старуха; у ней был сын. (2) Послала она его на базар купить ложки; (1) Жила-была женщина; у нее была дочь. (2) Женщина умерла. И.И.Ковтунова считает подобные конструкции в художественной литературе «изобразительным приемом, увлекающим читателя (в нашем случае — слушателя. → Т.И.) в ход повествования... Новые лица, предметы, явления вводятся в повествование так, как будто читатель уже с ними знаком, их видит, слышит и воспринимает».

Подобное введение персонажей не соответствует принципу предикативной репрезентации отношений внешнего мира, воспринятому фольклором от разговорной речи, однако оно широко используется сказительницей А.К.Барышниковой. Вероятно, объяснение этого феномена следует искать в ее манере повествования. Для Куприянихи характерна краткость и стремительность изложения, которые и влекут за собой отмеченное своеобразие в использовании языковых средств.

Н.Л.Мурзин
Пермский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЗВУКОВ РЕЧИ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

1. Языковая личность обычно рассматривается на лексико-грамматическом или текстовом материале. Между тем звуки речи представляются не менее важными для характеристики личности, чем другие речевые составляющие. В докладе будет представлен опыт исследования акустических свойств звуков речи с точки зрения языковой личности.

2. Как известно, фонемы в процессе их реализации обладают дифференциальными признаками. Дифференциальные признаки фонем характеризуют данную личность так же, как и любую другую личность, говорящую на том же языке. ДП представляют собой внутренние свойства языка, независимые от носителя языка — личности говорящего. Следовательно, будучи существенными в языковой системе, за

ее пределами они оказываются несущественными, т.е. социально нейтральными. Смешение дифференциальных признаков свидетельствует о неполном владении системой данного языка.

3. Социально значимыми являются признаки фонем, которые мы условно называем нефонологическими. Их роль сводится к дифференциации самих носителей языка по таким социальным параметрам, как пол, возраст, принадлежность к той или иной языковой общности и т.п. Совокупность нефонологических признаков характеризует языковую личность на фонетическом уровне.

4. Нефонологические признаки фонем неоднородны. Одни из них соответствуют норме языка (например, раскатистое [р] в противоположность картавому или смычность [г] в противоположность фрикативному) и выделяются на фоне нарушения нормы, т.е. разграничиваются как правильные и неправильные реализации фонемы. Другие безразличны к такому противопоставлению, т.е. обнаруживаются в пределах нормы языка (например, различия по высоте основного тона женского и мужского голоса).

5. На основе прежде всего нефонологических признаков фонем осуществляется идентификация говорящей личности. Идентификация может быть полной и неполной. Полная идентификация связана с тождеством (в определенных пределах) нефонологических фонем в отрезках речи предполагаемого носителя языка, что устанавливается путем наложения соответствующих графиков и числовых значений этих признаков. Неполная идентификация предполагает отождествление лишь некоторых нефонологических признаков и носит вероятностный характер. Разработка методики идентификации личности имеет большое значение в криминалистической практике.

С.Р.Омельченко

Волгоградский государственный университет

ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Системно-структурный уровень языка составляет «необходимую предпосылку» становления и функционирования языковой личности. Элементы этого уровня — слова, «вербально-грамматическая сеть», стереотипные сочетания («паттерты») — принимаются каждой языковой личностью как данность, и «любые индивидуально-творческие потенции личности, проявляющиеся в словотворчестве, оригинальности ассоциаций и нестандартности словосочетаний, не в состоянии изменить эту генетически и статистически обусловленную данность» (Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С.53).

Особенности функционирования языковых средств с выраженным прагматическим компонентом (модальным, эмоционально-экспрессивным, стилистическим) в контексте позволяют полнее удовлетворять коммуникативные потребности носителей языка. Одним из примеров этого могут служить словосочетания глаголов модальной семантики с субъектным инфинитивом.

Для семантики модального отношения субъекта к действию характерна модель «глагол + инфинитив», где первый компонент может быть представлен модальным или функционально-модальным глаголом» (Омельченко С.Р. Глаголы модальной семантики в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989. С.5—12). В рамках этой модели значение модального отношения к действию обнаруживает набор дифференциальных сем, которые можно расположить по степени активности выражаемого признака. Характер проявления признака варьируется в зависимости от лексического значения глагола модальной семантики и субъектного инфинитива, а также от контекстуальных условий. Степень участия субъекта в выражении данного признака рассматривается нами, вслед за С.П.Лопушанской (Лопушанская С.П. Лингвистическое описание «Устава Святослава Ольговича» // Литературный язык Древней Руси: Проблемы исторического языкознания. Л., 1986. С.134), в качестве текстообразующей функции анализируемых словосочетаний.

Для анализа была взята шкала прагматических противопоставлений из двух знаков с учетом трех делений «плюс (+): ноль (0): минус (-)». Первый знак отражает характер эмоционально-оценочной коннотации: плюс означает положительную оценку, минус — отрицательную, 0 — нейтральную. Второй знак указывает на характер функционально-стилистической коннотации: плюс означает книжную коннотацию, минус — разговорную, ноль — нейтральную. При помощи этой шкалы анализу подверглось 80 глаголов модальной семантики, из них 20 собственно модальных, 60 функционально-модальных.

Под эмоционально-оценочной коннотацией мы понимаем положительную и отрицательную модальность (Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981. С.49),

интерпретируемую как утверждение или отрицание осуществления субъектом действия в силу различных причин: физического или психического состояния субъекта, его умения, желания, намерения осуществить действие или в силу объективных условий. Учитывался также и возможный эмоциональный характер такой оценки, о чем свидетельствует наличие в семантике некоторых глаголов коннотативных сем «одобрение» или «неодобрение».

Функционально-стилистическая коннотация рассматривается нами, вслед за М.Н.Кожиной, как часть семантической структуры языковой единицы, в которой содержится указание на сферу употребления (Кожина М.Н. *Стилистика русского языка*. М., 1983. С.33—37). В силу абстрактности семантики модальных и функционально-модальных глаголов взята лишь самая общая оппозиция «книжная — разговорная лексика». Критерием книжности является содержащаяся в значении информация об использовании слова в официальной обстановке, о кодифицированном характере его употребления. Разговорная функционально-стилистическая коннотация указывает на типичное употребление слова в неофициальной обстановке, на большую способность к варьированию.

Такая шкала прагматических противопоставлений показала разнообразные соотношения коннотативных компонентов, из многообразия которых языковая личность может выбрать именно то, что соответствует устойчивым связям между понятиями в тезаурусе, обеспечивая ее коммуникативно-деятельные потребности.

Т.Б.Радбиль

Нижегородский государственный педагогический университет

О МИФОЛОГИЗАЦИИ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

1. Современная лингвистика характеризуется включением «антропного принципа» в парадигму научного знания. С непосредственным включением субъекта в исследовательскую модель связан феномен языковой картины мира как коррелята языковой системы в целом, единицы которого, однако, организуются и иерархически координируются по иным, экстралингвистическим факторам — по когнитивной, ценностной и коммуникативно-прагматической интенциональности (Ю.Н.Караулов).

2. Отдельная личность, как и весь народ, тоже есть особая позиция в видении мира (В. фон Гумбольдт). Значит, в рамках картины мира этноса есть ряд несовпадающих индивидуальных языковых картин мира.

3. Отдельные языковые знаки могут занимать в картине мира личности приоритетные позиции в качестве носителей значимых для личности ценностей. Такие знаки мы назовем идеологемами. Они и будут для данной личности ключевыми единицами ее картины мира, иерархически подчиняющими себе остальные языковые единицы, значения и смыслы. При этом они могут полностью или частично утрачивать общезыковое значение, приобретать сугубо индивидуальные семы и коннотации, видоизменять предметную отнесенность и т.д.

4. Теоретически возможна ситуация, при которой элементы языковой картины мира перестают адекватно отображать в знаках связи и отношения реальной действительности и общечеловеческие ценностные ориентиры. Это происходит при разрыве общезыковой семантики и оценочности единицы и ее индивидуальной репрезентации. Тогда можно говорить о мифологизации картины мира языковой личности, причем субъективно личностью не осознаваемой.

5. Объективными причинами мифологизации являются недостаточное знание о мире, искажение шкалы ценностей социума, неадекватное освоение языковой семантики и т.п. Субъективными ее причинами являются целенаправленные действия господствующих социальных институтов по манипулированию общественным сознанием.

6. Языковая ситуация, отраженная в романе А.Платонова «Чевенгур» — яркий пример мифологизации картины мира с помощью идеологем типа «коммунизм»/«социализм»/«революция». С одной стороны, эти слова занимают в картине мира героев позиции высшей ценностной значимости (т.е. становятся идеологемами). С другой стороны, их сложная и абстрактная семантика не может быть адекватно освоена в картине мира героев, а классовое, социально-политическое концептуальное содержание не приспособлено для маркировки общечеловеческих ценностей. Пытаясь примирить эти противоречия, герои А.Платонова нарушают в своей картине мира истинные связи и отношения между явлениями реальности, искажают гуманистические ценности и идеалы.

7. Отметим чисто лингвистические характеристики мифологизации языка в картине мира.

— На уровне лексики. Утрачивается, размывается предметно-понятийная отнесенность слова, его номинативная функция. Абстрактная семантика приобретает не свойственное ей конкретно-чувственное «овеществление» («коммунизм» — как «плоть», «вещество»). Происходит детерминологизация термина, наводятся индивидуальная образность и коннотации, противоречащие общезыковой семантике. Не различается метафора как отражение подобия и метонимия как отражение реальной связи между объектами (т.е. не различается связь, установленная сознанием, и связь, реально существующая). Возникает особый, нерасчлененный тип полисемии («первобытный»), при котором весь комплекс значений актуализирован одномоментно, а между семами установлено отношение не сходства, а тождества.

— На уровне грамматики. Происходит своеобразная «лексикализация» грамматической формы, разрыв парадигмы и трансформация категориального значения в номинативное (вещественное). Наблюдается своего рода «идиоматизация» свободной синтаксической конструкции (словосочетания и даже целого высказывания): утрачивается синтаксическая и семантическая ее членимость, выводимость смысла целого из значения его компонентов; утрачивается коммуникативная направленность высказывания (в дискурсе оно занимает позицию отдельного слова).

— На уровне прагматики. Разрушается общая апперцептивная база говорящего и слушателя (единство фоновых знаний). Порождение высказывания приравнивается к осуществлению практического действия, предизируемого в высказывании (своего рода «магия слова»). Происходит ритуализация речевых поступков.

8. По мнению многих ученых (например, И.М.Дьяконова), подобные языковые рефлексy характерны для архаического мифологического типа сознания. Тем более удивительны его корни в современной языковой ситуации.

Н.А.Сальцева

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ПОЗНАЮЩИЙ СУБЪЕКТ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Для современной лингвистики антропологический подход становится одним из ведущих на сегодняшний день. Известно, что антропологическая лингвистика принимает человека за своеобразную архисему своих исследований и рассматривает в связи с этим проблему роли человеческого фактора в языке и особенностей языковой личности.

Но сам по себе антропологический подход не является новым для научного знания. В течение долгого времени опыт антропологического разрешения проблем познания мира аккумулировался в недрах философии. Критикуя взгляды идеалистов, реформу философии осуществил Л.Фейербах, предложив философию человека, т.е. антропологию: «Человек — это высшее средство природы, поэтому я должен исходить из сущности человека...» Следовательно, суть антропологического принципа заключается в принятии человека за исходную точку анализа.

Очевидно, что и антропологическая философия, и антропологическая лингвистика своей центральной проблемой считают изучение человека, при этом философия оперирует термином «познающий субъект», а лингвистика — термином «языковая личность». Возникает вопрос: как соотносятся эти понятия, можно ли говорить об их тождественности?

Для философии субъект — это обозначение психолого-теоретико-познавательного «я», которое направляет свое познание на объект. При этом познание представляет собой определенную оценку, опирающуюся на опыт субъекта, т.е. в познании мира субъекту важен и аксиологический момент. Тем самым, познавая мир, субъект создает и определенную картину мира (КМ). Непрерывающийся процесс познания стимулирует постоянное изменение КМ. «Мысли меняются не от того, что меняется истина, а от того, что меняется ориентация человека» (Хосе Ортега-и-Гассет). Изменения КМ эксплицируются в языке, потому что он способен к фиксации результатов познания.

Существует мнение, что язык участвует в двух процессах, связанных с КМ: 1) в его недрах формируется языковая картина мира (ЯКМ); 2) язык эксплицирует другие картины мира. Иначе говоря, язык эксплицирует наши знания и опыт, т.е. вся языковая номинация связана с означиванием известного человеку.

Таким образом, познающий субъект создает КМ, которая эксплицируется в языке, давая представление о языковой личности субъекта. В данном случае язык выступает в качестве опосредующей структуры, с помощью которой человек формирует образ мира, его картину, которая являет собой сплав познания как чисто объективного начала и оценки как чисто субъективного начала.

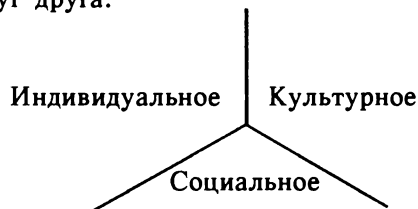
Следовательно, ЯКМ — это результат экспликации языковой личностью деятельности познающего субъекта, воссоздающего КМ. Интеллектуальное бытие субъекта динамично, отсюда — постоянное изменение КМ, которая отражается в языке и репрезентируется языковой личностью. В связи с этим приходим к выводу, что языковая личность — это субъект познания в лингвистике. На наш взгляд, возможен синтез антропологических подходов в философии и лингвистике, так как очевидна корреляция основных терминологических понятий «познающий субъект» и «языковая личность».

Т.Н.Снитко

Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Понятие «языковая личность» представляет собой методологическую проблему, поскольку «языковая личность» принадлежит одновременно трем «мирам»: миру культуры, миру индивидуального и миру социального. Такого рода понятия не могут быть даны через определения (определений может быть очень много, но ни одно из них не «схватывает» понятия), а могут только «строиться» как рассмотрение отношений между разнородными «мирами». Отношения между этими «мирами» можно показать как отношения между тремя плоскостями, расположенными ортогонально относительно друг друга:

Человек смотрит на мир глазами той культуры, которой принадлежит. Проблема языковой личности — проблема того пространства, в котором языковая личность осуществляет себя как таковая, иначе говоря, это проблема семантического пространства, задаваемого культурой. Под пространством понимается определенная форма организации, например, определенная форма организации деятельности познания или понимания, задающая специфику поведения языковой личности, ориентированной на определенные культурные парадигмы.

Культура определенным образом структурирована, что определяется процессами, протекающими в собственно культурном пространстве: познанием, пониманием, рефлексией, мышлением,мыследеятельностью, мыслекоммуникацией и т.д. Преобразование какого-либо процесса или процессов может иметь многочисленные последствия для культуры, а следовательно, и для языковой личности, находящейся внутри семантического пространства культуры.

Компаративный подход, например, сравнение культур Запада (Европа) и Востока (Китай, Япония), указывая на полярные типы организации семантического пространства культуры, позволяет сделать заключение и о понятии «языковая личность».

Путь освоения окружающего мира в Европе — путь его познания, в Китае и Японии — путь понимания этого мира. Фундаментальное различие познания и понимания — в позиции осваивающего мир субъекта. Вся европейская культура антропоцентрична. Человек выделяет себя из окружающего мира и становится субъектом познания; окружающий мир для него — объект исследования. Возникает субъектно-объектная парадигма, в рамках которой получены предметы всех современных наук.

Для Востока характерна позиция погруженности человека в осваиваемый им мир, что имеет для ориентальной культуры многочисленные и разнообразные следствия. Так, вопрос об истине, характерный для Европы, заменяется здесь вопросом о деятельностином смысле: «Что есть мир для меня?» (ср. европейское «Что есть бытие?»). Тот факт, что человек осваивает мир, не вычленив себя из него, постигает явления в их взаимосвязи друг с другом, приводит к тому, что акцент делается не на отдельных предметах и явлениях действительности, а на связях между ними. Явления соотносятся друг с другом через посредство более общего символа. Таким образом осуществляется работа в многомерном пространстве культуры Востока, что является признаком понимания как многомерного функционального «схватывания» при обязательном понимании самого себя.

Для познающего отношения к миру западного типа характерна линейная логика, эксплицитность, максимальная степень вербализации смыслов. Понимающее же

освоение мира, характерное для Востока, приводит к наличию специфической структурной логики, многочисленных импликаций, ассоциативных, символических связей, так как понимание в принципе несуксесивно и многомерно.

Стереотипная стратегия понимания европейца — понять содержание произносимого текста. Объемлющим контекстом, своеобразной рамкой, определяющей эту стратегию, является знание как обмен информацией. Стереотипная стратегия понимания, например, японца — понять собеседника, ситуацию и текст как единство (так, японское «хай», т.е. «да», — сигнал понимания, но не согласия со сказанным).

Пространство осуществления речевого акта, который всегда одновременно объективен, индивидуален и социален, оказывается и смысловым пространством языковой личности. Тип языковой личности культурно детерминирован и определяется способом соотношения объективного содержания, субъективного отношения и социальности (направленности на собеседника).

Н.В.Устина

Пятигорский государственный педагогический институт

ТВОРЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СУБСТАНТИВНАЯ РЕКУРРЕНЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Субстантивное повторение в тексте может освещаться в двояком интерпретативном измерении: как аспект, относящийся к собственно текстовой структуре, определяемой формальными законами жанра, и как этикет сугубо индивидуального пользования жанровым арсеналом литературы.

Резонно полагать, что первый аспект в меньшей степени зависит от языковой личности. Колебания происходят лишь в пределах более или менее объективного разделения коммуникативной текстовой структуры на сферу описания, т.е. сферу создания исторического, социального, психологического, культурного фона, и сферу действия персонажей — структурально-текстовую статику и динамику.

Для первой более характерна логика статического, концентрического изображения (сюда относятся экспозиция, экскурсы, характеристики, послесловия и т.д.), роднящего его до известной степени с научно-деловым описанием-исследованием. Для второй — раскованная, эмоциональная динамика свободного выбора средств номинации и репрезентации повторяющихся смыслов в номинационно-цепочечных структурах, включающих синонимию и антонимию, перифразу, гиперо- и гипонимию, синтаксический и структурный параллелизм, топику и изометрию.

Семантическая, структурообразовательная инициатива полностью принадлежит во втором случае творческой языковой личности.

Языковое, смысловое варьирование повторяющихся субстантивных средств языка, составляющих весьма значительную долю вербальной массы художественного текста, создает своего рода индивидуальный специфический фокус зрения автора, которым тот пользуется как исследовательским стилем, перемещая его по горизонталям и вертикалям текстовой структуры, при эстетическом познании мира, воплощаемого в тексте.

Индивидуально-личностные ментальные, социальные, эстетические, культурные или иные параметры самого художника слова задают те или иные параметры структурально-языковых характеристик литературно-художественного текста. Привлечение таких характеристик необходимо, на наш взгляд, в той мере, в какой под корректной литературной речью понимается обработанный соответственно эстетическим нормам литературный текст.

2.3. Проблемы изучения национальной ментальности

А.А.Абдулфанова

Калужский государственный педагогический университет

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Отображая культуру нации, язык участвует в формировании менталитета народа — носителя языка. Будучи тесно связанным с мышлением индивида, его деятельностью, социально-психологическим устройством, знанием о мире, язык структурирует языковую личность, в частности лингвокогнитивный (тезаурусный) ее уровень.

Тезаурус как составная часть когнитивного базиса языковой личности суть интернализованная национальная культура народа. Категории культуры (символы,

эталоны, мифологемы, идеологемы), соотносясь с языковыми аналогами тезауруса индивида, придают ему статус национальной языковой личности.

Категория «национальная языковая личность» (по В.В.Воробьеву) имеет огромное значение в лингводидактике. Играя роль сквозной темы в обучении языку, она способствует становлению и развитию национального самосознания личности. Для достижения этой цели современная методика преподавания языка (равно как родного, так и неродного) остро нуждается не только в идеографическом описании национального языка, но и в установлении языка национальной культуры.

Аналоги культурных концептов прежде всего обнаружатся в языковой дополнительности, факторе несовпадения национальных языковых картин мира. Описание языковой дополнительности — первостепенная задача лингвокультурологии.

Проиллюстрируем все вышеизложенное на конкретном материале. Особую национально специфическую концептосферу в языковой картине мира составляют фразеологизмы. Это связано со спецификой фразеологизма как знака.

Национальное самосознание народа закреплено прежде всего в безэквивалентных фразеологизмах, содержащих этноуникальную информацию о культуре, исторических реалиях. Ср.: рус. *плясать под чью-либо дудочку*, башк. *курайна бейеу* (досл. 'плясать под чей-либо курай').

Русские и башкиры пользуются в речемышлении общечеловеческими категориями. Однако каждая национальная культура имеет отличия на уровне символов, отражающих иерархию ценностей. Так, нетождественно в русской и башкирской фразеологии представлены такие концепты, как «душа», «дух», «зло».

Народ отображает в языке не только окружающий мир, но и себя. Для создания одной и той же реалии используются разные способы означивания. Так, вычленяются:

1) разные аспекты (рус. *не покладая рук* — башк. *бил язмай*, досл. 'пока не отнимется поясница');

2) разные пространственные ориентиры (рус. *на поверхности* — башк. *внутри: как на ладони — ус эсендэге кеук*);

3) разные меры (рус. *воробью по колено* — башк. *тауык* (курица) *тубыгынан*).

В качестве меры очень своеобразно в русских и башкирских фразеологизмах используются количественные числительные.

В основе образности фразеологизма лежит сравнение. Выбор тех или иных реалий для сопоставления обусловлен географическими, социально-экономическими, бытовыми условиями жизни русских и башкир. Ср.: рус. *как сыр в масле кататься* — башк. *бер кулы майза, бер кулы балда* (досл. 'одна рука в масле, одна рука в меду').

Факт исторически длительного и тесного взаимодействия культур и языков двух народов отражают фразеологизмы-кальки. Направление калькирования (из русского в башкирский) свидетельствует о большом влиянии русской культуры на башкирскую.

Итак, антропоцентричный подход к языку, отвечающий общей тенденции гуманизации научного знания, осуществляется через описание языковой картины мира, языковой дополнительности. Центральным звеном в методической парадигме должна стать категория «национальная языковая личность».

Л.М.Байдуж
Тюменский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРИЧИННЫХ СКРЕП СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА СТЕРЕОТИПОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

1. Установление причинно-следственной связи между явлениями составляет одну из основных задач мыслительной деятельности человека, и не случайно поэтому для отражения результатов этой деятельности в разных языках существуют обширные множества специальных показателей. Несмотря на постоянный интерес исследователей к этой области языковых средств, применительно к сложному предположению в лингвистической литературе зафиксирован и частично описан до сих пор лишь фрагмент данной системы единиц, соответствующий родовому понятию «подчинительный союз». Между тем в полипредикативных конструкциях с причинно-следственными отношениями между частями употребляется гораздо большее число показателей связей и отношений, чем это принято считать, и среди этих показателей можно обнаружить единицы разной грамматической природы. Наряду с союзами, в данной позиции оказываются сочетания, включающие в свой состав знаменательную лексику, которые можно было бы назвать «субстантивно-союзными контаминантами»: *от счастья, что..., от радости, что..., от горя, что..., от обиды, что..., от ярости, что..., от возмущения, что..., от страха, что..., от злости, что..., от*

негодования, что... и т.д. Знаменательная лексика может обозначать понятия эмоциональной и ментальной сфер (ср.: *при мысли, что...* и *от сознания, что...*). Эти сочетания напоминают зафиксированные уже в специальных исследованиях и «Русской грамматике» особые показатели временных отношений между событиями; ср. временной подчинительный союз *в то время как* и сочетания, включающие знаменательную лексику: *в тот час (минуту/секунду/день/год/эпоху...), когда...*

Далее, в причинно-следственных конструкциях встречаются в позиции показателя отношений между частями не имеющие на первый взгляд причинной семантики частицы *все-таки, все равно* и некоторые другие; наречия меры и степени *слишком, чересчур*, прост. *вольно*, местоименное наречие *насколько* и др. Все эти единицы могут быть объединены более общим по сравнению с понятием «подчинительный союз» термином «причинная скрепа». В связи с фактом их существования в современном русском языке возникает вопрос о характере информации, которую они вносят своим присутствием в конструкцию с общей семантикой причинности, т.е. той информации, которая в сознании носителей русского языка должна сопровождать сообщение о наличии причинно-следственной связи между событиями.

2. Рассмотрение причинных союзов и причинных скреп в обозначенном широком о них представлении позволяет выявить системные отношения между всеми единицами данного множества. Оно организовано совокупностью следующих дополнительных смыслов, которые сообщаются при указании причинно-следственной связи между событиями, явлениями:

1) аксиологическая оценка сообщаемого. При этом причинные союзы *благодаря тому что...*, *благо, из-за того что...* оценивают как позитивный или негативный факт информацию, содержащуюся в следственном компоненте причинно-следственной конструкции, а субстантивно-союзные контаминанты типа *от счастья, что...*, *от горя, что...* — в причинном компоненте;

2) оценка степени существенности, важности мотивирующей информации. Причинный союз *тем более что* представляет информацию как дополнительную, второстепенную по сравнению с другой причиной, основной, которая обязательно должна быть сообщена. В аналогичной функции употребляются традиционно относимые к сочинительным союзы *да и, к тому же, да еще, да к тому же*. Сочинительный союз *и*, ряд других средств представляют сообщаемые причины как равнозначные;

3) апелляция к чужому опыту. Союз-частица *ведь* служит для активизации внимания адресата речи, привлечения его опыта. Союз *ибо* представляет информацию, содержащуюся в причинном компоненте, как очевидную, общеизвестную, т.е. имеющую своим автором, источником не говорящего, а более важный социальный авторитет. Сам предмет сообщения при этом оценивается как высокий. Мотив часто носит характер сентенции, обобщающего суждения;

4) количественная оценка сообщаемого. Показатели типа *так, слишком, настолько, чересчур* позволяют говорящему подчеркнуть неизбежность следствия из-за того, что другое событие, связанное с ним, превысило в своем количественном моменте меру, осознаваемую говорящим как предельно допустимую. В противоположность им частица *все равно* подчеркивает неизбежность события-причины. Количественную оценку выражают показатели *довольно, достаточно*.

Перечисленные смыслы не исчерпывают всего множества дополнительной информации, которая может сопровождать сообщение о причинно-следственной связи между событиями, но именно с необходимостью ее сообщения связано то обстоятельство, что списки причинных скреп являются едва ли не самыми обширными среди показателей отношений между частями полипредикативных конструкций. Незнаменательная лексика, таким образом, тоже может и должна быть осмыслена в свете концепции картины мира.

М.А.Брейтер
Московский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

1. Проблемы языкового контакта и языковой интерференции изучались и рассматривались ранее с разнообразных точек зрения (лингвистической, социолингвистической, психологической, культурологической и др.) (Ч.Фергюсон, У.Вайнрайх, Э.Хауген, С.Бойд). Проблемы языковых заимствований (в том числе лексических) исследовались на различных уровнях (фонетическом, фонематическом, морфологическом, семантическом, графемном и т.д.) (В.М.Аристова, Г.Г.Тимофеева, Д.Уорд, Дж.Данн, А.Данчев). Цель данного исследования — совместить существующие

подходы для изучения системных языковых изменений в индивидуальных билингвах и монолингвах, происходящих в результате изменения их лингвистического, социального, культурного окружения.

2. Данное исследование построено на основе изучения языковых изменений, происходящих в языке тех лиц, для которых русский язык является родным, но кто в силу тех или иных причин (эмиграция, депортация, учеба, работа) проживает в настоящее время в США. В основе исследования лежит социолингвистический опрос, магнитофонные записи бесед с информантами, изучение русскоязычной литературы, издающейся в США.

3. Наиболее мобильным и подверженным изменениям уровнем языковой системы является лексика. Лексические трансформации представляют в конденсированном виде тенденции языковых изменений в целом. В задачи исследования входило: а) рассмотреть факторы, влияющие на количество лексических заимствований и явлений «переключения кода» (code-switching); б) исследовать влияние американской лексики на русский язык информантов; в) классифицировать и проанализировать окказиональные лексические заимствования в русском языке; г) определить и описать причины заимствований, как собственно лингвистические, так и обусловленные экстралингвистическими факторами.

4. Как показало исследование, заимствования включают как чистое (иногда даже не освоенное фонетически) заимствование лексических единиц (*В нашем новом кондоминиуме большая living-room и уютная bed room*), включая предложные формы (*on sale — на сейле*), так и чистые кальки, созданные средствами русского языка (*все, что сможешь съесть — all you can eat*; и даже: *это берет время — it takes time*). Как показывают параллельные исследования, подобные неверные с точки зрения литературного языка заимствования встречаются и при взаимодействии других языков: *Corrio para gobernador. — He ran for governor* (Garro, 1992).

5. Пути ассимиляции заимствований средствами русского языка различны. Например, в некоторых случаях при переключении кода какое-либо освоение американской лексики средствами русского языка полностью отсутствует: *Он меня спрашивает: «May I help you?» Приходится отвечать: «Just looking around»*. Некоторые из заимствуемых единиц, наоборот, полностью осваиваются как грамматически, так и фонетически: *Вчера купила на сейле новую камеру с зумом*. К основным средствам освоения заимствований можно отнести следующие: графический (трансплантация, трансформация, транслитерация и практическая транскрипция, по В.М.Аристовой), фонетический, грамматическую интонацию (словоизменительную), деривационную (словообразовательную), семантическую ассимиляцию.

М.А.Грачев
Нижегородский государственный лингвистический институт

АРГО И МЕНТАЛИТЕТ РУССКИХ ДЕКЛАССИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

В последнее время в русистике наметился переход к антропологической лингвистике. Новые веяния позволяют глубже изучить не только общее мировоззрение русского народа, но и менталитет различных социальных групп.

Что собой представляет менталитет арготирующей личности? Вот вопрос, на который еще не дано всеобъемлющего ответа.

Общество, если рассматривать его с юридической точки зрения, делится на законопослушных граждан и правонарушителей. У каждой группы свой взгляд на жизнь, своя культура. Поэтому при анализе философской стороны арг важно учитывать как объективную, так и субъективную сторону.

Мораль уголовного мира, отраженная в арг, соответствует основным принципам «воров в законе». Эти принципы формировались в течение ряда столетий и окончательно утвердились в 30-х гг. нашего века в «кодексе воров в законе».

Воровская философия слова делит всех людей на суперменов и неполноценных. Это отчетливо проявляется в названиях профессиональных преступников: свой, человек — 'профессиональный преступник', честняк — 'вор в законе', 'соблюдающий воровские традиции'.

Эта мизантропическая философия родственна морали нацизма. Любопытно, что в арг нет места ненависти к фашизму. Главари нацистской Германии называются уважительно-насмешливо (высшая степень оценки в арг!): крутой Адик — 'Адольф Гитлер', крутой Гена — 'Генрих Гиммлер'.

Анализ арготизмов дает возможность наиболее полно понять представления преступника об окружающей действительности, его месте в обществе, отношении к Богу, семье, труду, искусству и др.

Исследование арго позволяет избавиться от ошибок и заблуждений в отношении некоторых моментов мировоззрения деклассированных элементов. Например, общепринятым является утверждение, что преступность не знает национальных границ, однако арго показывает противоположное: в нем имеется большая группа слов, в которых имеется презрение к другим национальностям; то же самое можно сказать и о политических заключенных, которых преступники якобы защищали.

В арго видны неприятие и критика любой власти (см. слова: дача царева, романов хутор — 'тюрьма', столыпинский галстук — 'виселица', берендеево царство — 'коммунизм', зверинец — 'стенд в исправительно-трудовом учреждении с портретами членов Политбюро ЦК КПСС').

Блатной язык женофобен — это по преимуществу мужской словарь. Из 280 обозначений женщин — около 240 названий проституток и женщин легкого поведения.

Деклассированные элементы уподобляют свою деятельность работе честных людей. Сам процесс преступления для уголовников не есть что-то аморальное, а вполне нормальная человеческая деятельность (дело, работа — 'преступление', портняжное искусство — 'воровское ремесло, основанное на краже одежды'). Для уголовного элемента эта группа слов является своего рода оправданием их преступной деятельности.

Мизантропический характер арго проявляется и в пласте фито- и зооморфизмов. Они составляют 3.5% от общего количества арготизмов. Именно этот слой лексики наиболее отчетливо показывает, каким духовным и материальным ценностям деклассированные элементы отдают предпочтение и что они ненавидят. Почти все фито- и зооморфизмы представляют мир в перевернутом виде. Так, например, зооморфизм *змееныш* — 'ловкий худощавый мальчик, влезавший в форточки домов по поручению воров' произносится преступниками с чувством одобрения, восхищения, тогда как у законопослушных граждан это слово вызовет отрицательные эмоции. Некоторые же названия благородных животных в арго имеют отрицательную экспрессию (например, лексема *леопард* — 'опустившийся преступник' произносится уголовниками с презрением).

Арго показывает, что деклассированные элементы почти не интересуются литературой, искусством, наукой, просвещением. Те немногочисленные слова (30 лексем), относящиеся к этим понятиям, по-своему искажены и интерпретированы: Блатной Пегас — 'Сергей Есенин', мозгодуй — 'лектор', пиликан — 'скрипач'.

Опрос информантов показывает, что преступный мир предпочитает арготизмы общенародным словам (не случайно родной речью уголовники называют арго и нецензурную брань).

Подведем итог. Одной из функций арго является мировоззренческая функция, она в то же время является и объединительной функцией. Но если основная функция языка — объединение нации, то функция арго — объединение деклассированных элементов и противопоставление их остальной части общества.

В.Г.Демьянов
Институт русского языка РАН (Москва)

К ФОРМИРОВАНИЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАРУБЕЖНОЙ ТОПОНОМАСТИКЕ У ПЕРЕВОДЧИКОВ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В XVII в.

Текстологические наблюдения над способами оформления зарубежных топонимов и производных от них прилагательных в русских рукописных газетах первой половины XVII столетия (Вести-куранты. 1600 — 1639 гг. М., 1972; 1642 — 1644 гг. М., 1976; 1645 — 1646, 1648 гг. М., 1980; 1648 — 1650 гг. М., 1983) позволяют сделать определенные заключения о том, каким образом формировалась языковая картина зарубежного мира в это время под пером переводчика русского Посольского приказа. Но прежде чем перейти к изложению этих заключений, необходимо пояснить, что понимается под текстологическими наблюдениями в данном контексте и какие при этом задачи ставятся перед такого рода наблюдениями.

Цель наших текстологических наблюдений — определить, на какой текстовой базе основывается языковая ориентация переводчика. Принимается как исходный тезис положение о том, что текстовой базой могли служить: 1) указание на язык оригинала газетного сообщения; 2) указание на страну-источник газетного сообщения (стандартный заголовок сообщения обычно содержал такую информацию, а также указывал время сообщения); 3) сама тематика (содержание) газетного сообщения (о событиях в какой стране идет речь).

В первом случае переводчик получал лингвистическую ориентацию о способе оформления топонима или образованного от него прилагательного, во втором — территориальную, в третьем — территориально-тематическую ориентацию.

Связь оформления производного от топонима прилагательного с текстовыми факторами всего удобнее и нагляднее прослеживается на примере вариаций одного прилагательного, определяемых различием в языковой ориентации.

Некоторые текстологические наблюдения, проделанные над вариантами передачи прилагательного *саксонский*, позволяют сделать определенные заключения (*саксонский, захсишский — саксенский — саксенковъ — сасанский, саский — сацкий*; через запятую даны варианты, восходящие в недеформированном или деформированном виде к одному иноязычному прототипу — прилагательному или топониму-субстантиву).

Лингвистические ориентиры весьма слабы и фактически бездействуют, что объясняется отсутствием, как правило, прямых указаний на язык оригинала в заголовках текстов сообщений в «Вестях-курантах» и тем, что полная текстологическая обработка «Вестей-курантов» (подбор оригиналов) — еще впереди.

Более надежны территориальные и территориально-тематические ориентиры. Но и они не дают адекватного представления о языковой картине зарубежной топониматики у переводчика русского Посольского приказа в XVII столетии.

Можно сделать определенные заключения о том, что выбор немецкой или польской (или любой иной ориентации) в способе передачи зарубежного топонима или производного от него прилагательного определялся не тематикой и территориальными данными сообщения, а языковыми навыками, языковым запасом пишущего, его языковой школой, отражавшими различные грани языковой личности переводчика, ориентировкой переводчика на индивидуализированные узловые нормы, которые, как показывают наблюдения, довольно последовательно выдерживались пишущим и являлись признаком его орфографической выучки, так и его осознанной внешней языковой ориентации, не сужавшей, однако, возможности для выбора.

Н.Н.Парфенова

Тюменский государственный университет

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА ЗАУРАЛЬЯ КОНЦА XVI—XVIII вв.

Для современных исследований языка на всех уровнях характерна концептуализация его семантического пространства, наделенного такой чертой, как антропоцентричность. Эта идея хорошо прослеживается на ономастическом материале. Имена собственные (топонимы, антропонимы) отражают связь с понятиями материальной и духовной культуры, с ценностными установками носителей языка.

Источниковой базой послужили памятники письменности, созданные в Зауралье в конце XVI—XVIII в., когда началось освоение русскими земель этого региона. Исследовались документы из фондов Российского государственного архива древних актов в Москве (РГАДА), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки им. Ленина (ОР РГБ), Государственного архива Тюменской области (ГАТО), Филиала государственного архива Курганской области (ФГАКО).

Урбанонимы (наименования городских объектов, частей города, улиц) первых городов Зауралья (Тобольска, Тюмени, Верхотурья) указывают на этнотерриториальные истоки первых жителей. Так, в «Дозорной книге» Тобольска 1623—1624 гг. находим: против города подле острог в *Зырянской улице* (РГАДА, ф. 214, кн. 1207, л. 33 об.), в *Устюжной улице* (там же, л. 35 об.), в *Другой Устюжной улице* (там же, л. 36 об.), в *Пермской улице* (там же, л. 42 об.). Антропонимия также закрепила указание на местность, откуда вышли первые поселенцы, и на их этническую принадлежность: прозвище *Зырян*; антропонимизированные указатели *Устюжанин, Пермьяк, Пермитин*. Кроме этих имен, в тобольской «Дозорной книге» фиксируются также иные катойконимы — оттопонимные имена, указывающие на место прежнего проживания: двор вдовы Милавы *Вологжанки* (там же, л. 44 об.); двор вдовы Татьяницы *Важенихи* (там же, л. 35 об.); двор пешего казака *Выегжанина* (там же, л. 34 об.) и т.д. В Тобольске в первой трети XVII в. проживали ссыльные из Польши и других стран. Об этом свидетельствует антропонимия: двор ротмистра *литовского* Бартоша Станиславова (там же, л. 44); двор пешего казака Васки *Полякова* (там же, л. 44); двор *иноземца* Матвея Трубача (там же, л. 59 об.); дозор Савы *Француженина* (там же, л. 64 об.).

Топонимика города Тобольска содержит в себе указания на распространение христианства, что отражено в названиях соборов, церквей, монастырей, улиц: в Тобольску же около посаду острог а в отроге *церковь Софии Премудрой* (там же, л. 7); на посаде в церковь во имя живоначальные *Троицы* (там же, л. 10); *Воскресенская улица* (там же, л. 38 об.), *Никольская улица* (там же, л. 46).

В структуре именования встречаем определение *новокрещенный*, что свидетельствует об обращении в христианство народов иных вероисповеданий. Память о прежней

этической принадлежности сохраняется в антропонимах: двор вдовы *новокрещена* Ивановской жены *Тенигбековы* Оксеньицы (там же, л. 42).

Придя за Урал, русские принесли с собой свои обычаи, суеверия. Старинная местная письменность сообщает о наличии двойных имен: крестное имя хранили в тайне, а в быту использовалось иное имя, чтобы уберечь человека от наговора и порчи. Только строгий учет при переписях позволял узнавать об этом: *Еуфимко* прозвище *Богдашко* (РГАДА, ф. 214, кн. 21, л. 7, Тюмень, 1730 г.).

В формулах именования находим сведения о скоморохах, которые, как известно, преследовались и ссылались: двор *веселого* Толкушки Федорова (РГАДА, ф. 214, кн. 1207, л. 43 об., Тобольск, 1624).

В Зауралье в XVII—XVIII вв. развивается фамильная модель на *-их* (*-ых*). Обычно считают эту модель перенесенной с севера Европейской России. Но это было бы невозможно, если бы за Уралом не существовало благоприятных для формирования данных фамилий условий. Быстрое увеличение количества таких фамилий связано с ростом числа больших семей, сохранением типа семейного уклада, основанного и на узах родства, и на общем ведении хозяйства. Если в дозорных книгах 1624 г. такие фамилии еще редки, то к концу XVII в. (и особенно к середине XVIII в.) количество фамилий на *-их/-ых* достигает одной трети всего фонда фамилий, варьируясь по регионам, типам поселений. Приведем некоторые примеры: *род Шелкогоновых* с Кунгуру (ФРАКО, ф. 224, кн. 2, л. 164 об.); Сухринского погоста *Черепановых род* (там же, л. 146 об.); Тюменского города ямских охотников *Ряпковых* братановъ Алексей (там же, л. 146 об.) и др.

Исследование собственных имен по данным памятников письменности, хранящихся в богатейших в массе своей неисследованных архивных фондах, представляет интерес не только собственно ономастический, но и историко-культурный, позволяет углубить свои представления об истоках духовной и материальной культуры русских в Зауралье.

Онол Энхдэлгэр
Институт русского языка им. А.С.Пушкина (Москва)

ЕВРАЗИЙСТВО И ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ

1. Языки и культуры русского и монгольского народов на протяжении веков находились в тесном взаимодействии. «Степная культура» Монголии являлась своеобразным звеном, связывающим Русь/Россию с Азией. Работы Н.С.Трубецкого эти связи подчеркивают.

2. В результате взаимодействия языков и культур в русском языке остались и активно функционируют слова из монгольского лексикона: деньга, казна, алтын, тамга, изюм, лапша, арбуз, аргамак.

В монгольском же языке, в свою очередь, появились: пальто, машина, автобус, трактор, поезд, спорт, бассейн, мастер, кино, билет, театр, балет и т.д.

3. Любопытно, что либерализация языка (В.Г.Костомаров) происходит и в русском, и в монгольском обществе по сходным параметрам. Сюда мы относим активное использование прецедентных текстов в языке публицистики. В докладе приводятся конкретные языковые примеры из этой области, иллюстрирующие перманентность процессов, сопутствующих евразийской идее.

Раздел 3. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

3.1. Изучение системности лексики в свете концепции языковой картины мира

Л.Ю. Астахина
Институт русского языка РАН (Москва)

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Классификация лингвистических источников была приведена в первых работах по лингвистическому источниковедению проф. С.И. Коткова. Основными критериями для этой классификации были избраны вид источника и способ его формирования.

По видам источники делятся на видимые (читаемые) и слышимые. История лексики изучается по источникам читаемым.

По способу образования источники делятся на первичные, возникшие вследствие потребности людей в общении или аккумуляции знаний (их называют естественно сложившимися), и вторичные, формируемые исследователями с целью решения определенных лингвистических задач. К первичным относятся рукописи, к вторичным — разнообразные картотеки, лексиконы, указатели слов.

Оставался открытым вопрос о публикациях рукописей. Публикации, осуществленные по правилам лингвистического издания, С.И. Котков объединял с рукописями. Отдельного исследования публикаций как источника по истории русской лексики еще не проводилось. Работа с источниками «Словаря русского языка XI—XVII вв.» позволяет сделать некоторые наблюдения в этом направлении. Анализируя публикации, отмеченные в Указателе источников этого словаря, находим, что существует немало способов представления рукописи в печати, немало путей введения ее в научный оборот. Попытаемся дать оценку этим способам применительно к изучению истории русской лексики, опираясь на вводимый для этого критерий достоверности текста (содержания источника).

1. Факсимильные публикации наглядно представляют внешний вид рукописи, особенности ее почерка. Но слово в такой публикации может восприниматься искаженно, если на нем пропитались чернила с оборотной страницы или если были выполнены начерки сухим пером. Работая непосредственно с подлинником, такие случаи легко установить. К не разделенному на слова древнерусскому тексту невозможно составить указатель слов. Работа с такой публикацией мало привлекает исследователей.

2. Правила лингвистического издания рукописей требуют разделить сплошной текст на слова, сохраняя все древние буквы. Титла не раскрываются, а в текстах XVII в. они просто опускаются. Выносные буквы вносятся в строку и отмечаются курсивом. Сохраняются буквенные обозначения чисел. Даются примечания об исправлениях, состоянии текста и самой рукописи. Публикации сопровождаются указателями слов, личных имен, географических названий, писцов, а издания уникальных памятников — указателями слов и форм.

3. Большинство публикаций рукописных памятников, и в частности первые, относящиеся ко 2-й половине XVIII в., осуществлялись с целью ввести в научный оборот источники по русской истории. Такой цели отвечали издания по правилам орфографии того времени, когда древние буквы, а иногда и слова заменялись в публикациях более привычными и понятными.

4. Публикации, стремящиеся представить древнюю рукопись как литературный памятник, иногда бывают составлены из текстов всех известных его списков без указаний, из какого списка какой отрывок или слова взяты. Такие публикации оказываются непригодными для изучения древнерусской лексики.

5. Следует отметить публикации, ставящие проблему обучения древнерусскому языку. Это сборники текстов или отрывков из них, в той или иной степени отражающие специфику древних рукописных памятников.

О.К. Грекова
Московский государственный университет

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И МЕТРИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

1. Качество и количество — две философские категории из тех, что лежат в основе бытописания мира. По Аристотелю, качество — это «видовое отличие сущности» (Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.1 М., 1976. С. 164—166),

включающее представления о состоянии сущности как тяжести или легкости, белизне или черноте, тепле или холоде, а также об оценке сущности как хорошей или дурной, а количество — это «множество, если оно исчислимо, и величина — если измеримо».

2. Категории качества и количества присутствуют и в языковой картине мира. Представленные разными языковыми средствами, они неравновелики по объему. Количественных значений у языка меньше, чем качественных. Основными количественными значениями в русском языке можно считать значения счислимого (например: два, второй, уйма, пропасть, несколько; На улице снегу!) и измеримого (высота тысяча пятьсот метров; мороз под сорок; его вес 60 кг; в отрезе 10 метров и т.п.). Счисляемое и измеримое могут быть представлены и в виде недифференцированного количественного значения.

3. Количественные значения счислимого и измеримого в языке тяготеют к ряду других значений, среди которых: оценка (огромный, малюсенький), образ действия (медленно, бегом, вприпрыжку; бежать так, что пятки сверкают; ползти как черепаха), сравнение (больше воды, чем молока; по размеру не больше ореха; шишка с кулак; самый интересный учебник; белее снега; белее, чем снег; лететь стрелой; дог ростом с теленка; голубятня высотой с двухэтажный дом; магнитофон, какого я никогда не видел), пространственные отношения (далеко; рукой подать), время (рано; поздно; в то время, когда все отдыхали) и ряд других.

4. Два выделяемых нами (вслед за Аристотелем) основных типа количественных значений (счисляемое и измеримое) изоморфны двум основным метрическим свойствам времени.

Время рассматривается в разных областях науки в его физическом, математическом, философском аспектах, применительно к психическому опыту человека, в его лингвистическом осмыслении и т.д. Ряд физиков и философов рассматривали время как некую упорядочивающую систему (схему), подобную пространству, но проще его, так как за временем признавалось свойство линейности, или одномерности.

Не отрицая последнего, Г.Рейхенбах, однако, писал об иллюзорности простоты временного устройства (Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985). Он доказал, что существует не один лишь, а два очень разных метода измерения времени: 1) подсчет периодических процессов; 2) измерение временных и пространственных расстояний, соответствующих определенным непериодическим процессам. Второй метод привычнее для нашего сознания (ср.: писал диссертацию *пять лет*; его не было *долго*). Однако и метод подсчета периодических процессов достаточно широко представлен в языке (*Заниматься языком трижды в неделю по два часа* — периодический процесс 'заниматься по два часа'. Он уже много раз *подолгу* ждал *ее* — периодический процесс 'ждать подолгу').

Таким образом, можно увидеть объективную основу системы количественных значений русского языка.

Т.И.Звягина
Московский государственный университет

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ И ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИКИ ОТ ОТНОШЕНИЯ ДЕНОТАТА К ЖИВОЙ И НЕЖИВОЙ ПРИРОДЕ

Изучение словарного состава диалектов с точки зрения соотношения с лексикой литературного языка является актуальной задачей региональной лексикологии (О.И.Блинова). Выявление дифференциальных признаков диалектной лексики в результате сравнения ее с литературной совпадает и с задачей региональной лексикографии, поскольку «словники большинства региональных словарей формируются в сопоставлении со словарным запасом общелитературного языка» (Т.С.Коготкова).

Опора на систему литературного языка при описании диалектной лексики объясняется тем, что «во все эпохи диалекты остаются категорией, подчиненной общеприемлемому языку, зависимой от него» (О.Г.Гецова). При контрастивном исследовании разных языков существует объективно иная ситуация. Исследователь диалектов, являющийся носителем литературного языка, субъективно поставлен в условия, в которых исходным является этот язык.

Сравнение двух лексико-семантических систем (ЛСС) позволяет определить действующие в них общие тенденции и имеющиеся индивидуальные особенности, приводящие к своеобразной языковой картине и тексторечевым различиям.

Методически оправданным является сопоставление отдельных фрагментов ЛСС в связи с различным характером «системных связей внутри различных лексических групп» (Д.Н.Шмелев).

При анализе лексико-семантической группы (ЛСГ) важно учитывать степень выраженности логической структуры данной ЛСГ и ее соотношенность с семасиологической, а при сравнительном анализе двух языковых систем — различия в семасиологических структурах и специфику лексикализации соответствующих понятий, что отражается в языковой картине.

На примере анализа ЛСГ прилагательных протяженности в литературном языке и в диалектах можно сделать вывод о том, что центральную позицию в ЛСГ занимает доминанта *длинный*, которая передает идею ЛСГ в более чистом виде. Другие же члены ЛСГ семантически трансформируют, специализируют, развивают эту идею таким образом, что в ЛСГ образуется ядро, в котором концентрируются системные отношения, и периферия, имеющая размытый характер.

Одна и та же лексема может иметь более общее и более специализированное значение и на этом основании дважды входить в ЛСГ — на правах как ядерного, так и периферийного члена. Специализация значения может быть связана с отношением денотата к живой и неживой природе ('предмет' — 'живое существо' — 'человек'): *высокий* — о предмете, животном, человеке; *длинный* — о предмете, редко о животном, о росте только человека (вертикальное измерение).

Некоторые лексемы специализируются на отражении только мира человека (*рослый, долговязый*), другие — только предметов (*куцый*).

Диалектные ЛСС, проявляя те же особенности, обладают и неповторимым своеобразием, «соотношения в семантическом плане слов говора и литературного языка, совпадающих по фонемному составу, могут быть очень многообразными и нестандартными» (Словарь современного русского народного говора: (д.Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / Под ред. И.А.Оссовецкого. М., 1969. С.22). Так, у прилагательного *лобастый* в деулинском говоре отмечается не свойственное литературному языку пространственное значение 'большой', 'значительный по величине' и специализированное — 'большого роста', 'крупный', отсутствующие у этого слова в литературном языке: «Адна уш лабастыйь ростам».

У прилагательного *долгий* отмечается не свойственное литературному языку пространственное значение (метрическое): «Рост большой да и говорят — долгий» (Словарь современного русского народного говора. Вып. 8. С.105).

Своеобразие диалектных ЛСС проявляется и в наличии собственных лексических единиц: *долгопялой, росляной, будылистый, длиннотелый, желнатый, рожалый, ражий, чуточный, коржавый*. Эти прилагательные имеют более узкое значение и в речи носителей диалекта часто связаны с уточняющими комментариями, включающими и оценку. В словарях некоторые из таких лексем сопровождаются оценочной пометой.

Диалектная и литературная лексика служит примером зависимости значения слова от связи денотата с живой и неживой природой, а при вторичной дифференциации — от отношения денотата к живым существам или к человеку.

В сферах семантической транспозиции значения приобретают эксплицитный оценочный характер, так как связываются с признаками субъективной квалификации, с оценочно-градуирующими определениями, часто отражающими эмотивные реакции субъекта. В зависимости от принадлежности определяемого существительного к словам качественной или оценочной семантики прилагательные протяженности тяготеют к наречно-признаковому или к классификационно-признаковому подклассу лексики.

В.И.Зимин
Институт русского языка РАН (Москва)

ДИАЛЕКТИКА СИНОНИМОВ

Синонимия — это «вечная» проблема: ее проблематика растет с развитием лингвистики, с появлением новых методов исследования. Не стоит объявлять проблему синонимов фикцией (Г.О.Винокур, В.А.Звегинцев и др.). Синонимия существует, существует реально. Это доказывается практикой написания многочисленных словарей синонимов, применением синонимического способа толкования значений слов в толковых словарях и т.п.

Основной проблемой синонимии является проблема тождества и различия слов-синонимов. Главные подходы к ее решению — ономасиологический, логический, дистрибутивный и семасиологический.

Ономасиологический подход: общность синонимов обусловлена общностью их номинативной функции, тем, что синонимы называют одно и то же явление реальной действительности. Различия синонимов обусловлены либо различной внут-

ренной формой слова (ватник, стеганка, телогрейка), либо тем, что «синонимы обычно называют одно и то же по-разному» (Н.М.Шанский).

Этот подход к пониманию синонимов оставляет открытыми многие вопросы: в какой мере лексические синонимы должны быть тождественными по своим грамматическим значениям; каковы основы идентификации слов с абстрактным значением; какими причинами объяснить разнообразные функциональные различия между синонимами и т.п.

Логический подход: основой общности синонимов является общность заложенного в них понятия, а основу их различия составляют оттенки этого понятия.

Такому пониманию синонимов сопротивляется обычное языковое сознание, согласно которому «не верится», что, например, *друг* и *товарищ*, *письмо* и *послание* обозначают одно и то же понятие. Толкования данных слов в словарях также свидетельствует об их различиях. Кроме того, этот подход к синонимии вынуждает исключить из синонимии слова, не обозначающие понятия, например, *около*, *подле*, *возле*, *у*.

Дистрибутивный подход: общность синонимов — это общность их формально-синтаксических (дистрибутивных) признаков; синонимы заменяют друг друга в тождественных окружениях (контекстах) при сохранении смыслового содержания всего высказывания. Такое понимание синонимов охватывает только слова, которые «имеют в точности совпадающие значения», «совершенно одинаковые толкования» (Ю.Д.Апресян). Тем самым на первый план проблемы синонимов выводится их тождество, а различия между синонимами практически снимаются: синонимы, различающиеся оттенками значений, объявляются квазисинонимами и, по существу, выводятся за рамки синонимии.

Нам наиболее приемлемым представляется семасиологический подход, при котором синонимы рассматриваются как чисто семантическое явление. В свете этого подхода тождество и различие синонимов в системе языка обусловлены прежде всего общностью их лексического и грамматического значения. Для решения проблемы синонимов особенно важным является сигнификативное и грамматическое значение.

Семантическая близость слов-синонимов представляет собой особый вид семантической близости. В основе общности синонимов лежит не близость, смежность, противопоставленность и т.п., а тождество предметно-логического содержания значения слов, объединенных в один синонимический ряд. Это тождество, однако, не надо понимать как абсолютное, это тождество в основных предметно-логических признаках, допускающее минимальные различия между синонимами.

Синонимы выявляются в соответствующих лексико-семантических группах посредством ступенчатой идентификации слов всей группы. Синонимический ряд в семантическом поле начинается тогда, когда количество общих идентифицирующих сем становится явно большим по сравнению с семами дифференцирующего характера, другими словами, синонимы основаны на общности большинства идентифицирующих сем, имея лишь отдельные дифференцирующие семы (идти, шагать, маршировать, брести, тащиться, плестись).

Синонимические отношения — это всегда отношения различия при большой степени общности. При этом имеются в виду различия любого характера: семантические, стилистические, функциональные, сочетаемостные, жанровые и т.п.

Синонимы отличаются от дублетов, т.е. от лексических единиц, которые обозначают одно и то же явление и в употреблении не противопоставлены друг другу ни по одному признаку, релевантному на семантическом уровне (Т.И.Бытева) (орфография — правописание, лингвистика — языкознание), а также от вариантов, т.е. видоизменений слова в связи с видоизменением его частей, имеющих не лексическое, а грамматическое значение (Р.П.Рогожникова) (водой — водою, белёхонький — белёшенький, опята — опёнки и т.п.).

Т.П.Зюрина

Московский государственный педагогический университет

ЭКЗОТИЗМЫ В РЯДУ ДРУГИХ ТИПОВ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Освещение проблемы языковых контактов требует учета исторических, социальных, психологических и лингвистических факторов в их совокупности. В кругу этой проблематики находится и такое языковое явление, как заимствование. Политические, экономические, культурные связи между народами, являясь причиной лексических инноваций, ведут к расширению лексики. Слова, обозначающие специфические чуждые носителю русского языка предметы и понятия, которые отражают своеобразие жизни, истории, культуры других стран и имеют яркую национальную и историческую окрашенность, называются экзотизмами. Среди них: названия государственных органов власти, учреждений (бундестаг — высший законодательный орган

Германии', сейм 'парламент в Польше и Финляндии' и др.); названия лиц (лорд 'почетный титул в Англии', тамплиеры 'члены духовно-рыцарского ордена во Франции' и др.); названия монет (луидор 'старинная золотая французская монета, содержащая 6—7 гр. чистого золота', стерлинг 'старинная английская серебряная монета, чеканившаяся с XII в.' и др.); названия средств передвижения (фиакр 'наемный экипаж', каноэ 'челн индейцев' и др.); названия блюд и напитков (хачапури 'вид грузинских лепешек с сыром', рейнвейн 'сорт вина' и др.).

Спорным является вопрос о статусе экзотизмов в воспринимающем языке в ряду других типов иностранных слов. По мнению К.Н.Ереминой, заимствованную лексику целесообразно разделить на две группы: 1) иноязычные заимствования (сюда же относятся и экзотизмы); 2) иноязычные вкрапления. Нам представляется удобной такая классификация, во-первых, потому, что в ней нет противопоставления заимствованных слов словам экзотическим; во-вторых, потому, что ее удобно соотносить с такими понятиями, как «язык» и «речь».

Таким образом, на основе отношений с системой принимающего языка можно выделить следующие типы иноязычных слов: собственно заимствования — усвоенная и освоенная (по терминологии А.А.Реформатского) лексика, входящая в состав русского языка (магазин, булка, территория); экзотизмы — слова, находящиеся на периферии, но все же входящие в систему нашего языка (см. примеры выше); вкрапления и варваризмы — слова, не входящие в лексический состав русского языка, являющиеся фактами речи, например: стрит, штрассе, фазенда. Это условное деление можно уподобить расходящимся кругам на воде. Чем больше круг, тем слабее связь с центром, несмотря на действие центростремительных сил, т.е. стремление иноязычного слова, став узусом, нормой, войти в язык.

Границы данных типов исторически изменчивы. Если сравнить такие иноязычные по происхождению слова, как *леди* и *дама*, то первое следует отнести в разряд экзотизмов, а второе — к собственно заимствованиям. Слово *леди* обозначает английскую женщину или обращение к ней (своеобразие культуры, истории другой страны) и легко связывается с Великобританией (яркая национальная окрашенность). Оно освоено графически и фонетически, но в грамматике сохраняет след своего иностранного происхождения — неизменяемость. Слово *дама*, являясь полностью усвоенным и осволенным, не сохранило черт иностранного происхождения ни в семантике, ни в грамматике. Однако на рубеже XVIII—XIX вв. оно легко соотносилось с языком-источником. В 1803 г. слово *дама* с исконно русской параллелью приводит «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разныя в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно».

В ряду разных типов иностранных слов существует явление переходности. Центр включает типичные, чистые для сопоставляемых групп случаи заимствованной лексики. На периферии располагаются менее яркие разновидности слов данной группы. Встречаются лексемы, которые трудно однозначно отнести к какому-либо типу иноязычных слов. У слова *мадам* в XVIII—XIX вв. ясно прослеживалась связь с языком-источником (см. произведения Н.М.Карамзина, А.С.Пушкина). Сейчас понятие, обозначаемое данной лексемой, не всегда соотносится именно с Францией. С одной стороны, в официально-деловом стиле оно утратило свою «экзотичность», не связывается в восприятии с какой-либо страной и употребляется в качестве обращения к русской женщине (черты собственно заимствования).

В.Л.Ибрагимова
Башкирский государственный университет (Уфа)

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА ВО ВНУТРИСЛОВНОМ ПОЛЕ ГЛАГОЛА

1. В речемыслительной деятельности людей находят отражение различные ступени и способы познания бесконечного мира реалий, результаты которого в лексической сфере языка закрепляются в семантике различных типов слов. Но ступени освоения объекта синкретичным образом запечатлеваются и в семантике отдельного конкретного слова — в виде различных компонентов его содержательной структуры: абстрактных (категориальных и субкатегориальных) и конкретных, денотативных, ассоциативных и коннотативных, реальных и потенциальных и т.д.

2. Дискретный и структурный характер значения слова обеспечивает ему внутреннюю определенность и завершенность. В то же время в слове в процессе его функционирования происходит постоянное движение и взаимодействие различных типов элементарных смыслов, а также перераспределение в составе значения,

переакцентировка, изменение их рангового статуса, отражающие определенные шаги на пути познания соответствующего фрагмента мира. Эти процессы проявляют себя как потенциал семантического развития слова, результаты которого закрепляются в виде его системно соотносенных значений.

3. Если обратиться к такой чрезвычайно динамичной категории слов, как глагол, то можно предположить, что общая линия его семантического развития предопределяется категориальными лексико-семантическими и грамматико-семантическими признаками. Для семантически близких глаголов они обуславливают однотипность их развития и строения соответствующих парадигм. Признаки же более низких уровней семной иерархии глаголов — субкатегориальные, дополнительные, потенциальные и т.п., также деривационно значимые, придают этим парадигмам черты индивидуальности.

4. Опыт предпринятого нами изучения глаголов пространственной локализации показывает, что они в своем семантическом развитии проходят такие общие этапы, как: генерализация значения нахождения, обусловленная нейтрализацией семантического признака, который отражает конкретное пространственное положение объекта (горизонтальное, вертикальное и т.д.); экзистенциализация его, обусловленная трансформацией семантического признака пространственной локализованности в синкретичный признак пространственно-временной локализованности; делексистикализация значения при сохранении соответствующими лексико-семантическими вариантами лишь категориального грамматико-семантического признака глагольности; вторичная лексикализация, идущая путем дополнительной спецификации глагола либо путем актуализации латентных семантических признаков его информационного потенциала. Например: *Мальчик стоит у доски; Книжки лежат на полке* → *Дом стоит у дороги; Письмо лежит на почте* → *Стоит конец октября; Возле сада лежали огороды* → *Осень стоит довольно теплая; На мне лежала обязанность сторожить* → *Защитники города стояли крепко*. На этом «жизненный цикл» глаголов пространственной локализации — их семантическое развитие по вертикали — завершается.

5. Как на уровне основного (исходного) значения, так и в любом узле общей линии семантической деривации пространственных глаголов возможно развитие (по горизонтали) самостоятельных микропарадигм, которые иногда насчитывают значительное количество единиц. Так, например, микропарадигма ступени генерализации глаголов *сажать* — *посадить* содержит 12 значений.

6. Внутрисловные парадигмы, в которых реализуются и закрепляются охарактеризованные выше этапы семантического развития глаголов пространственной локализации, обладают полевой природой. Можно видеть, что полевость таких парадигм отличается от полевости парадигм типа глагольных лексико-семантических групп, иерархия единиц которых центробежно направлена от наиболее общих ядерных единиц к единицам периферийных зон.

7. На путях семантического развития пространственных глаголов проявляют себя следующие процессы: трансформация семной иерархии значения, его дополнительная спецификация, мотивация вторичной лексикализации. Эти процессы чаще всего осуществляются на базе различных ассоциативных признаков, которые могут сопровождать в сознании и гносеологическом опыте человека представления о том или ином способе пространственного нахождения.

8. Таким образом, язык способен отразить и закрепить в своих единицах не только познаваемые человеком фрагменты мира, но и связи между его реалиями, а также сами конкретные этапы процесса познания, отражая тем самым глубинные слои картины мира.

9. Внутрисловные семантические парадигмы поддаются как пространственно-графической, так и словарной интерпретации.

Н.И. Коновалова
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ОТАНТРОПОНИМЫ В СИСТЕМЕ НАРОДНОЙ ФИТОНИМИКИ

Народные названия растений — один из древнейших пластов русской лексики, отразивший опыт культурно-мифологического освоения человеком окружающей природы. Мотивы номинации растений обусловлены не только реальными свойствами объекта, практически значимыми для его опознания и использования, но и культовыми (языческими) представлениями народа о растениях как о живых существах, наделенных злыми и добрыми силами. В связи с этим особое место в системе народных названий растений занимают фитонимы с антропонимической

основой. Среди отантропонимических народных названий растений можно выделить следующие группы.

1. Фитонимы, связанные с культом Иисуса Христа и Богородицы (богородицына помощь, христов прикрит, христова роса, богородская травка и т.п.). Подобные наименования, выражая положительную оценку растения, как правило, семантически диффузны. Они могут относиться и к лучшим кормовым травам, и к лекарственным растениям «универсального свойства». Ср. запись об одной из таких трав в «Собрании медицинских рукописей 16—17 столетий»: «Есть трава Адамова голова, растет возле болот. И ту траву рвать с крестом господним и говорить: «Отче наш, помилуй мя, Боже». И та трава есть царь во всех травах. А когда кто ранен, приложи к ране, в три дня заживет, кто хочет высоко лезть — бери с собой эту траву, и с ней никакого ужаса нет, давай траву беременной — и она легко родит...»

2. Наименования, отражающие связь с народным календарем природы. В их основе — имена святых, якобы покровительствующих крестьянскому труду: аграфена-купальница, фролы, фrolки — цветение и буйный рост этих трав связаны с днем св. Аграфены (23 июня) и днем св. Фрола (18 августа); андреева трава — название травы, цветение которой приурочено к 4 июля — дню Андрея-наливы; акулилки — бурьян, сорная трава; название связано с именем св. Акулины, день Акулины-гречушницы — 13 июня; гречу сеяли либо за неделю до, либо через неделю после этого дня, так как считалось, что Акулина дает знак, когда молодые побеги гречихи могут быть заглушены сорняками (акулилками). С течением времени обряды и традиции, связанные с сельскохозяйственным трудом, забывались, и сакральный характер названий утрачивался.

3. Фитонимы, содержащие в качестве антропонимической основы имена «отрицательных демонологических сил» (сатанинское зелье, иродов корень, двенадцать лихоманок, букалово молоко, лешаково ухо и т.п.). Подобные названия даются растению либо с целью выражения отрицательной оценки его свойств (ядовитые, сорные травы), либо для обозначения той нечистой силы, которая «вселилась» в больного и может быть изгнана только с помощью одноименной травы, имеющей «внешнее сходство» с мифическим персонажем. В этом находят отражение принципы симпатической магии, лежащие в основе народного целительства. Обращение с магическими растениями детально регламентировано в русских народных травниках и лечебниках: «Срывали эти травы, читая молитвы или приговаривая: «Тебе, трава, на исхождение, а мне, рабе божьей, на исцеленье», закрывая траву от чужого глаза. Высушенные растения зашивали в ладанки и носили на теле для оберега от злых сил».

4. Фитонимы, основанные на традиционных русских именах (иван головастый, иван безголовый, иванов пояс, иван-чай, трава-мария, марья вонючая, ванька-даманька и т.п.), — это наименования наиболее распространенных трав. Растения, называемые таким образом, очевидно, не было необходимости выделять из ряда других либо потому, что они хорошо известны, либо в силу «обычности, усредненности» их свойств.

В народной фитонимике существует небольшая группа заимствованных названий с антропонимической основой мифологического характера (венерин башмачок, венерин гребешок, ахиллесова травка, вероника и др.). Такие названия должны быть предметом особого разговора и объектом нашего анализа не являясь.

В докладе рассматривается специфика функционирования отмеченных отантропонимических номинаций в лексико-семантической системе уральских говоров, изменения в семантической структуре данных фитонимов, причины этих изменений, появление вариантных наименований тех же растений, созданных в опоре на апеллятивную основу.

Ж.В.Кулиш

Львовский государственный университет

ТЕНДЕНЦИЯ К ЯЗЫКОВОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ НА ФРАЗЕЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ КАК СОЦИАЛЬНО ОПОСРЕДОВАННЫЙ ФАКТОР (лингвистическое прогнозирование)

1. Современный этап развития общества характеризуется превалированием двух тенденций: 1) интеграции культур, духовности, политических и экономических интересов разных народов в единый общечеловеческий фактор; 2) национально-культурного обособления и противопоставления специфических черт этнокультурологического характера национальному феномену других народов. Единство и борьба этих направлений составляют диалектику сегодняшнего дня, катализируют движение общества вперед. В глобальном плане преобладание одной из тенденций ограничено

ареально-географическим параметром: если для преимущественного числа стран сегодня более характерен процесс интеграции, то в странах бывшего соцлагеря происходит прежде всего дезинтеграция, рост национального сознания и обособленности, осмысление исторической данности и возрождение национально-духовного начала. Поскольку язык народа — одна из ипостасей его духовности, данный процесс не может не отразиться в изменениях языковой системы и в первую очередь ее лексико-фразеологического уровня.

2. Лексико-фразеологическая система языка гораздо подвижнее, например, фонетической или грамматической. Однако и в ней определенные реакции на изменения общественно-социального характера возникают не сразу и форму лингвистических тенденций, преобразований обретают спустя длительные промежутки времени. Развитие общества движется по спирали, в определенных моментах повторяя уже пройденное. Аналогичные процессы свойственны и языковой системе. Поэтому до определенной степени вероятности ожидаемые изменения лингвистического плана можно прогнозировать.

3. Транслятологическое исследование текстов, осуществляемое в ретроспективе, опосредованно позволяет судить о тенденциях социолингвистического характера: о том, как факторы политической и экономической близости между народами оказывают влияние, хотя и косвенное, на выбор языковых средств, определяя объем активного словарно-фразеологического запаса говорящих.

4. Особый транслятологический интерес представляет фразеологическая единица (ФЕ) как элемент языкового кода. Ее место в языковой системе по отношению к единицам фонетического, морфологического, лексического и синтаксического уровней обусловлено рядом специфических свойств и признаков и прежде всего уникальной их комбинацией.

5. Ретроспективный аспект исследования позволяет проследить динамику и мотивы транслятологического отбора переводных соответствий ФЕ в публицистическом тексте, объясняя выбор отчасти политико-экономическими и социальными отношениями между народами, государствами.

6. В ходе ретроспективного сопоставления украинских переводов с русскими оригиналами выявлена прогрессивная тенденция к замене описательного, монологического и имплицитного способов перевода ФЕ фразеологическим. Данная тенденция во многом обусловлена процессом духовной, культурной, политической, экономической интеграции народов в период 40—80-х гг. XX в.

Современные процессы национального и духовного возрождения, стремление наций обособиться и осмыслить историческую данность могут качественно переориентировать выбор языковых средств при переводе и ограничить его национально-самобытными средствами языка. Объективно же выбор языковых средств в переводе должен мотивироваться не политическими амбициями, а функционально обоснованным учетом значительной близости русского и украинского народов и стремлением к оптимально точному воспроизведению специфики каждой конкретной речевой ситуации.

Как известно, в 10—20-х гг. XX в., когда общественные процессы на Украине были во многом сходными с сегодняшними, в выборе переводного соответствия русской фразеологической единице доминировала ориентированность на национально непохожие средства (даже при наличии переводных тождеств), что не всегда положительно влияло на качество перевода. Подобную переоценку языковых средств можно прогнозировать на Украине и в ближайшие годы. Объективно же этот процесс еще раз подтвердит социальную опосредованность любых изменений в языковой системе.

М.Л.Кусова

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗЛИЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Для лексикологии и лексикографии признаются значимыми попытки воссоздания языковой картины мира. Подобная картина отражает иерархию смыслов (Ю.Н.Карaulов) и, следовательно, дает возможность описания взаимодействия различных семантических объединений слов. В этом плане интересен характер связи ЛСГ глаголов и семантических моделей антонимии. Подобное описание выполнено в рамках систематизации глагольных антонимов, его теоретической базой является учение о комбинаторности лексического значения слова.

В семантической модели глагольной антонимии выделены глаголы-антонимы, противопоставленные по дифференциальным семам. Глагольная антонимия дифференциального типа наблюдается в ЛСГ глаголов перемещения в пространстве,

существования, становления качества, отношения, приведения в эмоциональное состояние, пребывания в эмоциональном состоянии, поведения. Причем антонимические оппозиции по-разному соотносятся с ЛСГ: в большинстве своем они представлены ординарными членами одной ЛСГ, но антонимы дифференциального типа, обозначающие отношение и состояние, распределены по разным лексико-семантическим группам, и все компоненты указанных оппозиций представляют собой производные лексические единицы, противопоставление которых связано либо с антонимией прилагательных, либо с антонимией существительных.

В глаголах-антонимах категориально-лексического типа в качестве сем-антиподов выступают категориально-лексические семы. Это антонимия глаголов, антонимически соотнесенных ЛСГ. Выделяется 8 противопоставленных групп, т.е. 4 семантические модели: создание — разрушение/уничтожение, помещение — извлечение, объединение — разъединение, присоединение — отделение. Парадигмы противопоставленных ЛСГ организованы однотипно: ядром парадигмы являются антонимически связанные базовые глаголы, с которыми соотносятся члены групп.

Хотя в описываемой модели видна жесткая закономерность в организации, внутри самих групп противопоставление не всегда представлено последовательно. Достаточно часто наблюдается такое явление, когда члену одной группы противопоставлен нулевой компонент другой группы, хотя возможность противопоставления осознается носителями языка. Частично это объясняется наличием/отсутствием деривационных отношений между членами ЛСГ и неким средним компонентом.

Для глаголов-антонимов лексико-грамматического типа базовой является оппозиция «начать — кончить», это антонимия глаголов начинательного и финитивного способов действия. Следовательно, антонимические отношения связывают не только слова, но и классы слов. Антонимические оппозиции могут указывать на говорение, физиологическое состояние, эмоциональное состояние.

В отличие от ранее рассмотренных типов отрицательные глагольные антонимы не имеют однозначной связи с лексико-семантическими группами слов. Антонимические оппозиции могут быть образованы как членами одной ЛСГ, так и компонентами разных ЛСГ.

Таким образом, семантические модели глагольной антонимии различно связаны с ЛСГ, что определяется статусом сем-антиподов. Отсутствие однозначной связи с ЛСГ у отрицательных глагольных антонимов позволяет подчеркнуть своеобразие функционально-семантического противопоставления у глаголов.

Н.Б.Лебедева

Томский государственный университет

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В настоящее время признается актуальной задачей лингвистики выяснение способов «упаковки» информации средствами данного языка. Основной «упаковочной» единицей на семантическом уровне может считаться такая структура, которая получила наименование фрейма, ситуации, «положения дел», пропозиции, схемы и др. Эта семантическая структура лежит в основе высказываний на синтаксическом уровне языка и в основе глагольной семантики — на лексическом. Набор ситуаций, представленных в данном языке, и их структура, без сомнения, носят идиоэтнический характер, и, таким образом, исследуя содержательные структуры, представленные префиксальным глаголом (что уже само по себе отражает национальную специфику русского языка как одного из славянских языков), мы исследуем фрагмент языковой картины мира.

Содержательная структура глагола может быть рассмотрена в масштабе лексикализованной ситуации, расписываемой на актантно-предикатные элементы в масштабе микроситуаций, на которые делится лексикализованная структура, и в масштабе макроситуации, в которую на положении элемента вписана лексикализованная ситуация. Лексикализованная ситуация может рассматриваться в качестве ядра содержательной структуры глагола, отраженной в общем случае в словарной дефиниции, микро- и макроуровни составляют периферию содержания, хотя элементы того и другого могут быть отражены и в лексикографическом токовании. Вообще четкую границу между ядром и периферией провести невозможно, важно ее наметить.

Спецификой данного подхода является то, что элементы содержательной структуры рассматриваются как пропозиции и исследуются отношения между ними. Таким образом, структура глагола представлена как полипропозициональная конструкция. Намечается типология пропозиций и их соотношений.

В полипропозициональных структурах выделяются основная пропозиция и дополнительная, маркированная и немаркированная, потенциальная и реализованная, ретроспективная, проспективная и параллельная, модальная и целенаправленная и т.д. Так, возьмем для примера глагол *перехитрить*. Он содержит в масштабе лексикализованной ситуации пропозицию: «субъект (агентивного типа), предикат и объект (пациенс)». В масштабе микроситуаций мы обнаруживаем фрейм, состоящий из двух пропозиций, в которых каждый субъект одновременно выступает в роли объекта. Оба действия имеют одну и ту же целевую установку. Значение «соревновательности», включающее в себя наличие двух действий с двумя активными целеполагающими субъектами, одновременно выступающими объектами, вносит приставка *пере-*. Глагол *обхитрить*, в отличие от рассмотренного, монопропозиционален, хотя в речи это различие может нивелироваться. Другой пример. Глагол *перешить* соотносится с лексикализованной ситуацией «субъект агентивного типа, предикат, объект». В масштабе микроситуаций имеются более элементарные пропозиции (пороть, стричь, перекраивать, шить иглой или на швейной машинке и т.д.). В масштабе макроситуации содержится указание на ретроспективную ситуацию — «шить первый раз». Неправоммерно данную пропозицию включать в рамки лексикализованной ситуации, но приставка *пере-* в данном глаголе указывает на ретроспективную пропозицию, жестко связанную с основной причинно-следственными и хронологическими отношениями. Она «притягивается» к ней (ассоциированный член), входя в содержание префиксального глагола, но не включается непосредственно в ее значение. Таким образом, мы разводим понятия «значение» и «содержание» по аналогии с разграничением «смысла» и «значения».

Представляется, что предложенный подход способствует ответу на вопрос, «к наречению каких сущностей он [глагол] приспособлен, какие структуры знания стоят за ним, какая информация вербализуется при подведении ее под тело такого знака, как глагол» (Е.С.Кубрякова).

Н.С.Новикова

Российский университет дружбы народов (Москва)

СИСТЕМНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ МЕЖПОЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ

1. При рассмотрении лексики как сложной многоуровневой системы целесообразно различать вертикальные связи (связи данного элемента с элементами высшего и низшего уровней) и горизонтальные связи (между элементами одного уровня).

2. Априори можно предположить, что организация и функционирование вертикальных и горизонтальных связей обусловлены специфическими законами. Вертикальные связи базируются на отношениях иерархии, включения. При этом единица более высокого уровня есть не только конгломерат единиц более низкого уровня, но и некое новое системное общее, характеризующее приращением смысла.

3. Горизонтальные связи более разнообразны. Здесь тоже возможны отношения включения, но только в качестве одного из видов связи. В общем же случае между единицами одного уровня могут наблюдаться, как известно, парадигматические, синтагматические и деривационные отношения. На уровне слов эти отношения характерны для семантического поля (СП), которое есть группа слов, семантически связанных с именем поля (Ю.Н.Караулов). Объемное СП, включающее три типа связей, мы называли ранее (см. работы 1985, 1986 г.) семантическим полем общего вида.

4. СП как единицы лексико-семантической системы (ЛСС) в значительной мере изучены. Но для признания наличия ЛСС в целом необходимо установление связей между СП — межполевых связей, сущность, характеристики и типология которых исследованы явно недостаточно. Таким образом, изучены элементы сложной системы, но не изучены или недостаточно изучены связи, объединяющие эти элементы в единое целое — сложную ЛСС. В докладе предлагается опыт общей типологии межполевых связей.

5. Исследование показало, что связи между СП, подобно связям слов внутри поля, могут быть представлены парадигматическими, синтагматическими и деривационными отношениями. При этом парадигматические связи и здесь выделяются на основе оппозиций, синтагматические — на основе позиций, деривационные — на базе анализа однокоренных словообразовательных дериватов.

6. Основным и главным источником парадигматических межполевых связей является многозначность членов поля. Многозначное слово входит в состав определенного СП, но не всеми своими ЛСВ, а только теми (или тем), которые

обеспечивают межполевые связи. Вторым источником парадигматических межполевых связей является омонимия — в тех случаях, когда она закономерна, когда омонимы возникли в результате распада полисемии. Третий важнейший источник парадигматических межполевых связей — антонимия. Антонимы членов поля обладают общим семантическим признаком с именем поля, но признаком, взятым с отрицанием «не».

7. Существование деривационных межполевых связей обусловлено тем, что у членов поля могут быть однокорневые дериваты, не попавшие в поле по критерию семантической связи. В тех случаях, когда лексическое значение деривата не равно сумме значений морфем, приращение аффиксов может так кардинально изменить семантику слова, что оно попадает в иное семантическое поле.

8. Синтагматические межполевые связи возникают на базе сочетаемости; при этом важны понятие «семантическое согласование» и различие свободных и устойчивых словосочетаний. Для свободных словосочетаний семантическое согласование определяется только связью денотатов. Позиционный анализ таких связей дает межполевые связи, обусловленные отношениями реальной действительности, а значит, связи не языковые, а речевые.

9. Анализ устойчивых словосочетаний дает неоднородную картину. Закон семантического согласования выполняется для тех устойчивых словосочетаний, члены которых относятся к одной тематико-ситуативной группе (ТСГ), т.е. имеют одну общую тему. Здесь четко проявляются языковые межполевые связи.

10. Словосочетания, компоненты которых относятся к разным ТСГ, не дают возможности выявить межполевые связи, ибо сочетаемость основывается здесь на наличии фоновых («неязыковых») сем.

11. В макрогруппах, включающих некое множество СП, возможно сосуществование и пересечение всех описанных типов связей (как в СП общего вида).

12. Межполевые связи неодинаковы и по своей глубинной природе. Связи на базе антонимии обусловлены логически; связи, возникшие вследствие многозначности, закономерной омонимии и словообразовательной деривации, обусловлены лингвистически.

13. Несомненна национальная специфика межполевых связей, поскольку многозначность, распад омонимии, деривация, стандарт сочетаемости, как правило, национально своеобразны. Наиболее универсальными представляются логически обусловленные межполевые связи.

14. Описанная повторяемость (относительный изоморфизм) типологии семантических связей в пределах СП и на уровне межполевых отношений, как и повторяемость ограниченного набора типов ассоциаций, служащих для организации языковых систем и подсистем иных уровней, обусловлена системностью мышления и в конечном счете — принципом экономии в организации мышления и памяти человека.

А.В.Панкин

Московский государственный университет

CASES ИЛИ КЕЙСЫ? (О ПРОНИЦАЕМОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)

В профессиональной речи русских экономистов стало общепринятым при рассмотрении американского менеджмента употребление слова *кейсы*, заимствованного из американского варианта английского языка. (cases — форма множественного числа). Примером служат лекции, читаемые на экономическом факультете МГУ, а также специальная литература.

Сохранение исконной формы — один из способов подчеркивания особого значения слова, в данном случае — терминологического, связанного с американской системой обучения менеджменту. См. определение системы кейсов (case system) в «New Webster's Dictionary of the English Language».

Правомерность использования американизма в русской профессиональной речи объясняется, очевидно, приоритетностью США в применении методики кейсов (она появилась в Гарвардском университете в двадцатые годы). Другая причина связана с ведущей ролью и авторитетностью американского менеджмента в современном бизнесе.

В модели обучения в США эффективным способом деловых взаимодействий используется методика, которую можно назвать методикой дискуссионной проблематики. Система кейсов — часть этой методики. Кейсы включают в себя краткое историческое и теоретическое описание метода, практическую часть (описание

ситуации и ее разбор с помощью вопросов для дискуссии, вопросов с возможными ответами, вопросов оценочного характера и т.д.).

Цель кейсов — систематическое изучение игровых ситуаций, служащих формированию коммуникативных навыков, способности быстро реагировать на изменение ситуации, умения вести переговоры, оценивать анкетные данные и т.д.

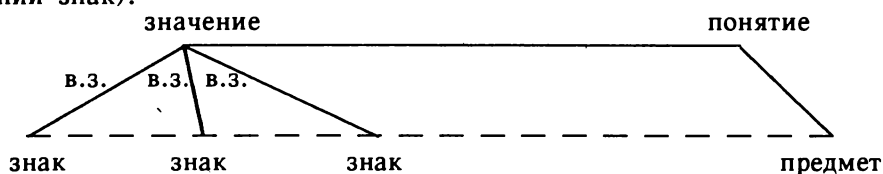
Поскольку кейсы представляют альтернативную методику, интересно сопоставить их с *exercises* (упражнениями) и *readings* (чтением).

Употреблению слова *кейсы* в качестве термина отражает общую тенденцию в русском языке, для которой характерны «заимствования из американского варианта английского языка» (В.Г.Костомаров), особенно в сфере рыночной экономики и методики ее изучения.

Л.Н.Роженцова
Иркутский государственный университет

МИРОВОСПРИЯТИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Синонимами традиционно считаются языковые знаки различного материального наполнения, но единого содержания. Модель лексического значения производных предлагаем рассматривать в виде трапеции, представляющей собой современную модификацию семантического треугольника Огдена — Ричардса (далее в.з. — внутренний знак):

Согласно данной модели, у синонимов едины значение, понятие и предмет. Но их природа такова, что разные знаки и соответственно разные внутренние знаки уточняют обозначаемое, детализируют отдельные его стороны и дают ему оценку.

На примере производных синонимов с однотипной морфемной структурой рассмотрим специфику возникновения синонимического ряда в речи. У таких синонимов едины словообразовательная структура и значение. Контекст не только способствует концентрации смысла синонимов, но и показывает процесс возникновения контекстуальных синонимов под воздействием окружения (см.: отсутствие гибкости мышления называют *инертностью*, *ригидностью*, *окостенелостью* и даже *застойностью*). Производные воспринимаются как синонимы за счет актуализации периферийных компонентов семантики производящих слов под влиянием деривационного значения.

Таким образом, синонимические отношения в речи демонстрируют важную роль субъективного фактора в процессе актуализации прагматических компонентов знака. Субъективная действительность слова (потенциальная сема 'неподвижность' производящих *инертный*, *ригидный*, *окостенелый*, *застойный*) стала объективной (потенциальная сема заняла место ядерной в производных *инертность*, *ригидность*, *окостенелость*, *застойность*).

3.2. Лексическая семантика в свете антропологической лингвистики

Е.А.Барашкина
Самарский государственный университет

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Ярким выражением антропологизма в моделировании внеязыковой действительности является наличие в языковой системе устойчивых метафорических комплексов, которые играют большую роль при языковой характеристике сферы непредметных сущностей.

Характеризуя объекты высокой степени абстракции, в частности интеллектуальную деятельность человека, метафора выполняет концептуальную функцию, т.е. вспомогательный компонент не только дает имя обозначаемому, но и является основой для его осмысления, для вычленения важных, с точки зрения говорящего, сторон объекта.

Особая роль принадлежит ключевым метафорам, которые «прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту, задавая аналогии и ассоциации между разными системами понятий» (Лакофф, Джонсон). В отличие от индивидуальной метафоры, которая эксплицирует отдельные, в том числе и случайные стороны ситуации-денотата, ключевые метафоры характеризуют наиболее сущностные, социально значимые его стороны. Акцентирование тех или иных признаков зависит от того, какой образ выбирается говорящим в качестве «внутренней формы».

В частности, мы выделили пространственную модель (я пришел к выводу; мысль пришла в голову), модель механизма (ум не включался; моторы сознания), модель жидкой субстанции (поток воспоминаний; течение мысли), модель света (сверкнет, вспыхнет мысль), модель живого организма (почва размышлений, зерно мысли, убеждение выросло, вывод созрел).

За счет разного лексического наполнения глагольной позиции пространственная модель обеспечивает возможность актуализации отдельных аспектов мыслительного акта: напряженности, интенсивности, сосредоточенности, логичности (я шел к мысли; мысль мчалась в голове) или, напротив, спонтанности, противоречивости (мысли гуляли в голове; лезли в голову, копошились).

Средствами метафорической модели механизма подчеркивается функциональный аспект мыслительной деятельности, ее напряженность, затрата больших интеллектуальных усилий, передается наличие/отсутствие в конкретный момент способности к напряженной творческой умственной деятельности (голова работает, моторы сознания включены).

При использовании метафорической модели жидкой субстанции (мысли хлынули в голову, сомнение просачивалось) актуализируются такие смыслы, устойчиво связанные с образом жидкости, как ее недискретный характер, способность к стихийным проявлениям. Метафоры этой модели характеризуют интеллектуальную деятельность со стороны стихийности появления мыслей при акцентировке пассивности самого мыслящего субъекта, нечеткости, неоформленности результатов мышления.

Метафорическая модель света последовательно характеризует процесс воспоминания, память человека. Прошрое, хранящееся в сознании в неактуализированном виде, осмысливается, как темнота, туман, в котором память высвечивает ряд картин, т.е. четкость воспоминаний осмысливается как яркость, благодаря которой картина как бы предстает во всей своей полноте, становится зрительно воспринимаемой.

Взгляд на интеллектуальную деятельность сквозь призму метафоры живого организма позволяет представить процесс мышления во всей его полноте: от впечатления, первоначальной оценки факта до окончательного оформления результата.

В целом исследование метафорических комплексов с точки зрения их семантического потенциала показало, что метафора как средство характеристики интеллектуальной деятельности обладает большими изобразительными возможностями, позволяет выявить и отразить в языке самые сущностные свойства процесса мышления.

Ф.С.Бацевич

Львовский государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ

1. Для лингвистики последних десятилетий характерно включение в сферу исследований языка многих проблем, касающихся человека: его мышления, памяти, восприятия, чувств, эмоций, поведения, деятельности, социальных статусов и разнообразных ролей. Есть все основания говорить о том, что современная наука о языке входит в новый этап своего развития, зарождается когнитивная (антропоориентированная) парадигма исследования. Последняя представляет собой, по определению Ю.С.Степанова, синтез семантической, синтаксической и прагматической парадигм в сфере когнитивных проблем.

2. С позиций лингвистического когнитивизма слово предстает важнейшей единицей языка, сквозь которую воспринимается и при помощи которой концептуализируется человеком мир. Одним из важнейших постулатов нового направления исследований является требование обращения к «обиходному» (ненаучному) мышлению и соответствующему ему «простому», «каждодневному», общенародному, разговорному языку (а также языку фольклора), в которых отразились знания, мышление, культура, верования, поведенческие и иные установки, «вертикальный контекст», presupпозиции и многое другое среднего носителя языка. Лексическим единицам последнего присущ особый способ категоризации мира и его отдельных объектов, отличающийся от категоризации научной (логической). Важнейшими отличительными

ми чертами так называемой «естественной» (или «естественно-языковой») категоризации являются: антропоцентризм (подчас даже антропоморфизм); ориентация на прототип (стереотип); связь с «ненаучным» структурированием мира на принципах подобия прототипу (стереотипу); нечеткость и открытость границ; редуccionизм и отсутствие иерархии признаков и некоторые другие (Э.Рош, Дж.Лакофф, М.Джонсон и др.).

2.1. В свете «естественной» концептуализацией мира лексическое значение предстает как: 1) связанное с представлением, воображением, человеческим опытом и другими аспектами; 2) антропоморфное, т.е. зависящее от природы и строения человеческого тела; 3) имеющее характер гештальта (по другой терминологии — фрейма, сценария) (Дж.Лакофф).

2.2. Важнейшим результатом «естественной» категоризации мира и его объектов лексической системой языка является формирование в структуре слова семантических коннотаций, заполняющих «узлы» («слоты») фрейма (гештальта) и поворачивающихся разными своими сторонами в зависимости от типа текста, речевого акта, контекста, ситуации общения и т.п. Семантические коннотации — это признаки, которые приписываются прототипичному (стереотипичному) объекту действительности (или объекту воображаемому), они не всегда подтверждаются практикой и не отражаются в дефиниции слова (Л.Иорданская, И.Мельчук). См., например, коннотации 'глупый', 'упрямый' слова *осел* и 'безропотно выполняющий тяжелую работу' слова *ишак*, обозначающих одну и ту же реалию объективной действительности (пример Л.Иорданской и И.Мельчука).

2.3. Семантические коннотации являются специфическими для каждого языка, выступают как важнейшие составляющие языковой картины мира. Их исследование имеет огромное значение для создания когнитивных грамматик, «активных» (в понимании Л.В.Щербы) антропоориентированных и лингвострановедческих словарей, словарей языковых стереотипов, сопоставительного изучения лексических систем разных языков, теории и практики перевода и др.

Важнейшими приемами и методиками установления семантических коннотаций являются: сопоставление семантических и словообразовательных дериватов; интерпретация фразеологизмов и устойчивых выражений, а также выражений паремийного и фольклорного характера и некоторые другие (Р.Токарский). Так, например, наблюдения над фразеологией разговорной речи русского, украинского и польского языков показали, что для слова *свинья* многие семантические коннотации совпадают: 'грязная', 'глупая', 'едящая отходы' и др. Вместе с тем наличие во фразеологическом фонде разговорного польского языка оборотов типа *swinski blondyn*, *swinski rzesy*, *swinski brwi* и т.п. и отсутствие фразеологизмов, акцентирующих окрас свиньи, в русской и украинской разговорной речи свидетельствуют о том, что в сознании среднего носителя польского языка «прототипичная» свинья имеет белую щетину и розовую кожу, а для носителей русского и украинского языков цвет щетины и кожи «прототипичной» свиньи — признак не релевантный.

3. В докладе на примере русского, украинского и польского языков рассматриваются некоторые теоретические и практические аспекты лингвокогнитивного исследования лексической семантики ряда семиологических классов слов.

Ж.Н.Бирилло
Вильнюсский государственный университет

СПЕЦИФИКА АССОЦИАЦИЙ, ВЫЗЫВАЕМЫХ ОБЩЕИЗВЕСТНЫМИ АНТРОПОНИМАМИ, У НОСИТЕЛЕЙ ЛИТОВСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследователи ономастики отмечают, что именам собственным (ИС) свойствен национально-культурный компонент. ИС не только накапливаются и отражают национально-культурную информацию, но и являются средством формирования фоновых знаний носителей языка, их моделирования в учебном процессе. Говоря об отражении культуры и истории в ономастике носителей языка, прежде всего имеют в виду ИС, референты которых сыграли определенную роль в национальной и мировой культуре.

В связи с этим возникает необходимость определения ассоциаций ИС, находящихся «во главе» ономастики, а также необходимость в дальнейшей разработке методов определения разнообразной информации, сведений, эмоций, оценок, которые носитель языка связывает с тем или иным именем собственным. Особенно эта проблема актуальна для сопоставительного лингвострановедения, когда встает задача определения национально-культурного компонента семантики понятийно эквивалентных лексических единиц. Понятно эквивалентные ИС, обладая коннотативным значением,

могут вызывать у носителей разных языков не только различные, но даже противоположные ассоциации. Совокупность эмоционально-эстетических ассоциаций принято именовать «коннотацией» (Верещагин, Брагина). Коннотации, отражающие «национальную оценку» референтом имени, могут выявить различия в оценке одного и того же фрагмента мира разными языковыми коллективами.

В докладе пойдет речь об определении национально-культурных ассоциаций антропонимов — имен деятелей искусства и исторических деятелей. В целях определения ассоциаций, вызываемых антропонимами у средних носителей литовского и русского языка, нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент в двух языковых группах по 100 человек каждая. В результате анализа полученных ассоциативных полей 40 антропонимов нам удалось установить как близость, так и расхождение в прагматических характеристиках, в объеме знаний, ассоциируемых представителями разных языковых коллективов с предложенными им антропонимами. Экспериментальные данные показали, что носители языка воспринимают антропонимы — реалии родной культуры информативно конкретнее, полнее (в этом случае практически не наблюдаются нулевые реакции), эмоционально разнообразнее (среди прагматических ассоциаций преобладают положительные реакции). Выявленная в ходе эксперимента специфика ассоциаций, вызываемых отдельными антропонимами, позволяет предположить существование национально закрепленных ассоциаций (коннотаций), отражающих знание языковым коллективом обозначаемого антропонимом референта и отношение этого коллектива к признакам данного референта.

А.С.Дерябина

Московский государственный университет путей сообщения

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Наш продолжающийся уже несколько лет переход к рыночным отношениям сопровождается широким распространением и употреблением коммерческих терминов. В продаже появились специальные словари, например «Коммерческий словарь» (М., 1991), включающий в себя приблизительно 3000 терминов. Словарь дает толкование терминам планового и рыночного хозяйства. Концерн «РОСС» выпустил словарь «Язык рынка» (1992 г.). Оба эти словаря рассчитаны на всех, кого интересует бизнес.

Основным источником формирования коммерческой терминологии, сравнительно новой для русского языка терминосистемы, является английский язык.

Другой источник формирования коммерческого словника — собственно национальный язык, из которого используются готовые лексические средства. «Эти слова, — как отмечают исследователи, — являясь принадлежностью лексики общенационального русского языка... входят и в отраслевые терминосистемы в качестве специальных наименований» (Даниленко В.П. Русская терминология. М., 1977). Так, в указанных словарях среди англицизмов, американизмов и прочих заимствований (*маркетинг* 'система управления предприятием, предполагающая тщательный учет процессов, происходящих на рынке, для принятия хозяйственных решений'; *лизинг* 'долгосрочная аренда машин, оборудования, транспортных средств, сооружений производственного назначения' и др.) выделяются термины типа *кулиса*, *аутсайдер* и др. Эти слова, являясь старыми нашими знакомыми, в коммерческой терминологии переосмысливаются и как бы «надевают» на себя новые одежды. Обратимся к примерам.

Слово *антрепренер* в русский язык пришло из французского и употребляется в значении 'владелец, арендатор, содержатель частного зрелищного предприятия (театра, цирка и т.п.)'. В словаре «Язык рынка» *антрепренер* толкуется как 'предприниматель, который изыскивает средства для организации бизнеса и тем самым берет на себя предпринимательский риск'.

Кулиса — слово тоже французского происхождения, и в русском языке оно используется в самых различных терминологиях. «Словарь иностранных слов» (М., 1986) дает значения этого слова в четырех терминосистемах: театральной, технической, музыкальной, сельскохозяйственной. В коммерческой терминологии *кулиса* употребляется в значении 'неофициальная биржа, на которой совершаются сделки без посредничества официальных биржевых маклеров'. Такое толкование невольно ассоциируется с другим не менее известным выражением — *за кулисами* в значении 'тайно, скрытно'.

Специальное наименование *прима* в «Словаре иностранных слов» также приводится в нескольких значениях. Одно из них — это 'первая партия в ансамбле,

например, первая скрипка'. В «Коммерческом словаре» термин *прима* приобретает новую трактовку — 'первый экземпляр переводного векселя (тратты)'.

В коммерческом сленге используются и такие слова, как «*быки*» и «*медведи*». Термин «*быки*» имеет значение 'биржевые маклеры, играющие на повышение курса ценных бумаг и валюты', термин «*медведи*» употребляется в значении 'биржевые спекулянты, играющие на понижение курса (цены) ценных бумаг, валют, товаров'.

И наконец, приводимый словарем «Язык рынка» коммерческий термин *снятие сливок* употребляется в значении 'ценовая политика, используемая при введении нового товара на рынок, когда покупатели дают любые деньги, лишь бы его иметь'. Это выражение закономерно ассоциируется с понятием, существующим в русском языке, *снимать пенки (сливки)*, т.е. 'брать на себя самое лучшее, самое выгодное'.

Таким образом, даже на этом небольшом количестве примеров, мы видим, что коммерческая терминология использует известные термины самых разных терминологических систем современного русского языка, а также фразеологические выражения. Причиной использования готовых лексических единиц является в большинстве случаев, на наш взгляд, определенное сходство в понятийных аппаратах, существующее как в той, так и в другой группе слов. Например, в слове *прима* главным является понятие «первый», именно это понятие переносится в коммерческий термин, которым определяется 'первый экземпляр переводного векселя'. Аналогичная картина наблюдается при употреблении терминов *антрепренер*, *снятие сливок* и др. В.П.Даниленко охарактеризовала подобные термины как семантические неологизмы. Семантический способ образования терминов в современном русском языке считается одним из продуктивных.

Н.В.Золотарева

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Отличительными признаками звуковой речи являются следующие признаки: направленность, звуковая оформленность, содержательность. Данные признаки являются важными смысловыми категориями глаголов говорения и в общем виде выступают как обязательные атрибуты всех глаголов говорения, хотя в значении одного конкретного глагола обычно присутствуют не все три категориальных признака (М.И.Кролл). Например, в значении глагола *murmur* (бормотать) преобладает признак звуковой оформленности, а в значении глагола *respond* (отвечать) — содержание высказывания и его предназначенность определенному лицу.

Семантические расхождения между глаголами основываются на категориальных различиях. Но не менее существенными для семантики глаголов говорения являются детальные признаки, проявляющиеся при анализе глаголов внутри каждой категории. М.И.Кролл называет их аспектами.

Рассмотрим одну из категорий глаголов говорения, категорию звуковой оформленности, акустической характеристики речи, а именно аспект «отчетливость/неотчетливость», с целью выявления общего и различного для русского и английского языков.

Аспект «отчетливость высказывания» в русском языке в основном передается такими глаголами, как *акцентировать*, *артикулировать*, *скандировать*, заимствованными в основном из латыни, или же словосочетаниями *отчетливо произносить*, *четко выговаривать* и т.п. В английском языке данный аспект также представлен глаголами латинского происхождения: *to accentuate*, *to articulate*, однако в меньшей степени. Словосочетания «глагол говорения + наречие» также используются в английском языке для передачи отчетливости высказывания, например, *to speak distinctly*, *to pronounce clearly* и т.д.

Если в русском языке существует немного «исконно русских» глаголов для передачи данного аспекта (выговаривать, отчеканивать, отгарабанивать), то в английском это совершенно другие глаголы, являющиеся в основном синонимами к слову *акцентировать*: *to stress* ('подчеркнуть, сделать на чем-то акцент, уделить внимание'), *to emphasize* ('сделать на чем-то акцент, подчеркнуть'), *to enunciate* ('говорить (произносить) отчетливо').

Аспект «неотчетливость высказывания» представлен более широко в английском языке, чем в русском. Кроме общих, т.е. присущих обоим языкам глаголов, выражающих нечеткую речь, — таких, как *шепелявить* (*to lisp*), *картавить* (*to whir*), *бормотать* (*to mumble*), *тараторить* (*to chatter*), *топтаться* (*to prattle*), которых в английском языке тоже больше, — помимо этих глаголов, в английском языке больше глаголов, выражающих детскую (или подобную детской) речь.

Например, в русском языке это только глаголы *лопотать* и *лепетать*, а в английском есть *to babble* ('говорить быстро и неразборчиво, как ребенок'), *to prattle* ('говорить на примитивном, детском языке'), *to stammer* ('бормотать, заикаться'), *to chatter* ('говорить быстро, глупо, слишком много'), *to utter* ('бормотать').

Таким образом, даже на немногих примерах можно видеть лишь относительное соответствие различных категорий и аспектов глаголов говорения в английском и русском языках.

Н.А.Илюхина

Самарский государственный университет

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

По мере развития именно антропологического аспекта изучения языка (так или иначе обнаруживающего себя в рамках тех или иных научных парадигм) семантическая структура слова со всей очевидностью подтверждает свою глубину и неисчерпаемость, что приводит к периодической корректировке в научной литературе моделей ее описания. В этой связи позволительно говорить без особых преувеличений о значении слова как образе мира, данном через восприятие и освоение его человеком.

Известно, что в лексическом значении слова сфокусированы отнюдь не только представления об объективных свойствах обозначаемой им реалии, в нем широко и многообразно отражаются условия жизни этноса — культурные, исторические, идеологические, географические и иные — сквозь призму которых своеобразно преломляются знания языкового коллектива о реалии.

Достижения современной фоносемантики также открывают специфический ракурс, имеющий непосредственное отношение к антропологическому взгляду на слово.

В свете обозначенного подхода семантическая структура слова в основе своей представляет собой результат многообразного (в том числе во многом психологического, ассоциативного) освоения внеязыковой реалии, запечатленный в виде сложного логико-эмпирического конструкта.

Особый научный интерес на фоне в достаточной мере изученной логической части значения представляет эмпирический комплекс, который по своей природе является многоплановым и в котором значительное место занимают обобщенные впечатления собственно психологического характера, измеряемые в понятиях типовых ощущений, состояний, мироощущения и т.д.

С логической и эмпирической частями, представляющими собой в совокупности основу значения слова, системно связан комплекс многообразных ассоциаций, на базе которых, в свою очередь, формируются дополнительные, вторичные по своему характеру смыслы, также входящие в семантическую структуру слова.

При таком подходе значение слова, на наш взгляд, может быть адекватно интерпретировано через категорию психолингвистического образа (ср. в некотором роде сходную категорию «экспрессема», предложенную В.П.Григорьевым).

Представленные соображения предполагается раскрыть в докладе на примере семантической структуры слова *осень*.

Антропологический подход к слову позволяет, в частности, не только расширить контуры семантической структуры слова, но и описать слово в его многообразных системных связях: с одной стороны, в рамках лексикона языка, с другой — в контексте конкретной культуры.

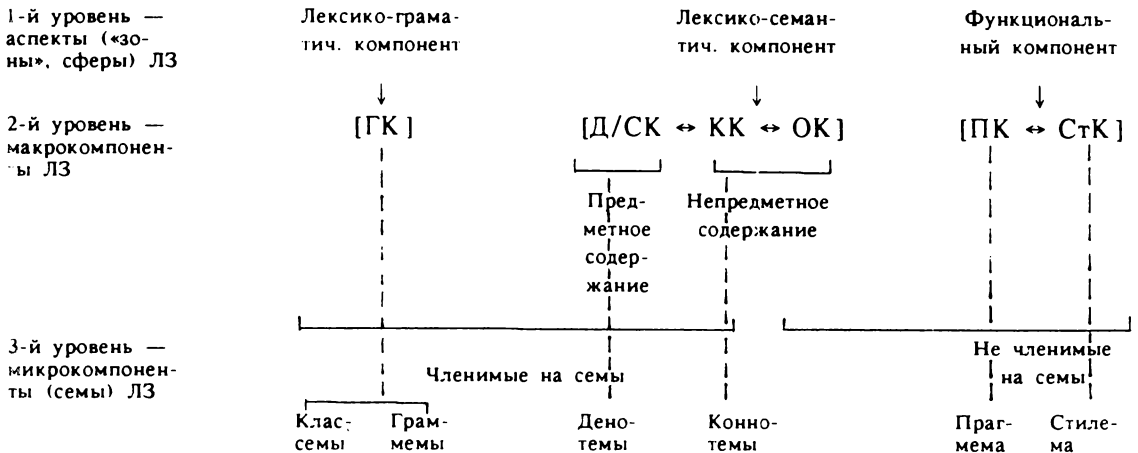
Н.А.Лукьянова

Новосибирский государственный университет

О СООТНОШЕНИИ КОННОТАТИВНОГО И ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

1. В контексте системно-структурного подхода к лексике в целом и ее функциональным единицам (лексемам и ЛСВ) лексическое значение (ЛЗ) рассматривается как многокомпонентная гетерогенная структура. Количество компонентов ЛЗ, их природа и статус определяются лингвистами по-разному. В теоретических исследованиях структуры ЛЗ в последние годы явна тенденция к детализации абстрактной модели ЛЗ слова, особенно в работах В.Н.Телии.

2. Принимая в качестве исходного тезис о различном статусе ЛЗ в языке-системе (словаре) и в речи (Э.В.Кузнецова, М.И.Черемисина, В.Г.Гак, И.А.Стернин и др.), предлагаем следующую модель ЛЗ:

«Денотема», «коннотема», «прагмема», «стилема», аналогичные по образованию уже устоявшимся терминам «классема», «граммема» и подобным, могли бы приобре-сти статус терминов соответствующих микро- и макрокомпонентов ЛЗ.

3. Дискуссионность предложенной схемы связана с КК и ПК. Как известно, области коннотации и прагматики, соотносящиеся с человеком, «человеческим фактором», не разграничены достаточно четко, нередко их отождествляют. В качестве разделяющих их демаркационной линии могло бы стать разграничение двух типов субъектов: субъекта номинации (S^1), того, кто участвует в процессе номинации предмета, явления, отражая в слове субъективные аспекты восприятия объективной картины мира, и субъекта речи (S^2) — говорящего, использующего в своей речи готовую к употреблению номинацию. Субъект номинации через эмоции, эмоциональ-ные реакции и оценки «фиксируется» в КК ЛЗ (коннотемы «эмотивность» и «эмотивная оценка»), а субъект речи представлен в речевой реализации системного ЛЗ.

4. Круг дополнительных оттенков, приращений смысла, покрываемый ПК, определяется соотносительностью ЛЗ с конкретной коммуникативно-речевой ситуа-цией, предполагающей условия актуализации ЛЗ, целеустановку говорящего и его состояние в момент речи, отношения между говорящим и слушающим, их образова-тельный и общекультурный уровень, а также время, обстановку общения и т.п. Так, например, номинация *перестройка* в начале перестроечного периода (в речи М.С.Горбачева и после ее провала) употреблялась с положительной социальной оценкой, которую можно интерпретировать как прагматическую информацию. См. соответствующее высказывание: «Надоела нашему народу растащилка, вот и нача-лась перестройка» (из телеинтервью колхозницы). А вот высказывание одного из ведущих телепередачи «Взгляд» (1990 г.): «Слово *перестройка* стало употребляться с насмешкой, раздражением». В системе лексики ЛЗ лексемы *перестройка* оценоч-но-нейтральное. Оценка возникает в речи, во-первых, как отклик на ситуацию в стране в разное время (начало перестройки и ее конец), во-вторых, она передает отношение к перестройке конкретного говорящего, его взгляд, позицию, целеустанов-ку (в речи М.С.Горбачева), следовательно, это ПК окказиональный, речевой по своему статусу, меняющийся в речи. Еще один пример: «Горбачевское “Давайте посоветуемся сейчас”, “Надо, наверное, посоветоваться” цитировать стали быстро и с изрядной долей сарказма. За этим лукавым присловием следовала обычно формулировка, выводящая ситуацию из кризиса, когда страсти чрезмерно накаля-лись, либо из затяжного говорения» (Сов. культура. 1989. 9 дек.). Аналогично: «новое мышление» и другие выражения.

5. Интерпретация ПК как компонента актуализованного значения (смысла) позволяет более четко структурировать КК, связывать последний не с дополнитель-

ными оттенками, наслоениями, приращениями значения, а с языковой (не речевой) сущностью.

А.М.Плотникова
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ГЛАГОЛА И ОБЪЕКТА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Универсальный характер взаимодействия предметных и признаковых слов (и прежде всего глагола и имени) порождает многообразие подходов к рассмотрению категорий субъектности и объектности в их связях с глагольной лексикой. Синтез научных парадигм ведет к комплексному анализу данных категорий с учетом грамматических и лексических средств языка, репрезентирующих семантику субъектности и объектности.

Антропоцентрический подход к изучению глагольной лексики заставляет обратить внимание в первую очередь на категорию субъектности как наиболее приспособленную для выражения семантики лица, активной субстанции.

Изучение глагольной лексики должно вестись с учетом всех семантических связей глагола, тем более что субъектно-глагольные и глагольно-объектные связи постоянно коррелируют. Кроме того, мысль о синтагматической значимости глагола связана со сферой не столько субъектных, сколько объектных отношений, во многом определяющих характер глагольного значения. Антропологическая лингвистика, отводя моделям «действие — объект действия», «действие — инструмент действия» и т.п. роль «константов сознания» (А.А.Уфимцева) и видя их смысл в отображении реально существующих отношений между предметами объективной действительности, представляет их единицами концептуальной модели мира. Существующие концепции рассматривают глагольно-объектные связи с семантико-синтаксических позиций, трактуя категорию объектности в терминах падежной грамматики Ч.Филмора, т.е. выделяя различный набор именных групп, связанных с глаголом определенными сочетаемостными, «падежными» отношениями. Такой подход учитывает грамматическую природу объектности (морфологические и синтаксические средства выражения глагольного объекта) и семантические роли объектов в высказывании. Между тем возможным является и несколько иной аспект: рассмотрение собственно семантических связей глагола и объекта. При этом предметом анализа является лексическое значение глагола, его валентностная структура, в которой уже заложены и типы синтаксических связей глагола, и семантика возможных объектов, т.е. в значении глагола содержится указание на значение объекта. Например, в лексическом значении глагола *ваять* есть указание на объект «скульптурные произведения». Такой подход позволяет увидеть особенности взаимодействия глагольных (категориально-лексических) и именных (дифференциальных) компонентов в семной структуре глагола, степень их спаянности и представить объектность как категорию полевого типа, в центре которой будут различные типы включенных объектов. Так, лексические значения глаголов *возделывать*, *жарить*, *косить*, *курить*, *нарумянить* содержат в семной структуре включенные объекты, свидетельствующие о взаимовлиянии семантики глагола и объекта, об их взаимной настроенности друг на друга. На периферии средств выражения объектности в семантике глагольного слова находятся обобщенные объекты со значением одушевленного лица (см. глаголы межличностных отношений типа *любить*, *дружить*, *обнять* и др.), в которых семантика объектности связана, пересекается с признаками субъектности. Между этими двумя способами репрезентации объекта в семантике глагола существует ряд промежуточных. Все они составляют семантическое поле объектности.

Исследование семантических связей глагола и имени ориентирует на выявление онтологической природы глагольного слова и рассмотрение глагольной лексики с точки зрения отображения в ней изменяющегося мира субстанций.

Т.П.Скоринова
Московский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСЕМНОЙ ПРОСОДИИ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В настоящее время в центре внимания лингвистов оказывается комплекс вопросов, связанный с изучением «человеческого фактора» в языке: проблемы речемыслительной деятельности (С.Д.Кацнельсон, Е.С.Кубрякова, А.А.Леонтьев, В.Н.Сидоров и др.), вопрос о структуре лексикона и информационного тезауруса языковой личности

(Ю.Н.Караулов, А.А.Залевская); активно обсуждается проблема отражения языком картины мира и фоновых знаний индивида.

Для лексемной просодии — новой области интонологии, изучающей закономерности взаимосвязи фразово-акцентуационных и семантических различий лексем, антропоцентрическая направленность анализа языковых фактов открывает новую сферу исследования, основные контуры которой можно представить следующим образом.

1. Исследование лексической системности в аспекте коммуникации ведет от идеографических подразделений, от общих концептов к их преломлению в текстах функциональных стилей и жанров. Подключение акцентно-просодической информации к изучению лексического обеспечения речевой деятельности способно прояснить представление о глубинных основах когнитивного и коммуникативно-прагматического устройства лексической системы языка.

2. С точки зрения антропоцентрического подхода «вся совокупность лексических значений предстает как отражение субъективной стороны познавательного процесса в форме усредненных знаний: представлений, оценок коллективного субъекта — носителей языка, его усредненного информационного тезауруса» (Сулименко Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики. СПб., 1994). Это положение связано с исходным постулатом о реализации в тексте определенного фрагмента «концептуальной системы» носителей языка (Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983). Привлечение показателей фразовой акцентуации наиболее частотных слов как одного из критериев оценки их коммуникативной значимости дает возможность установить степень относительной акцентной значимости единиц лексического ядра языка и их места в информационном тезаурусе индивида.

3. Полевое ядерно-периферийное строение, охватывающее все составляющие лексической системы (от предельно общих объединений слов по категориально-грамматическим семам, по семантическим полям и частным группам в их пределах до отдельных лексических значений), ориентировано на потребности речевой коммуникации. В основе этого положения — постулат о признании гибкого, подвижного характера лексического значения с заложенными в нем тенденциями преобразования в речевом контексте. Важно отметить, что изучение акцентных параметров лексем и их семантических объединений помогает выявить взаимосвязи между просодическим выделением и лексической семантикой слова в потоке речи.

4. Ядерно-периферийное строение элементов и блоков системы словаря составляет основу линейного развертывания текста. В то же время оно очерчивает границы того глобального образа, который может быть воспринят адресатом с опорой на его знания о мире и систему внутритекстовых связей. В этом плане определение состава акцентогенных (наиболее регулярно акцентируемых) единиц текста дает представление о системе опорных лексических элементов, которые выступают интонационно-смысловыми ориентирами для адресата в той или иной сфере общения.

5. «Слово в коммуникации уже не просто номинативный (или указательный) знак, а знак, призванный выразить элементы ситуации, осмысленной говорящим, и, следовательно, в какой-то степени выразитель суждения» (Сулименко Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики. СПб., 1994). В связи с этим специфика семиотической природы акцентогенного слова состоит в том, что в реальном коммуникативном процессе оно имеет своего рода двойную знаковую отнесенность: с одной стороны, к определенному элементу концептуальной системы носителя языка (говорящего), с другой стороны, к элементам актуальной ситуации общения, которая находится в поле зрения говорящего и является предметом его оценок. В этом, так сказать, и заключается семантико-коммуникативный потенциал акцентного выделения слова как явления лексической системы языка, взятого на уровне его текстовой организации в звучащей речи.

Последовательное проведение антропоцентрического принципа в истолковании закономерностей акцентуации слова, с нашей точки зрения, позволяет обнаружить то единство системно-структурной и коммуникативно-прагматической организации ядра лексикона языковой личности, которое не является очевидным при других подходах к описанию словарного состава языка.

А.П.Чудинов

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ВАРИИРОВАНИЯ СЛОВЕСНОЙ СЕМАНТИКИ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Вариативность — самое постоянное свойство словесной семантики, необходимо вытекающее из природы слова как средства номинации. Словарный состав языка ограничен и несоизмерим с бесконечным разнообразием предметов и явлений

действительности, для обозначения которых используются словесные знаки. В каких-то — немногих — случаях вариативность значения слов затрудняет коммуникативный контакт, но в целом вариативность не препятствует, а способствует успешной коммуникативной деятельности человека, именно вариативность словесной семантики позволяет широко проявляться творческой индивидуальности говорящего.

Изучение закономерностей варьирования словесных знаков продолжает оставаться одной из важнейших задач общей и функциональной семасиологии. При описании типологии такого варьирования необходимо учесть прежде всего следующие противопоставления:

1. Лексико-семантическое варьирование — семное варьирование. При лексико-семантическом варьировании происходит изменение значения слова: нейтрализуются какие-то обязательные семантические признаки, изменяются понятийная и денотативная соотнесенность, парадигматические и синтагматические связи. В толковых словарях такое варьирование отражается как многозначность. При семном варьировании происходят менее заметные изменения: конкретизируются обязательные компоненты лексического значения, актуализируются ассоциативные и производные семы, меняется яркость компонентов значения слова. В отдельных случаях при речевом варьировании может происходить ослабление конструктивных связей слова. Составители толковых словарей эпизодически отражают отдельные виды семного варьирования в виде оттенков значения, хотя в принципе такого рода модификации отражать в традиционных толковых словарях вовсе не обязательно. Примером речевого (семного) варьирования, эпизодически фиксируемого толковыми словарями, может служить профессиональное употребление слов: в МАС-2, например, отражено такое использование глагола *шить* ('заниматься изготовлением одежды как ремеслом'), но аналогичное использование абсолютного большинства других глаголов в словаре не отражено.

2. Регулярное варьирование — нерегулярное варьирование. При регулярном варьировании вторичные значения и актуальные смыслы являются результатом однотипного преобразования семантически близких исходных значений. Для признания значения регулярными в принципе достаточно параллелизма семантических структур у двух слов, однако в действительности количество однотипных вторичных значений может быть очень велико. Например, самые различные глаголы местоимения и перемещения физических объектов способны использоваться для обозначения наличия и динамики человеческих эмоций: «Тревога *пришла* (*застрjala*, *поселилась*, *вернулась*) в сердце». Поиски слов, имеющих однотипные вторичные значения и актуальные смыслы, не должны ограничиваться только лексико-семантической группой: параллельные модификации семантики могут иметь слова, принадлежащие к одному и тому же лексико-грамматическому разряду, семантическому полю, ассоциативно-речевой группе и иным разновидностям семантических объединений.

3. Традиционные варианты — нетрадиционные варианты. Среди вторичных значений дифференцируются, с одной стороны, специально осознанные, последовательно фиксируемые толковыми словарями, а с другой — значения окказиональные, индивидуально-авторские, существующие только в данном контексте. Подобная дифференциация возможна и при семном варьировании, при котором выделяются традиционные варианты (профессиональное употребление, неконтактное употребление, пермиссивное употребление и т.п.) и индивидуально-авторские употребления, формирующиеся только в определенных коммуникативных условиях. Нетрадиционные варианты словесной семантики часто основываются на личностных (групповых) семах, т.е. ассоциациях, возникающих в связи с данным словом только у отдельного человека (группы лиц). Коммуникативная практика отдельного индивида базируется прежде всего на закономерностях общенародного языка, но вполне возможны и индивидуальные представления о семном составе отдельных слов. Именно эти личностные представления о семантике слова и его коммуникативных потенциях создают возможности для нетрадиционных вариантов словесной семантики.

При дальнейшей классификации семантического варьирования закономерно использование целого ряда других критериев: важно учесть степень близости производящего и производного варианта, метафорический или метонимический характер переноса, возможности диффузного употребления и другие существенные признаки.

Раздел 4. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Л.Г.Бабенко
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОЦИЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ В СЛОВАРЕ, ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ

Исследование отображения эмоций в словаре, предложении и тексте показывает, что при усложнении объекта наблюдений — при переходе от рассмотрения слова в словаре к слову в предложении и тексте — усложняются языковые способы отображения эмоций, расширяются номинативные возможности изображения различных аспектов человеческих чувств, что обусловливается в первую очередь объемом денотативного пространства эмоциональной деятельности, воплощаемого различными языковыми единицами, а также проявлением роли человеческого фактора в их интерпретации. При этом обнаруживаются как универсальные тенденции отображения эмоций речевыми единицами разного системно-языкового ранга, так и специфические.

В семантике разноуровневых единиц выделяются три основных семантических компонента эмотивности: сема эмотивности (компонент лексического значения), предикат эмоций (компонент семантической структуры предложения), эмотивный фрагмент (компонент текста). Изосемизм этих компонентов проявляется прежде всего в наличии общей семантической функции: все они являются средством отображения эмоций человека и представляют собой надуровневую парадигму семантических компонентов эмотивности классифицирующего типа. Кроме того, изоморфизм обнаруживается во внутривопозиционном варьировании этих компонентов. Внутренняя синтагматическая подвижность семантических компонентов эмотивности в составе единиц одного уровня обуславливает парадигматические изменения этих компонентов:

1) варианты семы эмотивности в структуре семемы: денотативные семы (категориально-лексическая сема эмотивности и дифференциально-эмотивная сема), коннотативные семы;

2) варианты предиката эмоций в структуре предложения: диктумные предикаты эмоций (главные и зависимые, синтетические и аналитические, простые и совмещенные, нейтральные и метафорические) и модусные предикаты эмоций;

3) варианты эмотивного фрагмента в тексте: диктальные эмотивные фрагменты, относящиеся к структуре образа персонажа, и модальные эмотивные фрагменты, относящиеся к структуре образа автора.

Обнаруживается сходство компонентов эмотивности по их позиции в семантической структуре различных единиц. Так, тождественными оказываются следующие ряды компонентов эмотивности:

1) категориально-лексическая сема эмотивности (главный предикат эмоций) и общетекстовой эмотивный смысл (эти компоненты являются главной семантической темой соответствующих единиц);

2) дифференциальная сема эмотивности (включенный предикат эмоций), фрагментные и фразовые эмотивные смыслы (эти компоненты имеют уточняющий, зависимый характер, они обозначают эмоции как нечто дополнительное по отношению к главной теме номинации);

3) коннотативная сема эмотивности (модусные предикаты эмоций) и текстовые модальные эмотивные смыслы (они выражают в виде эмоциональных оценок различные эмотивные квалификации того, что обозначается в денотативном микрокомпоненте, заряжают эмоциональной тональностью логико-предметное содержание слова, предложения и текста, обладают сильным прагматическим воздействием).

В отображении эмоций единицами разных языковых уровней обнаруживаем и принципиальные различия, обусловленные в первую очередь различным объемом денотативного пространства этих единиц.

Слово — основная единица номинации, поэтому оно обеспечивает в первую очередь отражательную и классификационную деятельность в сфере человеческих эмоций. В лексике мир эмоций отображается безотносительно к их носителю, времени и пространству как самостоятельно существующий идеально сконструированный человеком мир. Эмотивная лексика отражает анатомию чувств, она расщепляет эмоциональную жизнь человека на элементарные эмоциональные компоненты и дает им обозначение.

Предложение — единица коммуникации, оно передает картину жизни человеческих эмоций в их текучести, динамике и взаимодействии. Предложения как предикативные знаки фиксируют мгновения эмоциональной жизни определенного лица — их носителя. В миниатюре они отражают диалектику чувств, показывая их динамику и текучесть, с

одной стороны, и противоборство и антагонизм, с другой. В предложении отображаются и сложные, многокомпонентные чувства, состоящие из ряда элементарных эмоций. Правда, ряд этот обычно невелик, количественно ограничен.

Анализ реального функционирования лексики эмоций в контексте художественной речи обнаружил богатые интерпретационные возможности синтаксиса эмоций. Строение фраз может соответствовать отображаемой ситуации, когда осуществляется субъектно-объектная конкретизация предиката эмоций, либо фраза может представлять эту ситуацию по образу и подобию вещного физического мира, пересекаясь структурно с синтаксисом других миров и представляя эмоции активной действующей силой мира. В этом случае особенно проявляется роль «человеческого фактора» в языке, объясняющая индивидуальную картину чувств в контексте идиостиля отдельного писателя.

Только законченный художественный текст способен изобразить жизнь чувств в полном объеме: в слиянии с образами — носителями их, в конкретном континууме, во взаимодействии (столкновении и слиянии) с другими чувствами одного персонажа и чувствами других персонажей. В художественном тексте изображаются смешанные, многокомпонентные чувства, неотторжимые от носителя, что и обуславливает их целостность. Только в тексте осуществляется эмотивно-характерологическая функция эмотивной лексики.

Н.А.Красавский

Волгоградский государственный педагогический университет

ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ В ЭМОТИВНОМ ТЕКСТЕ

1. На современном этапе развития лингвистики, в частности отечественной, большое внимание языковедами уделяется проблеме «человеческого фактора» в языке, что объясняется, по всей видимости, гуманизацией и демократизацией нашего общества. Постановка и попытка теоретического разрешения проблемы «человеческого фактора» в языке предполагает расширение предмета лингвистики и включение в него такого важного момента бытия языка, как его участие в процессах человеческого сознания, мышления, культуры (Б.А.Серебренников, Ю.А.Караулов и др.).

2. Одним из аспектов «человеческого фактора» в языке является, по нашему мнению, квалификативная деятельность языка, включающая рациональное и эмоциональное оценивание языковыми средствами фрагментов субъективного и объективного мира.

3. Под лексикой эмоций понимаются слова, называющие психические переживания человека (например, гнев, радость, восторг, раздражение и т.п.). Установлено, что содержательная структура данных слов не имеет эмотивных сем.

4. Эмотивный текст — это особый тип художественного текста. Он выполняет, помимо традиционных функций обычного текста, ряд специфических функций. К их числу относят в первую очередь функцию редуцирования логико-предметного значения практически любой лексико-семантической единицы языка (В.И.Шаховский).

5. Разделяя основной тезис коммуникативной лингвистики о зависимости слова от контекстуальных условий, мы в своей работе преследуем цель выявления реализуемых сем в содержательной структуре слов, называющих эмоции.

6. Анализ художественных контекстов, в которых используются исследуемые нами лексико-семантические единицы, показывают, что в их содержательную структуру адгерентно «наводятся» семы оценки и эмоциональности. Процесс «наведения» эмосем в содержательную структуру слов, называющих эмоции, осуществляется благодаря активному употреблению в художественном тексте эмотивной лексики (аффективы, инвективы; например, *подлец*, *мерзавец* и т.п.). При этом «рациональные» семы смещаются на периферию лексического значения исследуемых единиц, в чем проявляется действие функции редуцирования логико-предметного значения слов, обозначающих психические переживания человека. Степень редуцирования логико-предметного значения слова, используемого в художественном эмотивном тексте, зависит от «эмотивной плотности» того или иного текстового фрагмента.

Т.В.Маркелова

Мичуринский государственный педагогический институт (Москва)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОГО ДИСКУРСА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Широкая палитра языковых средств, предназначенных для выражения оценочной функции в русском языке, связывает духовный опыт человека с ситуациями жизни, олицетворяет его внутренний мир в значениях языковых единиц. Речемыслительная

деятельность человека, реализуемая в особом, по выражению Ю.Н.Караулова, «промежуточном языке — языке мысли», отражает оценочную категорию смысла, на основе которой формируется «грамматика хорошего», «плохого» и «нормы» в оценочном фрагменте языковой картины мира.

Представление этого фрагмента в виде функционально-семантического поля (ФСП) — комплекса языковых средств, выделяемого на основании общности семантической функции, коррелирует с психолингвистической моделью языковой памяти человека, формирует речевые интенции целостного отношения говорящего к многочисленным реалиям, определяет прагматический аспект — коммуникативные намерения одобрения/неодобрения, похвалы/упрека.

Функции оценки в речевой деятельности многообразны и зависят от аспектов ее семантики. Это познавательная, дидактическая, эмотивная, воздействующая и другие функции. Все они обусловлены социально-исторически, связаны с жизнедеятельностью человека — субъекта и объекта оценки, выражающего свое ценностное отношение к миру с помощью языкового фонда оценочных средств, который многообразно представляет весь спектр функционально-стилевых оценочных дискурсов индивидуальных языковых личностей с учетом общих национально-специфических черт языка, реализует оценочную семантику текстов. Этот фонд формируется широким кругом разноразрядных средств русского языка, которые долгое время не рассматривались в лингвистической науке как комплекс языковых единиц с семантической функцией оценки: аффиксы со значением субъективной оценки, интонационные конструкции ИК-5, ИК-6, ИК-7; лексико-грамматический класс слов категории оценки, выделенный Г.А.Золотовой; оценочное значение качественных прилагательных; аксиологические операторы «хорошо»/«плохо»; пейоративная и мелиоративная лексика; оценочное значение семантических структур биноминативных, инфинитивно-подлежащих и других высказываний.

Полевая модель оценочного значения позволяет выявить синтагматические и парадигматические связи языковых единиц, раскрывая тем самым соотношение языковых и внеязыковых знаний о мире. Выделение в ФСП оценки ядра и периферии связано с наличием обязательного и факультативного оценочных семантических компонентов и сложным образом соотносено с языковым сознанием, его национально-специфическими чертами, интерпретируемыми в речевой деятельности (от понимания признака бедности как отрицательного — к представлению о бедности как добродетели при построении общества равноправия для всех и, как следствие, помутнение прагматической стороны сознания социума — путь, пройденный носителями русского языка). Переориентация оценок является, таким образом, каузатором глобальных изменений в жизни людей.

Обязательный оценочный семантический компонент относится к сигнификативному аспекту значения и необходим для существования оценочных единиц языка разных уровне языковой системы. Факультативный оценочный компонент, относящийся к плану пресуппозиций и имплицитного семантического содержания высказывания, способен реализоваться только в речи, зависит от речевой ситуации и контекста. Обязательный и факультативный компоненты отражают сложные взаимоотношения «системы» и «среды» (В.А.Бондарко) в процессе реализации оценочной функции языковых единиц, именно на этом этапе эксплицируются оценки-метафоры: Меж забавой и заботой пополам расколота, — Серебро мое — суббота! Воскресенье — золото! (М.Цветаева).

Как семантико-грамматическую парадигму, формируемую единой оценочной семантической доминантой, позволяющей выражать экспрессивные, эмоциональные оценки, а также все виды акцентирования, актуализации, информационного выделения, можно представить следующую систему высказываний отрицательной оценки: Курение — вред; Куренье — это вредно (плохо); Курить — это вредно (плохо); Курить — здоровью вредить; Он курит — это вредно (плохо); Он, что плохо, курит; Что плохо? Он курит; Он чем плох? Курит; Он курит. Плохо! Отвратительно! и др. Такая парадигма объединяет, как правило, стилистически разнородные единицы; связана с областью субъективных квалификаций, а ее многочисленный семантический комплекс представляет контаминации разных способов выражения.

Описание оценочной семантики и средств ее выражения как функционально-семантического поля, выделение типологии оценочного значения лексического плана (неноминативность), специфика оценочного предиката (признаковость положительного или отрицательного характера), позволяют в процессе формирования оценочного дискурса снять противопоставление лексики, синтаксиса и морфологии, так как единицы этих категорий взаимодействуют при выражении сходного значения.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СРЕДСТВ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ТЕКСТЕ

Основные сферы «человеческой» семантики, встречающиеся на синтагматической оси текста и создающие объемное (голографическое) изображение оцениваемого объекта-лица, — физическая, психическая и социальная. Человек выступает как действующее психофизическая сущность, действующая социальная сущность и как объект психосоциальной характеристики.

Характеристики человека могут быть проанализированы, в частности, в рамках оппозиций «внешнее — внутреннее», «конкретное — обобщенное», «достоверное — недостоверное». Они могут сопоставляться, представляя собой единство психофизических и социальных черт или демонстрируя их взаимопроницаемость и сосуществование.

Оппозиция «внешнее — внутреннее» охватывает внешние и внутренние характеристики субъекта и объекта оценки, сталкивающиеся при текстовом развертывании. Они дополняют, уточняют или, наоборот, противоречат друг другу, создают возможности множественности интерпретаций.

Отношения регулярной встречаемости связывают следующие пары: внутренний субъект оценки — внутренний объект оценки («Я... делишки почти всегда удачно, хотя, конечно, почти всегда, с вашей точки зрения, подловато устраивал» — В.Конекский); внешний объект оценки — внутренний объект оценки («Дядя Паша — маленький, робкий, затюканный» — Т.Толстая); внешний субъект оценки — внутренний объект оценки («Но быстро бросила его, сочтя недостаточно мужественным» — Т.Толстая); внутренний субъект оценки — внешний объект оценки («Ей нравилось, что Миша оказался благодарным слушателем и даже что-то записывал в свой блокнотик» — Т.Толстая); внешний субъект оценки — внешний объект оценки («Я так вас люблю, что у меня темнеет в глазах, когда я вижу вас, слышу ваш голос...» — Е.Маркова).

Средства выражения оценки, подводимые под оппозицию «внешнее — внутреннее», располагаются на оси, по разным полюсам которой разведены точка крайней субъективности, выражающая лишь отношения субъекта к «я» и к «не-я лицу», и точка обозначения свойств объекта, которые субъект считает соответствующими или не соответствующими нормативной картине мира и собственному идиому.

Основная оппозиция «внешнее — внутреннее» реализуется также оппозицией «конкретное — обобщенное». Например: «Та встретила супругу Егора Величко приветливой улыбкой. Она всех встречала приветливой улыбкой, его жена, она была добрейшим существом, Капсулову все уши прожужжали, какая Леночка замечательная» (Р.Киреев).

Известно, что объективная семантика не обязательно дополняется субъективным выводом, в то же время субъективный вывод требует объективной семантики, мотивировки или интерпретации, но не подразумевает ее. Действие диалектического единства «конкретное — обобщенное» распространяется на текстовые комплексы с соподчинительными отношениями конкретизации либо обобщения между частями, которые выводятся в зависимости от пространственного расположения и семантико-прагматического предназначения предикативных конструкций, их формирующих.

В оппозиции «конкретное — обобщенное» вторая часть с обобщением квалифицируется как эксплицированный знак оценки — либо плюс, либо минус. Суть конкретизирующей части, «ситуативно-реальной формы», состоит: 1) в интерпретирующей детализации информации, 2) в том, что она выступает в качестве рациональной основы, на которой покоится обобщающая часть.

Наличие «конкретной» части добавляет на чашу весов «достоверность» оценки и, таким образом, служит реализации оппозиции «достоверное — недостоверное». Например: «Я проворная была. Верхом на цистерну сядешь — и молодец» (О.Гладышева). Отметим, что для определения «достоверности» оценки необходимы три члена: дескриптивный, частнооценочный и общеоценочный.

Пространственная и семантико-прагматическая интеграция средств оценочной семантики, анализируемая в рамках оппозиций «внешнее — внутреннее», «конкретное — обобщенное», «достоверное — недостоверное», показывает, что категория оценки, находя свое выражение в языке на уровнях отдельного высказывания и текстового фрагмента, каждый из которых располагает возможностями отражения оценочного значения, расширяет функциональный диапазон за счет взаимопроникновения основных сфер человеческой семантики.

ДЕЙСТВИЕ ПРОТИВ ВОЛИ — НЕВОЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННОСТЬ

Под «невольностью осуществления действия» понимается субкатегория скрытой семантической категории «контролируемость/неконтролируемость ситуации», ограничивающая круг этих ситуаций только участием субъекта одушевленного, т.е. человека, которому присуще понятие воли.

В лингвистической литературе уже отмечались некоторые типы неконтролируемых ситуаций (см.: Зализняк А.А. Контролируемость ситуации в языке и жизни // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992). Обратим внимание на случаи, когда семантика невольности осуществляется через сему неожиданности, случайности проявляется еще одной стороной: невольно — это не только независимо от воли, но и против воли. Это явно прослеживается на примере функционирования глаголов *попасться/попасться*.

Если в одном значении этот глагол значит 'случайно найтись, подвернуться кому-либо', то в другом значении этой лексемы отмечается действие против воли: 'оказаться против воли в каких-либо условиях, обстоятельствах'. Ср.: «Тебе просто нужно было кого-нибудь любить, а тут я подвернулся» (Мамин-Сибиряк) — «Колька попался на перепродаже краденого» (Конецкий). Контексты очень часто актуализируют это значение: «Вожак воров и сам матерый вор, Вор-живодер Как избежать облавы ни старался, А все ж попался!» (Михалков); «Куда ж мне теперь деться! Ведь я ей навстречу попадусь! Мне бы этого не хотелось» (А.Островский). Но и в этом значении глагол имеет весь набор дифференциальных признаков невольности (Зализняк А.А. — см. выше; Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов // Семантические типы предикатов. М., 1982).

С другой стороны, сема 'против воли' есть и в глаголах, называющих вынужденное действие: *подвергаться* — 'против воли, внешнею силою быть принуждаемым к чему-либо' («Доктор, которому я против воли подвергся, говорит, что опасности нет, но будет долго воспаление и разрушение надкостницы» — Л.Толстой).

Глаголы, содержащие сему 'невольно, против воли', и глаголы с семой 'против воли, вынужденно' различаются по ряду важных признаков, в частности:

а) если глаголы первой группы не могут иметь обстоятельств цели, то для глаголов второй группы это возможно: «Он подвергся суровому наказанию, чтобы в другой раз не вздумал уйти»;

б) глаголы со значением вынужденного действия могут употребляться в форме настоящего времени в смысле запланированного будущего: «Завтра я подвергаюсь серьезному обследованию и, если все пройдет удачно, через месяц-другой буду работать за рубежом»;

в) высказывания с глаголами невольности осуществления и глаголами вынужденного действия характеризуются различными типами субъектов.

Таким образом, имея одинаковую сему 'против воли', одни глаголы обозначают ситуацию невольности осуществления, неожиданную, ненамеренную, а другие — волевою, целенаправленную, но только волевое начало исходит извне.

М.А.Таривердиева
(Москва)

ОЦЕНКА: ЕЕ РОЛЬ И МЕСТО В ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЕ

В языковедческих работах последних лет на одно из первых мест выдвинулась исследовательская проблема «человек в языке». Именно этому направлению в лингвистике мы обязаны, в частности, появлением большого числа работ, посвященных изучению такой важной смысловой составляющей этой проблемы, как оценка.

Не вдаваясь в обсуждение теоретических критериев определения и выявления этой языковой категории, ограничимся уточнением, что в данном случае мы понимаем под оценкой квалификативную оценку говорящим объектам и ситуаций. Эта характеристика может осуществляться по разнообразным параметрам, объединяемым в конечном счете общим соотношением «хорошо — плохо», в самом широком и контекстуально обусловленном его понимании.

Первичное априорное осмысление категории оценки в параметрах «хорошо — плохо» наводит на мысль об исключительно лексическом способе ее представления в языке. Однако при последовательном изучении семантики языковых структур, с учетом расширенного толкования понятия «оценка» как выражения субъективно-ха-

рактизирующего отношения говорящего к объектам и ситуации в целом, выявляется большая гамма способов ее выражения. Исследование латинского языкового материала позволило нам заключить, что, наряду со словообразовательными оценочными элементами и оценочными прилагательными и наречиями, а также лексемами, представляющими различные части речи, которые включают в свою семантику, кроме описательного, и оценочный элемент, это — грамматические категории (степени сравнения прилагательных, герундив, конъюнктив, императив), специальные группы слов с семантико-грамматическими функциями (модальные глаголы) и даже определенные типы предложений (различные формы побудительных высказываний).

Наконец, в выражении категории оценки существенна роль общего контекста высказывания и изложения в целом: в сущности, в определенном контексте любая языковая единица может выполнять оценочную функцию.

Особого рассмотрения заслуживает связь категории оценки с другой важной составляющей понятия «человек в языке» — модальностью. Важны как теоретическое осмысление каждой из этих категорий, их взаимоотношение и взаимосвязи, так и изучение языковых средств их воплощения, возможности взаимодополнения этих средств или их универсального использования при выражении модальности и оценки в пределах одного высказывания.

Использование для выражения оценки различных языковых средств, относящихся к разным языковым уровням, позволяет рассматривать оценку как одну из важнейших функционально-семантических категорий, играющих существенную роль в формировании лексико-грамматической структуры языка. Тесная взаимосвязь оценки с другой универсальной категорией языка, модальностью, указывает на важную роль оценки в построении высказывания как главной и минимальной единицы языковой коммуникации.

Л.В. Терентьева

Самарский государственный университет

РОЛЬ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА» В ЭВОЛЮЦИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ

1. Средства массовой коммуникации, и в частности пресса, являются важнейшим социальным инструментом воздействия на сознание человека, эффективным элементом управления и самоуправления. Значение агитационно-пропагандистской функции газеты, характер и формы ее воздействия непосредственно определяются социальными задачами конкретного исторического периода, остротой идеологической борьбы. Среди прочих факторов, обуславливающих проявление воздействующей функции печати, особую значимость в последнее время приобрел так называемый «человеческий фактор».

2. Антропоцентричность лежит в основе адресной ориентации газеты, является методологической базой газетной коммуникации. В антиномии «адресант речи — адресат речи» в газетном коммуникативном акте на первый план выходит именно адресат речи — читатель. Газета всегда идет за читателем, учитывая его лингвокультурный опыт и коммуникативные потребности. Глобальные изменения в жизни социума привели к тому, что сегодня газета имеет дело с принципиально иным реципиентом, новым социально-культурным, политико-идеологическим типом читателя. Это человек с совершенно иным общественно-политическим опытом и менталитетом. Качественно новый тип реципиента требует от газеты и новых форм воздействия на читательскую аудиторию. Соответственно встает задача обновления арсенала приемов, средств воздействия в самом газетном языке.

3. Неотъемлемым инструментом идеологического воздействия является оценочность изложения, которая в немалой степени способствует формированию системы социально значимых ценностей: журналист убеждает фактами, оценивая то или иное явление действительности. В системе оценочных средств газетного языка, в их семантике, в способах выражения оценки наблюдаются значительные изменения.

4. Возрастает значимость имплицитной формы выражения оценочной информации, контекстуально-речевой оценки (см. заголовок: «Танки вместо аргументов»). Актуальным становится «полуткрытое», иносказательное выражение оценочного начала, активно используется подтекст. Сложилась система различных стилистических приемов создания оценки, например, прием парадокса («Выбор... по принуждению»), контраста («Подвалы и небеса нашей жизни...»), использования вопросительно-риторических предложений («Расчеты на вчерашних счетах?») и др. Все эти средства нацелены на глубину восприятия текста и потому требуют большей читательской

активности, сотворчества. Читателю самому дается возможность «вывести» оценку, он более свободен в ее интерпретации. Традиционные ранее эксплицитные, однозначные, навязываемые читателю оценки уже могут иметь не воздействующий, а обратный эффект — эффект отторжения материала. Общая методологическая посылка современной газеты — более осторожное, скрытое воздействие на читателя, стремление не навязывать свое мнение, а призвать читателя к совместному размышлению и решению поставленных проблем. Тенденция к антропоцентричности приводит к изменению соотношения функций языка в газете: функция сообщения начинает конкурировать с функцией общения.

5. Происходят изменения и в самой системе оценочных средств газеты. Наблюдается тенденция к преодолению жесткой предопределенности, замкнутости, стандартизации лексического состава, отказ от использования традиционных оценочных газетизмов и клише (типа «Путь прогресса», «Нерушимая сплоченность»). Клише — явление речи, имеющее резко негативный прагматический эффект; оно стандартизирует сознание читателей. Ориентируясь на нового читателя, газета стремится освободиться от использования клише. Один из приемов освобождения от стандартизированного газетного языка — прием пародирования самих газетных клише («Дембеля выражают глубокую озабоченность»).

Ведущим фактором, определяющим развитие системы оценочных средств газетного языка, является тенденция к усилению эмоциональности и экспрессивности изложения, к «оживлению», демократизации языка, к большой свободе в выборе языковых средств. Экспрессия интенсифицирует оценку, увеличивая ее воздействующий потенциал.

6. Снижение доли оценочных газетизмов приводит соответственно к возрастанию значимости других средств — общеупотребительной и разговорной оценочной лексики и фразеологии, экспрессивно-оценочных синтаксических конструкций, а также отмечавшихся уже выше стилистических приемов. Газета продолжает поиск новых выразительных оценочных средств.

Т.А.Трипольская
Новосибирский государственный педагогический университет

КОСВЕННЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Любые аспекты изучения оценки в лингвистике и прагматике не могут рассматриваться изолированно от проблемы взаимоотношения коммуникантов, их особенностей как языковых личностей и условий общения. В полной мере это относится и к косвенным оценочным высказываниям (КОВ), в которых особенно ярко проявляется психологическое, интеллектуальное, социальное и языковое своеобразие языковой личности.

КОВ — это сфера языкового выбора говорящего субъекта, сфера проявления его языкового вкуса. Оценка как вид речевой деятельности требует от говорящих особых коммуникативных умений, готовности к сотрудничеству в квалификативной области, выбора оправданной речевой стратегии, которая заключается, например, в оптимальном способе введения оценочных суждений.

Специальные исследования КОВ позволили выявить два основных способа выражения косвенной оценки: 1) косвенное оценочное высказывание строится путем преобразования различных элементов прямого оценочного высказывания; 2) оценочный иллокутивный акт осуществляется опосредованно, с помощью другого, формально не оценочного.

Вторая группа КОВ отличается многообразием форм оценки, их нелегко типизировать. Каким же образом адресат «прочитывает» КОВ? В них, как правило, содержится слово-подсказка (или группа слов), отталкиваясь от которого, адресат путем нескольких логических операций выходит на соответствие/несоответствие ситуации нормативно-оценочной шкале. Интерпретация КОВ отличается разной степенью трудности для адресата и разной степенью адекватности. Зависит это во многом от того семантического расстояния, которое существует между словом-подсказкой в предложении и собственно оценочными единицами, выражающими отношение говорящего к ситуации. Количество ассоциативных шагов определяет и степень косвенности оценки. Например:

«Он предложил мне сигарету. Мы выпили.

— Видимо, здесь многое кажется вам странным, правда? — заметил он.

— Не сказал бы, — ответил я. — Я вообще не очень-то привык к нормальной жизни.

— Да, — сказал он и, сощутив глаза, посмотрел на испанку...

Он встал, слегка поклонился мне и подошел... к испанке.

— Сентиментальный трепач, верно? — сказал кто-то позади меня.

Лицо без подбородка, шишковатый лоб. Беспокойно бегающие, лихорадочные глаза.

— Я здесь в гостях, — сказал я. — А вы разве нет?» (Э.М.Ремарк. Три товарища).

Быть в гостях в данной ситуации актуализирует следующие смыслы: 'отсутствие полной свободы в поведении, необходимость соблюдения определенных правил, одно из которых требует уважительно относиться к хозяину'. В гостях значит 'не дома'. Ср.: «— Что это у тебя за вид? — А я у себя дома» (из разг. речи). Нарушение общепринятых норм, о которых напоминает говорящий, влечет за собой отрицательную оценку им поведения «нарушителя» и отмежевание от него.

Умение строить и воспринимать КОВ, предпочтительное их использование в своей речи — существенная черта одной языковой личности, а их полное отсутствие — характеристика другой языковой личности.

Существенную роль играют и интенции говорящего, предпочитающего непрямой способ выражения оценки. Отказ от прямого высказывания может преследовать различные цели. Во-первых, в использовании КОВ в полной мере проявляется творческая активность субъекта оценки, его стремление к «своему» слову, стремление найти нестандартную форму выражения оценочного суждения. В оценках этого типа проявляется «индивидуальный почерк» человека. Во-вторых, от выбора формы выражения оценки существенно зависит и оценочная семантика высказывания. КОВ в большинстве случаев передают оценку (если она «услышана») более изощренную, едкую, ироничную, особо задевающую адресата, тем более что отсутствующие в них оценочные предикаты не даю последнему выстроить свою линию защиты.

Однако иногда КОВ преследуют иные цели и интерпретируются следующим образом: замысловатая форма, часто остроумная, неожиданная, порой парадоксальная, вызывает смех адресата — объекта оценки, что ведет к снятию или сглаживанию негативного впечатления от отрицательной оценки.

Таким образом, исследование КОВ позволяет выявить существенные черты языковой личности как субъекта оценки, а также дополнить наши представления о соотношении формы и содержания оценочных высказываний.

В.И.Шаховский

Волгоградский государственный педагогический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ЯЗЫК

Философский тезис о промежуточности языка между внешним миром и человеком (Л.Вайсгербер), не признающий пассивную — зеркальную — функцию языка, т.е. его только отражательную концепцию, базируется на креативной динамической функции языка. Эта функция «замешана» на множестве ингредиентов, закладывающих основы национально-культурной специфики мировидения в данном обществе.

Важнейшими среди этих ингредиентов являются эмоции конкретной говорящей личности или видовые эмоции конкретного этноса, которые как элемент его культуры формируют дух народа, представленный в его языковой картине мира.

Поскольку когнития и эмоции тесно взаимосвязаны (этот тезис когнитологии уже никем более не оспаривается), а понятия включают в себя и эмоциональные содержательные величины (подробнее об этом см.: Шаховский В.И. Соотносится ли эмотивное значение с понятием // *Вопр. языкознания*. 1987. N 5.), и поскольку мышление и сознание тоже сопровождаются такими величинами, можно предположить, что универсальная картина мира попадает в определенный язык через дух народа и его эмоции, входящие в этот дух.

Эмоциональное миропонимание, фиксируемое в языке через его вербализацию («ословление»), — суть речевые эмоциональные рефлексy на мир. С помощью таких рефлексов осуществляется интерпретация эмоциональных позиций (оценок) речевой личности в ее отношении к миру. Эта эмоциональная позиция может быть сугубо личностной, а может быть и коллективной, т.е. видовой. Ср.: демократия > демократы, демократы, демократура, деморазрушители (расчленители); «Ма! Купи фломзики!» (о фломастерах); кукишинг, фигинг (о селенге); жигули-шмыгули, меуаразм, камазонки.

Эмоциональная языковая картина мира — это не картирование мира, а его эмоциональное осмысление и переосмысление, это эмоциональное отношение к нему, которое может по социальным причинам очень резко меняться, вплоть до противо-

положного. Соответственно синхронно происходит и коррекция понятийного содержания (концептуальное понятие → узуальное понятие), сигнификата и языковой семантики десигната, ибо мысль, в том числе и эмоциональная, оформляется в процессе ее вербального выражения. Отсюда логичен тезис об эмоции как элементе внутренней формы языка (и слова) и как причине динамики эмотивного языка и смены эмоциональной окраски языковой картины мира: фашизм ($- \rightarrow 0$); демократия ($+ \rightarrow -$); коммунизм ($+ \rightarrow -$): молох коммунизма, динозавры коммунизма, коммунистическое крепостничество и др.

Эмоциональная картина мира в зависимости от типа эмоциональной позиции говорящего может быть только индивидуальной (личностной). Она никогда не может быть объективной и адекватной запредельному для языка миру, тем более в его эмоциональной интерпретации. Ведь как ни в каком другом измерении языковой картины мира здесь контрастирует «свой» и «чужой» дух народов, их языков (ср.: япон. аригато, сумимасен; англ. foreign; рус. нацен; укр. москаль). В силу различий в типе оценок, лежащих в основе эмотивно-вербальных рефлексов на мир, у речевых личностей естественны эмотивные лакуны, которые являются причиной коммуникативных помех и провалов, особенно при межъязыковом общении (ср.: генплан «озеленения» Баку (об исламизации Азербайджана) и Borrisstroika).

Вышеприведенные рассуждения позволяют выдвинуть тезис об огромной роли эмоции как главного «человеческого фактора» в формировании эмоциональной окраски языковой картины мира.

М.А.Ягубова
Саратовский государственный университет

ОЦЕНКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА» В ЯЗЫКЕ

Особый интерес к теме «язык и личность», наметившийся в современной лингвистике, определил обращение к проблеме оценки как собственно человеческой категории. Феномен оценки заключается в разнообразных логических или эмоциональных реакциях человека на познаваемую действительность, возникающих при сравнении ее с идеализированной моделью мира. Эмоционально-оценочный взгляд во многом определяет облик языковой картины мира.

В центре оценки стоит человек: как субъект оценивающий и как субъект оцениваемый. Оценка выдвигает на первый план в картине мира «человеческий фактор», который обуславливает всеобъемлющий характер, вариативность и многоаспектность оценки, разнообразие ее видов.

Оценке подвергается сам человек и все, что затрагивает его физическую, психическую и социальную сущность. Тематические ряды оценочных слов совпадают с основными составляющими языковой картины мира.

Наиболее разработанным является тематический ряд «Человек». В составе ряда сложным образом переплетаются различные виды оценок, однако особое значение имеют их специфически человеческие виды: эмоциональные, этические, интеллектуальные. Оценке подвергается более всего то, что зависит от человека, его воли, разума и деятельности. Представляется, что в этом находит выражение высшая справедливость оценки.

Тематические ряды «Артефакты» и «Внешний мир» не отличаются разнообразием и частотностью, однако важны для человека. Наиболее представлены нормативные, телеологические и утилитарные оценки, относящиеся к жилищу человека, одежде, еде, деньгам и погоде.

Исследование показывает, что в оценке человека мы очень свободны, эмоциональны, склонны к преувеличениям, в оценке же артефактов и особенно внешнего мира — более сдержаны и осторожны.

Тематические ряды, определяемые оценочной деятельностью человека, тесно взаимодействуют. Так, связи в «механизмах жизни» отражаются на связях в «механизмах языка».

Наиболее весомо и разнообразно оценки представлены в разговорной речи. Это та сфера, где говорящий может в полной мере выразить свое субъективное мнение о предмете речи, выразить свои чувства по любому поводу. Проявляется это в том, что любой вид оценки в разговорной речи сопровождается субъективно-эмоциональным фактором, связанным с оценивающим субъектом, чем и обусловлен эмоционально-экспрессивный характер большинства оценочных словоупотреблений. В разговорной речи наиболее частотны и разнообразны отрицательные оценки. В этом проявляется критическая направленность оценочной деятельности человека. Из всех аномалий разговорная речь чаще всего замечает аморальное, ненормативное, вредное.

«Человеческий фактор» на языковом уровне воплощается в виде эмоционально-оценочных коннотаций. Представляется, что в условиях разговорной речи они наиболее частотны, разнообразны, ярки. Эти коннотации сопровождают разные оценочные средства.

На общем фоне разговорной речи группа оценочных слов отличается повышенной стилистической окрашенностью, причем пометы сниженных стилей являются сигналами особой эмоциональной экспрессивности (дрянь, ошалеть).

Выразительным оценочным средством являются переносные значения. Метафорический перенос «животное — человек», действующий свободно и неограниченно (крокодил, моль), дополняется фитоморфизмами (мимоза, колючка), а также переносом «предмет — человек» (пугало, туша). Не менее экспрессивны глагольные метафоры (выкручиваться, вкалывать).

Экспрессивная окрашенность свойственна словам с «парадоксальной» внутренней формой (пропесочить) и, наоборот, без внутренней формы, но с необычным звучанием (мымра, дундук).

Эмоционально-экспрессивные коннотации сопровождают все слова с субъективно-оценочными словообразовательными средствами, в том числе размерно-оценочными (симпатия, жарница). Эти коннотации возникают при «преувеличенности» значения (отличный, тащиться).

Ярчайшими средствами эмоциональной оценки являются сниженные слова и значения, рождающиеся в живой разговорной речи и принадлежащие только ей (балдеж, крутой, отлуп).

В разговорной речи эмоционально-субъективный фактор очень часто проявляется благодаря контекстному окружению, особенно благодаря усилителям различного характера, а также за счет богатейших интонационных возможностей разговорной речи, экспрессивных синтаксических моделей. Поэтому многие рациональные по сути оценки функционируют в разговорной речи и как эмоционально-экспрессивные.

Итак, средства эмоционального самовыражения человека в условиях разговорной речи максимально расширены, не укладываются в рамки, «запланированные» для них кодифицированным литературным языком, не ограничиваются возможностями внутрилексемного выражения. Эмоционально-субъективный фактор — следствие собственно «человеческого характера» категории оценки — определяет основные свойства группы оценочных слов: открытую субъективность, повышенную эмоционально-экспрессивную и стилистическую окрашенность, пополнение экспрессивного фонда индивидуальными и коллективными нововведениями, склонность к преувеличениям. Таким образом, оценка — наиболее яркая антропоцентрическая область разговорной речи, в концентрированном виде отражающая ее особенности.

Раздел 5. ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

О.Б.Акимова

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Осложненное простое предложение — особая синтаксическая структура. Простое предложение осложняется не только синтаксически, но и семантически при довольно простой синтаксической (элементарной) структуре. Простое предложение, оставаясь монопредикативной структурой, может выражать смысл, равный смыслу двух или нескольких полипредикативных структур, занимая промежуточное положение между простым и сложным предложениями.

Осложненное простое предложение в неразвернутом виде содержит добавочное высказывание, добавочную информацию, которая соотносится с основным высказыванием, выраженным предикативной основой. Структура простого предложения осложняется различными конструкциями: однородными членами предложения, обособленными членами предложения, вставными и вводными конструкциями, обращением (в традиционной грамматике только эти конструкции и рассматриваются как осложняющие компоненты простого предложения).

В последние годы синтаксисты отмечают активизацию употребления предикативных единиц в позиции слова, выступающих в роли членов предложения наряду со словом; выделяют несколько структурных разновидностей таких предикативных единиц. К ним можно отнести следующие конструкции: предикативные единицы, оформленные как самостоятельные и как придаточные предложения (А.Н.Стеценко), ассимиляцию-стяжение предложений, субстантивную ассимиляцию (И.Г.Чередниченко), конструкции с «целыми предложениями» — членами, конструкции с «придаточными» — членами (С.Г.Верникая), потенциально предикативные сочетания, атрибутивно-описательные конструкции (В.К.Покусаенко) и др.

Выступая в качестве члена предложения, такие предикативные единицы усложняют основное предложение («принимашее») и в структурном, и в семантическом планах. Причиной контаминации можно назвать стремление говорящего к экономии речевых усилий, желание конденсировать содержание высказывания, передать при помощи одной синтаксической единицы максимум информации и т.д. В образовании таких осложненных простых предложения проявляется влияние разговорной речи на речь нормированную.

Предикативные единицы, выступающие в качестве специфического усложнителя структуры включающего простого предложения, выполняют разные функции: выделения (признака предмета или его квалификационной характеристики, признака действия или состояния и др.); уточнения, пояснения, дополнения, усиления смыслового либо эмоционального содержания другого члена предложения или всего включающего предложения; грамматическую (предикативная единица выполняет не свойственную ей функцию члена предложения); объединяющую, устанавливающую благодаря специальной интонации логическую и грамматическую связь между включающим, основным предложением и предложением-членом.

Сказанное позволяет нам говорить о расширении объема понятия «осложненное простое предложение» и о появлении новых способов усложнения простого предложения.

Е.В.Алтабаева

Мичуринский государственный педагогический университет

КАТЕГОРИЯ ОПТАТИВНОСТИ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследовательский интерес к антропоцентрической стороне языка, к человеческой личности и ее роли в языковой коммуникации постепенно смещает акценты в современной лингвистической теории и выдвигает на первый план те языковые категории, наиболее характерные особенности которых проявляются в условиях коммуникативного акта. К числу таких категорий относится категория оптативности, представленная особым семантико-грамматическим классом предложений, которые используются говорящим для выражения своего желания относительно осуществления действия, наиболее предпочтительного для субъекта в данной ситуации. Как правило, категориальное значение желательности обнаруживается в пределах коммуникативной ситуации волеизъявления, предполагающей также реализацию значения побудительности.

Дифференциация этих значений опирается на логические, семантические, формальные и коммуникативные основания и примерно описана в научной литературе. Выявлена система виртуальных знаков — репрезентантов желательности и побуди-

тельности. Создавая высказывание, говорящий в ряде случаев располагает определенной свободой выбора этих знаков, именно ему принадлежат те актуальные смыслы, которые способствуют возрастанию иллюкативной силы высказывания. Поэтому в ситуации волеизъявления часто переплетаются элементы и желания, и побуждения, тем более что даже для сугубо побудительного высказывания наличие желательности есть постоянный, хотя и имплицитный семантический признак. Причем степень его актуализации детерминирована взаимодействием целого ряда факторов коммуникативно-прагматического и антропоцентрического характера.

Многомерность ситуации волеизъявления и богатая перспектива ее реализаций подтверждается высказываниями типа: Затопить бы камин!; Затопил бы ты камин; Затопи камин; Затопить камин!; Давайте затопим камин; Не затопить ли нам камин? и т.п. Очевидно, что полноценным «хозяином» высказывания является автор — говорящий, который в конкретных прагматических условиях избирает наиболее оптимальную, с его точки зрения, семантическую интерпретацию ситуации, порождает те актуальные смыслы, усиливающие эффект воздействия сказанного на собеседника.

Применительно к категории оптативности ее многомерный, многоаспектный характер проявляется и в выборе говорящим различных структурно-семантических разновидностей оптативного предложения и соответствующих средств выражения данной семантики — как грамматических, так и лексических. Анализ показал, что система средств выражения желательности имеет ядерно-периферийную организацию. Обычно в качестве ядерных показателей рассматриваются формы сослагательного наклонения глагола, периферийными же признаются различного рода модификации частицы *бы* в составе формы сослагательного наклонения (вот бы, лишь бы, только бы, хоть бы, если бы и т.п.), формы повелительного наклонения в высказываниях типа *Отсохни мой язык*, формы инфинитива в сочетании с частицей *бы* или без нее при поддержке соответствующей интонации.

Но, как свидетельствуют данные конкретного языкового материала, говорящий при выражении желания чаще использует форму инфинитива с частицей *бы*. Именно эта форма предполагает наибольшую вариативность оптативного значения, что обусловлено особой модальной нагрузкой инфинитивных предложений и широкими возможностями представления в них субъекта (Мне бы отдохнуть; Проучить бы тебя; Ему бы уехать; Поставить бы памятник и др.).

Лексические показатели оптативной семантики (в частности, ЛСГ глаголов желания) служат средством экспликации желания говорящего, собеседника, третьего лица: Я хочу похудеть; Ты мечтаешь победить; Он желает убедиться. Эта экспликация осуществляется непосредственно автором высказывания, т.е. роль говорящего и здесь является определяющей, коммуникативно значимой.

Антропоцентрический подход к категории оптативности позволяет по-новому взглянуть на решение таких проблем, как проблема статуса оптативных предложений в системе модальных и коммуникативных типов, проблема адресованности/неадресованности волеизъявления в оптативных предложениях, проблема категоризации семантики желательности, и другие проблемы современной теории оптативности.

Л.С. Андреева
Казанский государственный университет

РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ XVII — КОНЦА XVIII в. (опыт антропоцентрического анализа)

Отечественное антропоцентрическое направление располагает уникальной исследовательской базой, представленной совокупностью рукописных текстов центрального делопроизводства Московской Руси XVI—XVII вв. Посольского приказа. В зависимости от прагматических установок отправителя сообщения формировалось жанровое многообразие дипломатической корреспонденции: дневники послов, статейные списки, дипломатическое донесение, грамоты. Однако все они объединены ведущим концептом, отраженным в ответе на главную статью наказа: «Какова земля и каковы люди» («И на скольких верстах и сколько в ней городов и сколь людна и каковы люди и любят ли Леонтья цря и вперед его себе прочат ли и чьм та земля изобилна и каков хлеб родитца и какие в ней узорочья бывают и что дорого или дешево и которые земли не за нимъ за Леонтьемъ цремъ а описал ко гсдру в грамоте» — ЦГАГА, ф.110, 1639, ед.хр. 1, л.438). Следовательно, на информативном уровне текст документальной (дипломатической) прозы, отражает и оценку того, как русский человек видит мир и как язык помогает ему осваивать этот мир.

Лингвистическая содержательность указанных текстов значительна еще и потому, что в них воспроизведена коммуникативная среда главного описываемого события — дипломатической миссии. Так, глаголы речевого общения и их производные состав-

ляют ядерную зону вербальной лексики (тогда как в дневниках послов данное языковое пространство занимают глаголы перемещения и их производные). Переговоры представляются как сложный и многосторонний процесс («Баил говорил уже он долгими своими разговорами ево посла утрудиль» — ЦГАДА, ф.89, 1704, № 3, л.357).

Кроме того, текстовые фрагменты дипломатических отчетов фиксируют интенсивное общение в мыслях, тем самым раскрывая ответы на вопросы, поставленные сегодня антропоцентрической лингвистикой: «Что данная коммуницирующая личность не говорит, чего не употребляет, чего не называет и как изменяет свою речь в изменяющихся ситуациях общения?» (Т.М.Николаева).

Наконец, для составителей текста дипломатического документа характерно стремление к толкованию слова, что, в свою очередь, позволяет выявить соотношение ментальных структур (предметно-образной и понятийной) в русском языковом сознании на стыке XVII — XVIII вв. и включиться в дополнительное обсуждение того, как, почему и зачем происходит смена их языкового наполнения.

Антропоцентрическое направление в лингвистике сформировало у исследователей отношение к производному слову как к языковой единице, объединяющей коммуникативные и когнитивные потенции слова (Е.С.Кубрякова, И.К.Архипов).

Таким образом, богатейший текстовый материал, с одной стороны, и новое исследовательское отношение к производному слову — с другой, предопределяют целесообразность изучения русского именного словообразования конца XVII — начала XVIII столетия в аспекте достижений антропоцентрической лингвистики.

Отбор текстов для анализа проводился с учетом инструментария, выработанного в рамках данного направления (Ю.Н.Караулов): в них должны быть достаточно полно представлены, во-первых, языковая личность, символизирующая эпоху («Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого по Европе 1697—1699 гг.». Казанский список; «Статейный список посольства П.А.Толстого в Турцию» — ЦГАДА, 1704, № 3); частная переписка графа — ЦГАДА, ф.11, 1719, ед.хр.215); во-вторых, лингвистическая компетентность социальной (посольской) среды, проявляющаяся в общих механизмах порождения текста («Статейный список Потемкина Петра Ив. и Румянцева И.». «О посольстве в Испанию и Францию в 1667—1668 гг.» — ЦГАДА, фонд Посольского приказа, французские дела, 5, л.1—480; «Статейный список В.Т.Постникова» — ЦГАДА, ф.79, 1701, ед. хр. 17). И наконец, уместным оказалось обращение к более поздним текстам путешествий с целью выявления основных закономерностей эволюции языковой способности русского этноса.

Объектом анализа избраны функционально-текстовые словообразовательные поля лица, действия, состояния, вещи, позволяющие установить, говоря словами Н.Д.Арутюновой, национально-специфическое языковое представление о «движущих силах жизни».

Активизация в СП агенса наименований лиц по профессии (портные, сапожники, каретники, столяры, пекари, лекари, сницари и т.д.) свидетельствует об ориентации этноса в Петровскую эпоху на созидание. Словообразовательные процессы в сфере имени на -ство показывают, с одной стороны, важность качественных деяний для менталитета россиян (мастерство, сницарство), с другой — его ориентацию на качество социальной жизни, проявившуюся в производстве собирательных имен на -ство (купечество, дворянство, духовенство, крестьянство). Это отразило языковое представление о сословном расслоении этноса как прогрессивной социальной тенденции (по сравнению с ранее существовавшим кастовым расслоением). Субъективно-оценочные онимы крестьян, к примеру, Коська, Ивашка, находящиеся в оппозиции к онимам дворян (Константин, Иван) позволяют увидеть закрепление сословного расслоения в тексте, т.е. на ментальном и бытовом уровнях.

Расширение сферы девербатов на -0 и -а рассматривается нами как ориентация на результат действия или события, в то время как заметный рост имен на -ние говорит о формировании понятийного аппарата специального (дипломатического) знания. В качестве гипотезы, требующей изучения, можно выдвинуть следующее: продуктивность семантического способа словообразования связана с устойчивостью предметно-образных ментальных структур этноса россиян.

Т.Я.Андреева
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ДВОЙНОЙ И ТРОЙНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ

Неопределенно-личные предложения являются наиболее частотными в классе предложений с идентичной структурой V_{3pl} . Ядерные неопределенно-личные предложения — это формально односоставные синтаксические единицы. Предикат в форме

множественного числа не обозначает множественный характер субъекта. Форма глагола-предиката, как и структура целого предложения, специализирована на передаче семантики неопределенности. Сам же субъект всегда предстает как одно лицо. Данные признаки являются основными для отнесения единицы к ядру поля неопределенности.

Расширение числа действующих лиц или введение косвенных контекстных указателей субъекта в той или иной степени проясняет семантику неопределенности, вносит, с одной стороны, семантические компоненты конкретности, определенности, с другой — обобщенности, ограниченности.

Создается возможность отнесения единиц к периферии поля, а по мере нарастания субъектной конкретности и обобщенности появляются новые семантические оттенки, допускающие двойную интерпретацию и даже тройную. В таких случаях предложение можно квалифицировать, во-первых, как неопределенно-личное с очень низкой степенью сохранения неопределенного характера субъекта, во-вторых, как неполное с низкой степенью контекстной связанности по линии субъекта, в-третьих, как обобщенно-личное с низкой степенью обобщенности субъекта. Другими словами, одно и то же предложение может получить трактовку и как неопределенно-личное, и как неполное, и как обобщенно-личное, поскольку оно совмещает в себе свойства трех типов предложений. Это дает основание выделить синкретические полевые зоны.

В каждом конкретном случае оттенки субъектной семантики выявляются при опоре на лингвистические (формальные, семантические) показатели. Один из признаков определяется как доминирующий, и предложению отводится соответствующее место в синкретической зоне ближе к одному из трех полей.

Более сложными по своей природе являются предложения, которые одновременно можно интерпретировать как неполные, неопределенно-личные и обобщенно-личные в зависимости от аспекта анализа (формального, семантического), характера субъектной семантики, т.е. в зависимости от сосуществования сем неопределенности, обобщенности и неполноты. Ср.: «Народ еще немного пошумел и начал разбредаться. Пришли к выводу, что машина неплохая» (Г.Дробиз); «Очень скоро вокруг художницы сконцентрировалось все общество. Рассматривали рисунок, трогали материал, спрашивали, как, каким образом, ахали, охали» (Л.Беляева).

Предложения с предикатом в форме V_{3pl} , имеющие двойную и тройную интерпретацию, являются достаточно частотными и представляют особый интерес для семантического синтаксиса и синтаксической стилистики.

Н.Г.Блохина

Тамбовский государственный педагогический университет

СТРАТЕГИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ НА ПОРОГЕ XXI в.

Развитие лингвистической науки неразрывно связано с развитием человека — носителя языка, а в общем плане с развитием народа, нации.

В наш стремительный век общение людей между собой меняет свой характер. Главный его принцип сегодня можно сформулировать так: за единицу времени следует передать как можно больше информации. Однако нынешний подход к изучению языка не учитывает этого. Мы применяем старые методы, которые в основном опираются на описательные принципы. Нет или почти нет формализации теоретического и практического материала, с помощью которой наглядно можно было бы представить работу «языкового механизма». Формализация теоретического материала возможна на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом.

На морфологическом уровне — в разделе частей речи — весь материал можно сфокусировать в одной таблице, представив каждый грамматический класс слов в трех аспектах: в семантическом, грамматическом и функциональном. Сводная классификационная таблица позволяет по интегральным и дифференциальным признакам дать полную характеристику каждой части речи, объединить имена, глагол с глагольными формами, проследить их сходство и различие. При этом срабатывает психологический фактор: грамматические классы слов легко запоминаются при наименьшей затрате времени, т.е. процесс усвоения языковых знаков минимизируется до предела.

На уровне синтаксиса формализацию следует проводить с помощью объединения языковых элементов в схемы, отражающие форму, содержание и функциональную значимость всех синтаксических единиц. Набор интегральных и дифференциальных признаков синтаксических единиц определяется не только по их форме, содержанию и функциональной значимости, но учитываются и изоморфные (аналогичные) явления между компонентами простых и сложных предложений.

Синтаксическая система, таким образом, предстает в компрессии. По многим изоморфным признакам можно объединить простые и сложные синтаксические

единицы, например: а) по отношениям и способам связи между компонентами простых и сложных; б) по актуальному членению; в) по классификации членов простого предложения и частей сложноподчиненного предложения; г) по семантическим признакам и т.д. Так, если сравнить простые предложения, осложненные однородными членами, и сложносочиненные предложения, то можно заметить, что отношения между однородными членами простого предложения и между частями сложносочиненного предложения аналогичны, изоморфны (это вовсе не означает, что между ними можно поставить знак равенства). Изоморфны у названных синтаксических единиц и способы связи — они могут соединяться сочинительными союзами. В том случае, когда однородные члены простого предложения соединяются бессоюзно, они оказываются изоморфны по этому признаку бессоюзным сложным предложениям, а отношения между компонентами сложного и простого предложения рассматриваются как независимые, сочинительные.

Строгий учет, своего рода «инвентаризация» интегральных и дифференциальных признаков всех языковых элементов поможет свести их в единую систему, формализовать и тем самым минимизировать процесс изучения любого языка.

И.М.Волчкова

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

О НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТАХ КАТЕГОРИИ ВОЗВРАТНОСТИ

«Языковые категории — это категории нашей когнитивной системы», — отмечал Дж.Лакофф. Категория возвратности, понимаемая широко, как свойство не только языка, но и сознания, как способ отображения мира, получила достаточно убедительное обоснование в работах Э.Бенвениста. Рассматривая возвратность как философскую категорию, исследователь связывает ее с «положением субъекта относительно процесса, в зависимости от того, является ли он по отношению к процессу внешним или внутренним» (Э.Бенвенист). Проблема субъекта как управляющего и регулирующего начала языковой системы в целом не сводится, как отмечают лингвисты-философы, только к фигуре говорящего относительно которого происходит процесс. Понятие «субъект» в системе языка ориентировано на человека вообще, на познающего мир человеческого индивида (см. работы Г.Гийома, Е.Куриловича, И.А.Бодуэна де Куртене, Л.В.Щербы, Ю.С.Степанова и др.).

Познавая мир, человек познает и себя самого, выделяя и отделяя себя от этого мира, становясь внешним (Э.Бенвенист) по отношению к процессу, т.е. к окружающей действительности. Формирование личности в целом и языковой личности как ее проявления связывается в языковом сознании с категорией возвратности. Субъективность категории возвратности выводима из понятия личности, которая «есть совокупность отношений человека к самому себе как к некому другому. Отношение «я» к самому себе как к некому «не-я» (Э.В.Ильенков).

Отстраненность индивида от процессов внешнего мира позволяет ему оценивать происходящее как бы со стороны достаточно объективно. Занимая позицию наблюдателя действия, создатель и носитель языка в одном лице создает элемент «не-я» для отображения тех фрагментов действительности, которые связаны с ним непосредственно. Таким элементом в языковой системе стали возвратное местоимение *себя* и постфикс *-ся*.

Обладая генетической однородностью, эти элементы, присоединяясь в постфиксальной позиции к глаголу, сигнализируют о замкнутости действия на субъекте — его производителе, что происходит как следствие внелингвистических причин. Фактор наблюдателя действия получает здесь статус системообразующего, он устанавливает определенную иерархию отношений между субъектом и потенциальным объектом, в когнитивной сфере — между «я» и «не-я». Позиция наблюдателя в этом случае имеет двойственный характер. С одной стороны, это активный деятель-лицо, с другой — тот, кто претерпевает это действие. Доминирующей видится позиция «я»-субъекта, определяющего характер самого действия.

Языковые отношения, возникающие в процессе взаимодействия возвратных элементов и глагола, могут включать в себя, покрывать собой огромное количество самых разных жизненных отношений (это сфера интеллектуальной, эмоциональной, физической деятельности). Языковая семантика устойчива и не изменяется в результате каждого мыслительного акта отдельного человека, поэтому категория возвратности имеет всеобщий характер, применима ко многим языковым системам. Обозначает она денотативную соотношенность субъекта и объекта действия: один денотат (как правило, лицо, активный деятель) получает в высказывании двойное обозначение — словом в форме именительного падежа (грамматический субъект) и

словом в форме косвенного падежа (грамматический объект). В функции грамматического объекта в возвратных конструкциях выступает местоимение *себя*. Процесс грамматикализации возвратного местоимения, активно развивающийся с XVII в., привел к формализации местоимения и превращению его в постфикс *-ся*, обозначающий включение внешнего объекта в семную структуру глагола.

Думается, что подобный экскурс в проблемы философии языка, проблемы формирования категории возвратности позволит определить место этой категории в языковой картине мира.

Е.Л.Григорьян

Ростовский государственный университет (Ростов-на-Дону)

СИНТАКСИС И ПЕРЕДАЧА ВОСПРИЯТИЯ

1. Любая реальная ситуация может быть передана разными языковыми средствами как на лексическом уровне, так и на уровне синтаксиса. В докладе рассматривается возможность выбора из нескольких структур (связанных между собой как диатезные преобразования) при сохранении набора лексических единиц. Выбор той или другой из возможных конструкций определяется способом представления ситуации и нередко передает индивидуальное восприятие лица, находящегося в фокусе эмпатии, т.е. восприятие лица, с позиции которого показаны события и дается их описание. Многие характерные моменты в построении высказывания обусловлены именно этими особенностями человеческого восприятия. В этом плане наиболее показательны художественные тексты, так как в них важна изобразительная сторона, а в европейской литературе начиная с XIX в. проявляется тенденция передавать субъективное восприятие мира даже в повествовании от третьего лица. Эмпатия проявляется как заметный текстообразующий фактор, во многом определяющий структуру отдельного предложения.

2. Во многих случаях одно и то же реальное событие может быть представлено либо как целостное, либо как цепочка автономных событий, причем в разной степени подробно («Он разбил вазу» — «Он задел вазу, ваза упала и разбилась»; «Он ходил в кино» — «Он вышел из дома, пришел в кинотеатр, зашел в кассу, купил билет, вошел в зрительный зал, сел на свое место, посмотрел фильм...» и т.д.). Выбор одного из способов изображения ситуации может быть связан как с характером самой ситуации, так и с передачей восприятия. События изображаются как автономные, если между ними есть пространственный или временной разрыв, или же очень опосредованная связь. Но не в меньшей степени характер представления ситуации обусловлен восприятием лица, с точки зрения которого она передается. Последовательность «кадров» может отражать последовательность восприятия по частям, движение взгляда, последовательность деталей, на которых фокусируется внимание, что особенно явно в описательных текстах.

Выбор способа изображения ситуации может быть связан и с так называемым прототипом и прототипическим сценарием — языковым, культурным в широком смысле, лингвокультурным.

3. Реальная ситуация, как правило, не отражается в тексте полностью, т.е. далеко не каждый элемент получает вербальное выражение. Эксплицируются только элементы, (а) достаточно задающие ситуацию в целом, (б) особо значимые для лица, с точки зрения которого представлена ситуация.

Выбор фрагмента для описания ситуации в целом связан с передачей индивидуального восприятия, выделяются те элементы, на которых сосредоточено внимание, остальные устраняются или отодвигаются на периферию. Часто устраняются элементы, находящиеся вне поля зрения персонажа, с точки зрения которого представлена ситуация.

Многие структуры подобного рода, т.е. с устранением деятеля, представляют собой не сообщение о событии (что произошло), а передачу ощущения (что увидел, услышал, почувствовал соответствующий персонаж).

4. При этом самый значительный или самый заметный элемент имеет тенденцию оформляться как подлежащее. Связь чисто внешней заметности, яркости с подлежащим подтверждается и психолингвистическими экспериментами.

5. Представляется, что рассмотренные выше приемы свойственны не только художественным текстам и отражают общие закономерности построения предложений и текстов. Коммуникативные модели полностью аналогичны изобразительным. Позиция предполагаемого наблюдателя и фактор эмпатии, ключевые для понимания многих синтаксических явлений, отражают общеизвестный антропоцентризм языка.

РУССКИЕ ДАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МИРА ЧЕЛОВЕКА И МИРА ПРИРОДЫ

Материальный мир, в котором живет человек, субстанционален. Все события в нем происходят из-за взаимодействия субстанций, осуществляются благодаря воздействию одних субстанций на другие. Вместе с тем, помимо случаев осуществления событий не посредственно в мире человека, т.е. в системе «субстанция — субстанция», явления событийно-значимого воздействия могут происходить и в системе «субстанция — окружающая среда».

Издавна человек пытался понять окружающий его мир и осмыслить связи между живыми/неживыми субстанциональными образованиями с помощью мысли и, соответственно, с помощью языка, посредством которого эту мысль можно выразить. Получилось так, что в стихии языка, созданного по разумению человека, предложение сформировалось вербоцентричным: центр предложения — это прежде всего центр глагольный (признаковое глагольное слово или признаковое неглагольное слово в спайке со вспомогательным глаголом-связкой), способный посредством системы форм реализовать различные значения предикативности — времени, наклонения и лица (В.В.Виноградов). Лица — потому что в мире вещном признак все же неотделим от субстанции, им охарактеризованной. В мире вещном улыбка (признак) не существует отдельно от улыбающегося Чеширского кота (субстанция), как в Зазеркалье Л.Кэрролла. Таким образом, рассуждая с точки зрения современной лингвистики о структуре предложения и помня о предикативном признаке как о предложениеобразующем центре, мы не должны забывать о субстанции как субъекте предикации. Может быть, в этом случае и выявятся скрытые пружины формирования разных типов предложений, созданных человеческим языком для описания различных положений дел в нашем мире.

На примере анализа предложений со значением состояния попробуем разобраться в особенностях описания ситуации с общим значением «субъект и его признак (состояние)» в системе «субстанция — окружающая среда». Наблюдения показывают, что в русском языке существует целая группа дативных предложений с типологизированным значением состояния. Они соотносятся с группой номинативных моделей, которые тоже могут служить средством описания данной ситуации. Формальная соотносительность дативных и номинативных моделей устанавливается на основании их сходства в способах выражения предикативного центра признаковыми словами различных лексико-грамматических категорий: глаголом, существительным, прилагательным, наречием или предложно-падежным сочетанием наречного типа. Сравним:

1. Ване грустится.	Ваня грустит.
2. —	Ваня весельчак. Ваня — сама грусть.
3. Ване грустно.	Ваня грустный.
4. Ване не до веселья.	Ваня в грусти.
5. Ване веселье.	Грустящий Ваня. Ванина грусть. Веселье Вани.

Наличие таких «параллельных» групп предложений в русском языке объясняется тем, что они отражают феномены состояний разных типов. Номинативные предложения описывают это положение дел таким образом, что субъект оказывается активным обладателем своего признака, он представлен способным к проявлению этого признака во вне, к воздействию своим состоянием на окружающих (шире — на окружающую среду). Дативные предложения выражают иную направленность ориентации признака: в них показывается, что состояние, испытываемое субъектом, продуцируется не им самим, а исходит извне, из окружающей среды. Субъект резонирует с природой, окружающим миром, откликается на его воздействие внутренним напряжением, но без волеустановленных проявлений себя во вне.

По образцу вышеприведенных дативных моделей образуются предложения с модальными словами на месте предикативного центра, ср.: Ване приходится /хочется грустить; Ване не нужно грустить; Ване нельзя/в охоту грустить; Ване (не)охота грустить.

Кроме того, к дативным предложениям относятся и конструкции с независимым инфинитивом, в которых недифференцированное значение возможности-долженствования-предстояния, иногда выступающее как значение предопределенности, предписания свыше, лексически не выражено, но тем не менее легко вычленяется носителями языка. Например: Ване грустить; Быть Ване весельчаком; Быть Ване веселым; Быть Ване в веселье; Быть веселью.

Можно сказать, что дативные предложения и с зависимым, и с независимым инфинитивом передают комплекс модальных значений как состояние — состояние предбытийности, созвучное тому состоянию универсума, когда в нем только зреет семя будущего, еще непроявленного события.

Идея взаимосвязи, единства человека и природы, верно подмеченная древними праславянами, сотворившими свой язык, сохранилась в русских дативных предложениях, а значит, является неотъемлемой частью языкового национального сознания и служит одним из неявных мотивов гармоничного взаимодействия русского человека с миром.

И.Г.Добродомов

Московский государственный педагогический университет

ЭВОЛЮЦИЯ БЕГЛОСТИ ГЛАСНЫХ ИЗ ФОНЕТИКИ В МОРФОЛОГИЮ

Падение еров в древнерусском языке породило в современном нам русском языке такое морфологическое явление, которое исключительно в память об исчезнувших реальных флексиях и для удобства чисто механического описания (везде семантика чем-то выражена!) было названо нулевой флексией, с дальнейшим необоснованным перенесением этого умозрительно-парадоксального явления в область суффиксации и даже префиксации, оставив в неприкосновенности лишь и без того парадоксальную интерфиксацию: нулевых интерфиксов пока еще никто не выдумал.

В пылу увлечения отысканием нулевых флексий и суффиксов никто из исследователей русского именного словоизменения не заметил, что в некоторых разрядах существительных невыразительность нулевой флексии нашла себе компенсационную замену в виде «беглых гласных» *е, о*, которые появляются в основах существительных вблизи нулевых окончаний и исчезают в формах с реальными окончаниями.

В формах существительных с нулевым окончанием, каковыми являются именительный (и часто винительный) падеж единственного числа существительных мужского рода типа *сон, день* и родительный падеж множественного существительных женского и среднего рода типа *лодок, долек, окон, полотенце*, основа обычно имеет в исходе своего состава гласный *о, е*, который исчезает в формах косвенных падежей с реальным окончанием в словах первой категории (*сна, дня; сну, дню* и т.д.) и во всех остальных падежах слов второй категории (*лодка, долька; лодки, дольки; окно, полотенце; окна, полотенца* и т.д.).

Формы падежей с отсутствующим беглым гласным имеют четко выраженные реальные падежные окончания, а отсутствие реального падежного окончания (или наличие так называемого нулевого) компенсируется появлением дополнительного гласного *о, е* в основе (корне или суффиксе). Этот дополнительный гласный *о, е* может вполне быть признан реальным выразителем падежного значения в тех падежах, где он появляется. Дело в том, что нулевая огласовка основы сочетается с реальным окончанием, а нулевое окончание — с дополнительной огласовкой существительного, чем создается их взаимообусловленное распределение (дополнительная дистрибуция).

Благодаря такому распределению реального беглого гласного в сочетании с нулевым окончанием и нулевой огласовки с реальными разного рода окончаниями здесь можно видеть результат превращения былого фонетического явления древнерусского языка в морфологическое — применительно к современному языку. Причем в исторически возникшем и по этим причинам выделяемом чередовании гласных с нулем (в «альтернативном ряду гласных» — по экспериментальной «Русской грамматике» 1980 г.; в «морфоне» — по Д.Ворту) функционально нагруженным оказывается вокалический, а не нулевой член чередования (альтернати́и, морфоне́мы): наличие беглого гласного *о, е* внутри основы является средством выражения падежного значения. Таким образом, наличный в падежной форме существительного гласный *о* или *е* становится значимой единицей — морфемой (с падежным значением).

Беглые гласные в русском именном склонении представляют собой разновидность внутренней флексии, которая вставляется внутрь именной основы, а такого рода морфемы, вставляемые внутрь основы, принято называть инфиксами. Следовательно, с синхронной точки зрения современное русское именное склонение наряду с обычными и привычными постфиксальными флексиями (окончаниями) имеет также внутренние флексии *о, е* (инфиксы), на базе чего может выделяться особое инфиксальное склонение, наряду с постфиксальным и на фоне последнего. Инфиксальное склонение характеризуется отсутствием в нем нулевых флексий, которые передали свое содержание инфиксам.

КОНЦЕПЦИЯ ВАЛЕНТНОСТИ И.МЕЙНЕРА КАК ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Имя И.Мейнера в последнее время привлекло к себе внимание в связи с тем, что он в своей книге «Опыт отраженной в языке человека логики, или Философская и общая грамматика» более чем за полтора столетия до Л.Теньера рассмотрел в качестве организующего центра предложения предикат, обладающий валентными свойствами. Таким образом, И.Мейнер высказал идеи, явившиеся прообразом современной концепции валентности. Значимость появления грамматики И.Мейнера не ограничивается вышесказанным. Именно ему принадлежит заслуга создания первой в Германии теоретически обоснованной универсальной рациональной грамматики.

И.Мейнер считает, что только использование логических категорий в грамматике обеспечивает правильность построения предложения: «Древние называли логику диалектикой... и, вне сомнения, хотели этим показать, что искусство думать и говорить, и следовательно, логика и грамматика должны быть связаны друг с другом самым тесным образом». Процесс мышления, по И.Мейнеру, заключается в следующем: «Логика учит нас правильно мыслить и правильно делать выводы. Думать — это не что иное, как либо присоединять в нашем сознании нечто несамостоятельное к чему-то самостоятельному, либо разъединять их. И если я это делаю, то я создаю суждение». Соответственно этому логикой в процессе мышления используются два понятия: 1) нечто, мыслимое нами как несамостоятельное, называемое предикатом; 2) нечто, мыслимое с учетом несамостоятельности предиката как самостоятельное, — субъект.

Поскольку соединение самостоятельного и несамостоятельного или их разъединение называется предложением, то общим для всех людей является оформление своих мыслей в форме предложений. Поскольку предикат в отличие от субъекта обозначает несамостоятельные явления, он всегда является несамостоятельным, обладает валентностью. Предикат может быть: а) односторонне-несамостоятельным, б) двусторонне-несамостоятельным, в) трехсторонне-несамостоятельным. Введя понятие несамостоятельности предиката и обозначаемого ими явления и считая предикат самой важной частью предложения, его организующим центром, И.Мейнер впервые предложил рассматривать структуру предложения, исходя из валентности предиката.

Осознание явлений валентности стало возможным для И.Мейнера благодаря тому, что он стоял на позициях универсальной рациональной грамматики со свойственными ей логико-семантическими категориями. Логика, на которую опирается И.Мейнер при рассмотрении конструкции высказывания, имеет универсальный характер. Структуры высказывания передают отражаемые в сознании явления действительности. Логическим отношениям в структуре суждения соответствуют семантические отношения в структуре предложения. И.Мейнер на примерах из пяти языков переходит, как бы мы сказали, прибегая к современной терминологии, от логической и семантической валентности к синтаксической. Он подробно показывает на примере разных языков, что не все понятийные отношения одинаково реализуются в том или ином языке. Например, на уровне предложения склонение в конкретном языке осуществляется через реально существующие окончания или через предстоящие артикли.

Высказанные И.Мейнером идеи логико-семантической и синтаксической валентности позволяют регулировать построение предложения, что связано прежде всего с морфолого-синтаксическим оформлением актантов, благодаря которым реализуется валентностная структура главных членов предложения и выявляются компоненты их значения.

Элементы валентностной теории, разработанные И.Мейнером для анализа на уровне членов предложения, переносятся им и на отношения между придаточным и главным предложением. Концепция валентности, по мысли И.Мейнера, должна способствовать использованию универсальной рациональной грамматики в грамматическом анализе национальных языков. Этим было положено начало разработки немецкого синтаксиса на уровне как простого, так и сложного предложения.

Л.П.Катлинская
Московский государственный педагогический университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ КАРТИНЫ МИРА (на материале русского языка)

Концепция картины мира, сложившаяся в процессе поиска ответов на важные логико-философские вопросы языка в их связи прежде всего с проблемами именования и обозначения мира, включает в себя словопроизводственную проблематику

самым естественным образом. Отражение объективной действительности фиксируется как общественное достояние именно в словах, в том числе в новообразованиях.

Самой яркой особенностью наиболее развитых европейских языков на современном этапе их функционирования является так называемый неологический бум, в котором основная «нагрузка» падает на производные номинации (больше 80%).

Поскольку смена научной парадигмы в языкознании сопряжена с тем, что на первое место в качестве предмета анализа вышли семантика и синтаксис, в которых лингвисты обнаружили подлинно универсальные черты языка вообще, постольку ведущим методом анализа и описания языковых явлений стал функциональный подход.

В докладе характеризуются некоторые итоги исследования активных процессов словопроизводства в современном русском языке с функциональной стороны. Особенность исследования составляет его принципиальная направленность на перспективу процессов словопроизводства, что позволило связать словообразовательные проблемы с проблема языковой номинации в целом.

Вся система связей и отношений, которые выявляются при функционально-номинативном подходе к словообразовательной синхронии, подлежит вполне отчетливой классификации в соответствии с принадлежностью производных единиц лексики к трем семантическим классам: «Вещи», «Люди», «Мир человека». Производные, входящие в каждый из этих классов, характеризуются особыми способами и правилами словообразования.

Аргументация развиваемых в докладе идей построена на материале сопоставительных характеристик семантической структуры производных, пополняющих класс «Вещи» и «Люди» в словарной таксономии.

Характер словообразовательных процессов активного свойства существенно различается в зависимости от того, что предписано называть производному слову. В этом смысле отчетливо противопоставлены номинации конкретных объектов типа *космодром*, *курчатовий*, *перцептрон* и т.п. и (в частном случае) имена деятеля, мотивированные именем конкретно-предметного объекта деятельности: баня → банщик, лес → лесник, переплёт → переплётчик, реактор → реакторщик, вездеход → вездеходчик, бульдозер → бульдозерист и т.п.

Противопоставленность семантико-словообразовательной структуры вещных и личных наименований ставится в соответствие противопоставленности правил их активного словопроизводства: первые образуются по узуальным правилам, вторые — по регулярным системным.

Узус разных языков в процессе наречения материального мира в общем случае не совпадает, поэтому русским номинациям типа старого *аэроплан* и сравнительно нового *самолет* в немецком, например, соответствует одно слово *Flugzeug*, а в польском — *samolot*; русское *аэродром* имеет параллели в немецком и польском *Flugplatz* и *lotnisko* соответственно.

Определяющей характеристикой производных имен деятеля и — шире — лиц служит прямая содержательная соотнесенность данного вторичного смысла и данного первичного, его мотивирующего. В общем случае правила словопроизводства личных имен отражают лексико-словообразовательные взаимодействия в языковой системе в целом, имеющие по всей видимости, свойство языковой универсалии: ср. лётчик (летать), *Flieger* (*fliegen*), *lotnik* (*latac*).

Теоретические итоги исследования словообразования с функциональной стороны:

1. Лингвистически корректные критерии разграничения активных и неактивных процессов словопроизводства в современном русском языке.
2. Лингвистически обоснованная оценка новообразований вещной и личной (в частном случае) семантики как принципиально разных объектов лексикографического описания.
3. Собственно языковые характеристики лексикологических категорий неологизмов, потенциальных слов и окказионализмов.
4. Семантические критерии отграничения фактов словообразования от фактов формообразования.

5. Постановка проблемы создания словаря особого типа — ономаσιологического.

В целом теоретические итоги исследования рассматриваются как достаточные для постановки задачи построения новой, собственно семантической словообразовательной типологии современного русского языка.

Т.В.Куклева

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СОМНИТЕЛЬНОСТИ

Под сомнительностью понимаем проявление и выражение состояния неуверенности, нерешительности, колебания в том, что следует считать истинным или

правильным. Сомнительность рассматривается нами не только как категория философская и логическая, но и как языковая. Значение сомнительности рассматриваем в качестве одного из проявлений субъективной модальности.

Модальность — это оценка содержания высказывания говорящим с точки зрения реальности/ирреальности, достоверности/недостоверности, возможности/невозможности и др. (В.В.Виноградов, Г.А.Золотова). Выделяют две основные разновидности модальности — объективное (основное) и субъективное (добавочное) значение.

Субъективная оценка содержания предложения позиций говорящего проявляется в модальных значениях достоверности/недостоверности, обязательности/необязательности и др. Как одно из частных значений субъективной модальности следует рассматривать и сомнительность. Модальное значение сомнительности имеет различные средства выражения: лексические (имена существительные, имена прилагательные, глаголы с семей сомнения: сомнение, сомнительный, сомневаться, казаться и др.), фразеологические (фразеологические единицы со значением сомнительности: то ли было то ли не было...), грамматические (частицы: вроде, поди, якобы...; вводно-модальные компоненты: может быть, наверное, пожалуй...).

К грамматическим средствам выражения модального значения сомнительности относятся инфинитивные предложения. Инфинитивными называются односоставные предложения с главным членом, выраженным независимым инфинитивом, обозначающие возможное/невозможное, необходимое или неизбежное действие (В.В.Бабайцева): «Не спрятаться ли нам?» (Чехов); «Фу, боже мой, как все-таки это все трудно! Разве вернуться?» (Серафимович); «Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать» (Гоголь). Инфинитив в подобных предложениях, находясь в независимой позиции, не обладает никакими словоизменительными категориями, поэтому в создании значения сомнительности наряду с ним участвуют частицы (ли, разве, не...) и интонация вопросительности.

Таким образом, взаимодействие в инфинитивных односоставных предложениях грамматических и интонационных средств формирует модальное значение сомнительности.

А.Ю.Ларионова

Уральский государственный политехнический университет (Екатеринбург)

О ДЕРИВАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ГЛАГОЛА

Умение выделить существенные свойства какого-либо предмета, обнаруживаемое в практической деятельности человека, означает переход к удерживанию в сознании важнейших или существенных на данном этапе познания свойств (Г.В.Колшанский). Это неизбежно приводит к возникновению понятий, а затем к их материальному закреплению в языковых единицах. В соответствие со сказанным отглагольные прилагательные (ОП) в качестве материала исследования являются в языке формой выражения реального признака как совокупности существенных черт предмета. Цепочка умозаключений, обеспечивающая выбор того или иного словообразовательного формата для создания ОП, приводит либо к возникновению новой модели образования слова (что в рамках языковой синхронии является менее вероятным), либо следует уже существующей модели и отражает ее продуктивность.

«Человеческий фактор» как мыслительная деятельность, раскрывающая деривационный потенциал глагола, является определяющим при наименовании признака в форме отглагольного деривата (в данном случае ОП), а также в способе его образования. Рассматривая вопрос о деривационном потенциале глагола и специфике его реализации в семантике ОП, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, очевидно незеркальная зависимость семантики ОП от семантической и семной структуры базовых глаголов. Причем «незеркальность» носит градационный характер. Например, ОП на -чий свойственна высокая степень лексикализации, т.е. отрыва от глагольной семантики (плакучий, могучий, секущий и др.), тогда как ОП на -ный оказываются более семантически зависимыми от базовых глаголов.

Во-вторых, при определении семантической близости ОП и базовых глаголов особую значимость приобретают актантные характеристики глагола (преимущественно субъектно-объектные), реализованные в семантике адъективата. При этом качественные особенности глагольных сем субъекта и объекта, возможные их трансформации в адъективной семантике являются факторами, с одной стороны, способствующими разграничению глагольных и адъективных ЛСВ и рассмотрению их семантической близости, а с другой — иллюстрирующими на уровне контекстного употребления ракурс отражения субъектно-объектной семантики в значении прилагательного. Это значит, что любая адъективная отглагольная парадигма, объединенная общностью словообразовательного форманта, имеет свои закономерности в отражении глагольной

субъективно-объектной семантике. Так, например, для ОП на -еный/ -аный приоритетной оказывается объектная специализация прилагательного (жареный картофель), а для ОП на -чий наиболее актуальна субъектная специализация прилагательного (пахучая жидкость). В таких случаях срабатывает стереотип мышления, обусловленный генетической связью данных ОП с древнерусскими причастиями и формально-синтаксической соотносительностью ОП с современными причастиями. Именно этот стереотип мышления закреплен в существующей языковой картине мира. Для прилагательных же на -тельн не всегда можно говорить о субъектной специализации, поскольку у них формальная соотносительность с причастиями отсутствует, а семы субъекта и объекта иногда опосредованно участвуют в обозначении признака и отходят на периферию лексического значения адъективата (ср.: познавательная деятельность — 'деятельность, в результате которой, посредством которой что-либо познается'; решительный человек — 'тот (субъект), кто быстрее принимает решение'; восхитительный голос — 'голос, который (субъект) восхищает или которым (объект) восхищаются').

Итак, деривационный потенциал глагола объемён. В свете теории «человеческого фактора» в языке его деривационный потенциал имеет разные возможности воплощения, реализуясь в разноструктурных языковых единицах. Вследствие этого многоаспектное исследование глагола, в частности в рамках проблемы его семантической соотносительности с ОП, является обоснованным и актуальным.

Т.С.Монина

Орехово-Зуевский государственный педагогический институт

СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Современную лингвистику, занимающуюся проблемами смысловой стороны предложения, отличает разнообразие идей, методов и направлений. Общим местом в данной проблематике стало признание необходимости разграничения языковой и речевой семантики. Языковая семантика связана с системой языка. Языковые значения представляют собой означаемые языковых знаков, существующие в системе языка, но реализующиеся в конкретном высказывании. Речевая семантика включает в себя, помимо языкового значения, контекстуальную информацию, вытекающую из соотношения данного текста с более широким контекстом, прагматическую информацию, представленную стилистическими элементами текста, ситуативную информацию, связанную с данной конкретной речевой ситуацией и энциклопедическую информацию, связанную со значением и опытом участников коммуникации.

Внимание к языковому или речевому аспекту в предложении определило в современной лингвистике два подхода к изучению синтаксической синонимии: структурный, который рационален при изучении синонимии, существующей на уровне типов предложений, и функциональный который правомерен при изучении речевой синонимии, проявляющейся на уровне конкретных предложений. Синонимический ряд на уровне речи могут составлять проявления единичной синонимии. Иное лексическое наполнение конструкций лишает их возможности синонимического соответствия. При структурном подходе явления синонимии систематичны, так как в данном случае сопоставляются предложения как единицы языка, основным свойством которых является их воспроизводимость вне зависимости от их конкретного лексического наполнения.

Функциональный подход к синтаксической синонимии прежде всего представлен в работах Г.А.Золотовой. Синонимический ряд, по ее мнению, составляют предложения, обладающий тождеством типового значения. Среди моделей предложения, составляющих синонимический ряд, выделяется основная модель, которая выражает типовое значение минимальными языковыми средствами при совпадении смысловых и грамматических центров. Модели предложения, характеризующиеся конструктивно распределенной избыточностью и несовпадением смысловых и формальных центров, являются вариативными. При таком понимании синонимического ряда тождество лексического состава его членов не может быть строгим, так как вариативные модели могут включать в свой состав вспомогательные слова, служащие средством различного оформления моделей. Это, в свою очередь, влияет на взаимотрансформацию членов синонимического ряда. Г.А.Золотова считает подобные случаи проявлением неполной синонимии.

Сам термин «структурный» говорит о том, что исследователя в данном случае интересует прежде всего структура синонимичных предложений, поэтому тождество лексического состава выдерживается более строго, чем при функциональном подходе.

Предложение обладает комплексом грамматических значений, основными среди которых являются предикативное, номинативное и интерпретационное. Вследствие общности референта синонимические предложения обладают тождественными предикативным и номинативным значениями, а вследствие того, что они имеют различные денотаты, различаются их структуры и, соответственно, интерпретационные значения. Включение в состав предложения факультативных распространителей, участвующих в формировании интерпретационного значения предложения, обуславливает возможность трансформационных преобразования предложения. Синтаксическая конструкция, имеющая в своем составе компоненты, усиливающие ее интерпретационное значение, не способна трансформироваться в синонимичную. На взаимотрансформацию также могут влиять факторы морфологического и узусного порядка.

Т.В.Попова

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

О СООТНОШЕНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ДЕРИВАЦИОННОЙ КАРТИН МИРА (на материале глагольных лексико-семантических групп)

Постановка проблемы языковой картины мира (ЯКМ) — как части концептуальной картины мира, обусловленной в сознании человека языковыми знаками, их семантикой, формой и правилами комбинации (Е.С.Кубрякова), — обусловила необходимость рассмотрения вопроса о роли единиц различных уровней языка в ее создании.

Наиболее изученной является та часть ЯКМ, которая представлена средствами лексики: парадигматические лексические классы слов (лексико-семантические, тематические, функционально-семантические группы, семантические поля и др.) достаточно полно и глубоко описаны в последние 30—40 лет.

«Лексическая» картина мира непосредственно связана с «derivационной» (словообразование — одно из важнейших средств создания лексем), основанной на учете особенностей членения и последующего именования окружающей нас действительности различными derivационно-релевантными классами единиц: производными и непроизводными словами, однокоренными или одноструктурными лексемами, сеткой словообразовательных значений и т.п.

Актуальным, в частности, представляется определение роли производных и непроизводных слов в членении глагольного лексико-семантического пространства русского языка.

Анализ словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988), содержащего около 5000 единиц, показывает, что в лексико-семантическом пространстве русского глагола преобладают слова, обозначающие действие (66%), глаголов состояния и отношения значительно меньше (24 и 10% соответственно).

Во всех глагольных полях доминируют производные лексемы (что естественно, если учитывать высокий derivационный потенциал, свойственный этой части речи), но наиболее велик удельный вес дериватов в поле состояния — 86% всех слов, содержащихся в нем; ср.: поле действия — 81%, поле отношения — 76%. При анализе ЛСГ также выделяются классы слов, в которых наиболее велика роль производной лексики (например, в ЛСГ глаголов качественного состояния, взаимоотношений, помещения ее доля колеблется в пределах от 100 до 95%), и противоположные им группы, в которых доминируют или занимают достаточно видное место непроизводные лексемы (ЛСГ звучания — 69% всех единиц, речи и социальной деятельности — 38%, физиологической деятельности и межличностных отношений — 36%) и т.п.

Такое различие в строении полей и ЛСГ обусловлено спецификой обозначаемого им кусочка действительности: состояние может быть обнаружено только при его проявлении через какое-либо качество, способное стать наблюдаемым, воспринимаемым. Поэтому среди глаголов состояния много отаждективных и субстантивных дериватов. Помещение обычно связано с перемещением, конкретным физическим действием или местом, ср.: вбить — 'поместить во что-л. посредством битья'; внести — 'поместить во что-л. посредством совместного перемещения с помощью рук'; поместить — 'заставить кого-что-л. любым способом оказаться на каком-л. месте' и т.п.

Учитывая словообразовательные особенности глаголов, составляющих отдельные ЛСГ, среди последних можно выделить ЛСГ derivационно-гнездового (все глаголы ЛСГ скрытия образованы от 7 корневых единиц), derivационно-структурного (104 из

165 глаголов соединения содержат префикс *с-*, 20 — *за-*, 48 — *-ся*, присоединяемых к 45 корням), и лексеμο-центрического типа (12 глаголов произнесения из 22 непроизводных).

Тщательный деривационный анализ глагольных ЛСГ позволит выявить сферы действительности, связанные с обозначением действия, которые отражаются в ЯКМ различными средствами номинации: непроизводными лексемами, дериватами или неосновными значениями лексем, т.е. средствами вторичной номинации. Такая дифференциация лексико-семантического пространства русского глагола представляется необходимой для уяснения особенностей ЯКМ, отношений и взаимодействия ее частей.

В.К.Радзиховская

Московский государственный педагогический университет

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВЗАИМНОСТИ С ПОЗИЦИЙ КОНЦЕПЦИИ ПРЕДИКАТИВНОСТИ/АБЕРРАТИВНОСТИ (к проблеме «человеческого фактора» в функционировании языка)

1. В основании любого языкового явления, и в частности функционально-семантической категории (ФСК) взаимности, лежит оценка как отражение сущности деятельности человека, имеющей познавательный и прагматический характер. Оценка понимается нами как целенаправленная деятельность, состоящая в сравнении (измерении) оцениваемого с уже известным с достаточной для практики точностью и выраженным отношением к оцениваемому. По сути, назвать что-либо — значит оценить в пределах имеющегося опыта. «Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой и оценке принадлежит творческая роль в изменении значений» (Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972. С.21).

2. ФСК взаимности понимается как система разноуровневых средств, взаимодействующих при передаче реципрокатного действия, т.е. действия, направленного от субъекта к объекту и возвращающегося от последнего, уже субъекта, к субъекту, ставшему объектом. Такая относительно жесткая пространственная ориентация достаточно отчетливо выделяет эту категорию среди других ФСК и регламентирует при выражении семантики взаимного действия проявление основного свойства единиц языковой системы — предикативности/аберративности.

3. Предикативность/аберративность понимается нами как диалектически противопоставленное единство реализации основного свойства языковых единиц при выполнении ими предикатирующей функции (подводимого в духе концепции А.Ф.Лосева под логико-синтаксическую формулу отождествления «это есть это») и диалектически дополняющего его свойства — способности языковых единиц аберрировать, т.е. варьироваться, отклоняться от заданной функции сколь угодно далеко, насколько позволяет система (подводимого под логико-синтаксические формулы различия «это есть почти это», «это есть не совсем это», «это есть совсем не это»).

4. В пределах ФСК взаимности различаются языковые средства собственно взаимности и антивзаимности. Первые работают на создание поля взаимности (под полем в этом случае понимается область употребления средств ФСК взаимности, например: собираться, дружить, встречаться), вторые — на «разрушение» поля взаимности (например: расходиться, ссориться, прощаться). Эти обстоятельства и факты отчетливо выявляются в литературных текстах о войне.

5. Для реализации взаимного действия важна коррелированность субъектов взаимного действия в аксиологическом плане, соотнесенность их прагматических характеристик, при этом возможные в принципе различия должны стать практически незаметными. Тогда «разлад» взаимности, ее неполнота в случае удачного взаимодействия путем выравнивания аксиологических подходов могут быть заметны только хорошо ориентирующемуся в конкретной ситуации. Остальные же оказываются в роли «провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы» (М.Ю.Лермонтов). Такое действие с позиции логических оценок «истинно/ложно» оказывается, по сути, антивзаимным действием. Истинно взаимным действием является действие, осуществляемое в интересах друг друга.

6. Аберративность языковых средств ФСК взаимности особенно заметна, например, когда: 1) количество субъектов взаимного действия становится меньше двух: «... шесть секретарш от старшей до младшей, старшая разошлась, потерялся след»

(В.Маяковский); «Иногда встречаю самого себя» (Э.Брыль); 2) фактически не реализуется взаимное действие: «Отношения, о которых Женя и не подозревала, развивались сложно» (В.Каверин); 3) действие, направленное друг на друга, различно: «На девок смотрел, и снился им по ночам» (В.Шукшин); 4) элементы со значением взаимности/антивзаимности аберируют по отношению друг к другу: «Никто со стороны и не подумал бы, что это разговаривают враги, а не два теплых друга» (А.Гайдар); при этом последний случай оказывается наиболее тонким и наиболее часто встречающимся случаем аберрации.

7. Любые аберративные изменения ярче, непосредственнее, чем изменения в основной предиктирующей функции, обнаруживают, что в основе ФСК взаимности, как и любого языкового явления, лежит оценка.

Л.В.Степанова

Иркутский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ, СОЗДАННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ

1. Языковая игра — один из способов, с помощью которого индивидуальность автора может проявиться наиболее полно. Объектом данного исследования стали производные, созданные в результате языковой игры на словообразовательном уровне. Исследование проводится на материале записей фрагментов художественных текстов С.Лема, С.Довлатова, А.Аверченко и Н.А.Тэффи. Выбор авторов обусловлен общей иронической направленностью произведений, хотя «качество» иронии у каждого автора индивидуально: грустная, добрая усмешка Довлатова, филигранная едкость у Аверченко и Тэффи, ироническое, а иногда и сатирическое отношение к фантастической реальности у Лема.

2. Авторы создают «игровые» производные с помощью разнообразных приемов, таких как:

— использование уникальной словообразовательной модели в качестве образца: «...уж лучше *отсебятина*, чем *отъеготина*» (Довлатов С. Компромисс);

— приписывание части произвольно членимого слова значения другого слова, близкого к этой части по звучанию: «Постоянное купание и лаконический разговор сильно ослабили умственные способности *спартанцев*, и они значительно отстали в развитии от других греков, которые за любовь к гимнастике и *спорту* прозвали их *спартанцами*» (Тэффи Н. Упадок Спарты);

— создание производного слова, формально совпадающего с узуальным, но мотивированного другим значением производящего, что порождает семантическую двуплановость:

«— Куда, спрашивается, спешить, если меня хозяйка вчера совсем из квартиры *выставила*?

— Весна — сезон *выставок*, — сострил Клинков, снимая пальто» (Аверченко А. Подходцев и двое других);

— использование продуктивных словообразовательных моделей для названия явлений фантастической реальности: «... измыслили мы мыслящие из нас механизмы, как-то: *мыслемолки* и *мысльницы*, перемалывающие мир в цифры...» (Лем С. Воспитание Цифруши).

3. Предварительный анализ примеров показал, что особенности механизма порождения «игровых» производных связаны с типом языковой личности автора. Таким образом, задача исследования — типизировать механизм словопорождения каждого из авторов и рассмотреть авторские приемы создания «игровых» производных через призму языкового сознания.

Г.П.Стуколова

Воронежский государственный университет

О ВАРИАНТАХ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛАМИ ГОВОРЕНИЯ

Вербоцентрическая теория предложения, интерес к смысловой стороне языковых знаков позволяют по-новому взглянуть на структурно-смысловое устройство предложений, в частности тех, в центре которых находится спрягаемая форма глагола. Конструкции предложений, построенных по модели N_1V_1 , могут варьироваться в зависимости от того, какой глагол выступает в качестве предиката.

Именно от глагола, являющегося организующим центром высказывания и вершинной предложения, зависит не только количество актантов или сирконстантов, но и структура всего синтаксического построения.

Представляется интересным, во-первых, проследить, какие варианты данной модели предложения образуются глаголами говорения, во-вторых, в каждом из вариантов выявить набор синтаксических единиц (словоформ, предикативных единиц), которые могут занимать синтаксическое место объекта при глаголах говорения.

Глаголы принято делить на глаголы физического действия и интенциональные. Первые в большинстве своем могут находиться в центре простых (монопредикативных) предложений. Например, в построении *Он ударил его палкой* реализуются три валентности глагола, однако предложение монопредикативно, так как ни один из его членов не имеет пропозитивной семантики. Что же касается интенциональных глаголов (например, глаголов говорения), то предложения, обычно образуемые ими по модели « N_1 говорил о N_6 », в семантическом плане всегда являются более сложными, чем предложения с глаголами физического действия. Это объясняется тем, что позицию N_6 , позицию делиберативного объекта, в предложениях с глаголами говорения занимает имя пропозициональной (событийной) семантики или его функциональный эквивалент. Например: *Он говорил о приезде отца*; (Отец приехал) *Он говорил мне об этом*, где *это* выполняет анафорическую функцию, указывая на ранее названное событие. Подобные предложения, монопредикативные по структуре, являются в семантическом аспекте полипропозитивными, по терминологии Т.А.Колосовой и М.И.Черемисиной, неэлементарными. Если сравнить названные построения с монопредикативным предложением типа *Он говорил об отце*, то на первый взгляд оно кажется монопредикативным. Однако такое высказывание, будучи грамматически правильным, нельзя признать автосемантическим, информативно достаточным и однозначно интерпретируемым. Конкретно-предметное существительное *отец*, занимая позицию делиберативного объекта, получает событийное прочтение, которое может быть выявлено только в контексте.

Позицию делиберативного объекта может занимать и целая придаточная предикативная единица (ПЕ): *Он говорил, что отец приехал/приезжает/приедет*, где событийное значение наиболее эксплицировано.

Таким образом, мы имеем дело с реализацией одной и той же модели предложения « N_1 говорил о N_6 » в трех вариантах:

— N_1 говорил о N_6 конкр.;

— N_1 говорил о $N_6 + N_2$, где имя в родительном падеже диктуется валентностными свойствами событийного имени;

— N_1 говорил, что ПЕ.

При этом ПЕ раскрывает сущность информации, именной оборот — тему информации, конкретно-предметное существительное является «представителем» имплицитно выраженного события.

Синтаксическое место делиберативного объекта в предложениях с глаголами говорения может быть занято не только словоформами конкретно-предметной семантики, отглагольными и деадъективными существительными событийной семантики, предикативными единицами, но и словоформами отвлеченной семантики типа *весна, образ, возвышенное, литература*. Например: *Они долго говорили о литературе и религии*.

Так же как и имена существительные конкретно-предметной семантики, словоформы отвлеченной семантики, занимая позицию делиберативного объекта, приобретают пропозициональную семантику и делают предложение полисобытийным. Но, в отличие от конкретно-предметного существительного, словоформа отвлеченной семантики не является «представителем» имплицитно выраженного события, а служит знаком всего события, сближаясь в этом отношении с отглагольными и деадъективными существительными.

Словоформы отвлеченной семантики словообразовательно не связаны с глаголом, поэтому предложения, в центре которых они находятся, не трансформируются ни в простое предложение с отглагольным существительным, ни в сложноподчиненное предложение. Ср.: *Они говорили о сыне/ Они говорили о болезни сына/ Они говорили, что сын болен. Но: Они говорили о религии*.

Однако не все глаголы говорения реализуют все три варианта модели предложения. Причина различной заданности, определенности, предсказуемости объекта при глаголах говорения кроется, на наш взгляд, в структуре значения глагола.

ОБЩЕРОМАНСКИЙ И КРЕОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО

Некоторые лингвисты отмечают, что формирование и эволюция романского праязыка напоминает процесс креолизации. Иначе говоря, генезис разновидностей романской речи сравнивают с образованием креольских языков.

Если это не простая метафора, а конструктивная гипотеза, то необходимы конкретные сопоставительные исследования. Сопоставление могло бы дать полезные результаты:

- 1) для исторической лингвистики (развитие теории языковых изменений);
- 2) для креолистики (процесс образования креольских языков);
- 3) для романской исторической компаративистики (теория романского праязыка).

Сопоставление возможно в четырех направлениях:

- 1) типология историко-лингвистических ситуаций;
- 2) типология языковых контактов;
- 3) типология процессов эволюции языковых систем;
- 4) типология языковых структур.

В докладе обсуждаются результаты сопоставления средств (языковых структур), используемых для выражения будущего времени в латинском, общероманском, романских языках, с одной стороны, и в некоторых креольских языках, с другой. Сопоставляются следующие типы структур:

- 1) отсутствие специальных средств выражения будущего;
- 2) употребление косвенных наклонений в значении будущего;
- 3) глагольные перифразы;
- 4) лексико-грамматические средства.

О.В.Трофимова
Тюменский государственный университет

СОЧЕТАНИЕ КАК БЫ В СВЕРХТЕКСТЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Грамматическая характеристика сочетания *как бы* в современной лингвистике неоднозначна: сравнительная или сравнительно-сопоставительная частица, модальная частица или связка, союз, выражающий недостоверное сравнение или условно-предположительное сравнение.

В доступной нам научной литературе предложения с *как бы*, представлены в качестве иллюстраций к списку анализируемых единиц без какого-либо комментария, что может отражать их незначительную частотность и актуальность в структуре текстов — источников исследований прошлых лет.

Наблюдения над сверхтекстом «Литературной газеты» (1994 г.) свидетельствуют об активном употреблении сочетания *как бы* практически во всех представленных в газете жанрах: в информационных материалах, обзорах, статьях, рецензиях, в диалогах с писателями, политиками, банкирами, даже в некрологах.

Сочетание *как бы*, связанное с выражением субъективной модальности (Г.А.Золотова) — в «Русской грамматике» 1980 г. оно, кстати, не отмечено в качестве средства формирования и выражения субъективно-модальных значений в простом предложении, — это сочетание приобретает в «Литературной газете» в большинстве случаев функцию сигнала, который указывает на то, что автор текста осознает иллюзорность описываемой им реальной действительности, свидетельствует об иногда вербально не выраженном конфликте человека с самим собой и/или с окружающими его людьми, с принятыми в обществе законами. Реже сочетание *как бы* является отражением процесса поиска автором нужного слова, знаком определенных ассоциаций.

«Сфера влияния» сочетания *как бы* не ограничивается предложением (при этом анализируемое сочетание тяготеет к сказуемому, как глагольному, так и именному, или к любой глагольной форме). На примере отдельных текстов из «Литературной газеты» можно и нужно говорить о текстообразующей его функции.

А.Ю.Чернышева
Казанский государственный университет

ПОКАЗАТЕЛИ НЕДОСТОВЕРНОСТИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Употребление многих незначительных слов связано с введенным Б.Расселом противопоставлением двух видов знаний — «знания по знакомству», при котором Г судит о явлении непосредственно, и «знания по описанию», при котором Г судит о

явлении опосредованно, с привлечением лексического вывода. К числу таких слов принадлежат частицы *разве*, *вряд ли*, *едва ли*.

В сложном предложении частица *разве*, одна или в составе производных от нее образований, широко используется как союзная скрепа. Сфера ее употребления — предложения ограничивающего исключения. Это функционально и семантически сближает частицу *разве* с союзными скрепами *только* и *лишь*. Вместе с тем значение частицы *разве* специфично. Генетическая связь частицы *разве* с вопросом обуславливает наличие в ее значении модусного элемента предположения (В.А.Белошапкова). Представляется, что значение недоверности, выражаемое частицей *разве*, основано на косвенных данных и допускает ее использование только в такой ситуации, которая не может быть предметом непосредственного наблюдения Г. Это имеет место, например, в предложениях с глаголами в форме будущего времени: «Все придут, разве только Иван не придет». Ср. невозможность употребления частицы *разве* в этом предложении с глаголами в форме прошедшего времени, т.е. в ситуации непосредственного наблюдения: *«Все пришли, разве только Иван не приехал».

Ориентацию семантики частицы *разве* на косвенные данные подтверждает введение в предложение с глаголами в форме прошедшего времени модусных операторов *наверное* и *кажется*. При слове *наверное* сообщение основано на косвенных данных, при слове *кажется* — на прямых (Е.С.Яковлева). Это значит, что аномальности предложения с глаголами в форме прошедшего времени позволяет избежать только оператор *наверное*, задающий тон опосредованно воспринимаемой ситуации: «Наверное, все пришли, разве только Иван не приехал». Ср. все ту же некорректность предложения с оператором *кажется*: *«Кажется, все пришли, разве только Иван не приехал».

Синонимичные частицы *вряд ли*, *едва ли* по степени выражаемой недоверности приближаются к смысловому полюсу отрицания. Поэтому, если обязательным компонентом противительных отношений является отрицание, они требуют его снятия, будучи и в не союзной функции значимыми для смысла и структуры всего сложного предложения. Соотношение форм глаголов при этом аналогично соотношению глаголов с частицей *разве*. Это свидетельствует о том, что значение недоверности частиц *вряд ли*, *едва ли* также основано на косвенных данных. ср.: «Все придут, только Иван *вряд ли* (*едва ли*) придет»; *«Все пришли, только Иван *вряд ли* (*едва ли*) приехал»; «Наверное, все пришли, только Иван *вряд ли* (*едва ли*) приехал»; *«Кажется, все пришли, только Иван *вряд ли* (*едва ли*) приехал».

Два вида знания — «знание по знакомству» и «знание по описанию» — полезно соотнести с выделенными Г.А.Золотовой коммуникативными регистрами речи: с изобразительным, основанным на конкретно наблюдаемых действиях, и информативным, основанном на определенном обобщении информации, — и с тем, какие модели предложений свойственны тому или иному регистру речи. Это расширяет представление о контекстах, отражающих область непосредственного и опосредованного восприятия, в частности, объясняет, почему показатели недоверности, основанной на косвенных данных, невозможны в сложных предложениях, включающих некоторые типы конструкций, свойственных изобразительному регистру речи. Ср.: *«Вряд ли (*едва ли*) зима, холодно»; *«Вряд ли (*едва ли*) сижу и думаю». Вместе с тем полезно уточнить возможность употребления таких предложений в другом регистре речи. Ср.: корректность предложения при удалении фиксируемых явлений из области непосредственного наблюдения: «Вряд ли (*едва ли*) там зима, холодно».

Л.С.Чечулина

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И КАТЕГОРИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Определяя имя прилагательное как единицу языковой системы, вычленим компоненты смысловой структуры семемы с учетом всех взаимодействующих уровней языка: категориально-грамматическое значение части речи, лексические семы, деривационное значение, лексическую модальность, категорию степени качества (Г.М.Шипицына).

Одним из обязательных компонентов смысловой структуры семемы прилагательного является категория степени качества. Характер этого компонента предопределен категориально-грамматическим значением части речи — признаковостью. Элемент категории степени качества имеет значения имеет значения постоянного объема признака и переменного объема признака.

Среди имен прилагательных, передающих подвижный признак, выделяется группа слов, обозначающих состояние или указывающих на него (грустный, багровый). При функционировании в предложении данные прилагательные семантически и синтакси-

чески (как элемент двойной связи) связаны не только с определяемым существительным, но и со знаменательным глаголом в позиции сказуемого: «Павел поднял голову и смотрел на него *бледным*, широко раскрыв глаза» (Горький).

В данном предложении прилагательное *бледный* обозначает не только изменившийся цвет лица, но и указывает на состояние субъекта, в котором он совершает действия *поднять* и *смотреть*. Более того, действия субъекта связаны с его состоянием. Из этого следует сказать, что имя прилагательное нельзя исключить из предложения. Состояние длится определенный период, что позволяет прилагательному заключать во временные рамки действие, названное знаменательным глаголом. Прилагательное и глагол сотрудничают в выражении временного значения благодаря временному потенциалу прилагательного, который обусловлен лексической семой и категорией степени качества.

Имена прилагательные, обозначающие подвижный признак, но не содержащие в смысловой структуре семы состояния, не способны в предложении очерчивать рамки протекания действия, передаваемого глаголом-сказуемым.

Являясь элементом двойной связи, прилагательные, обозначающие подвижный признак и содержащие в смысловой структуре сему состояния, тяготеют к комплексу лексических средств выражения функционально-семантической категории темпоральности в русском языке.

Л.Н.Чумак

Белорусский государственный университет (Минск)

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Традиционным является рассмотрение предложения в трех основных аспектах: а) структурном, обусловленном формой выражения, б) в семантическом, опирающемся на смысловое содержание предложения, и в) коммуникативном, определяющем особенности функционирования предложения в речи. Между тем на процесс общения оказывает влияние прежде всего национально-культурная специфика тех или иных лингвокультурных общностей, которая находит выражение не только в модели речевого поведения языковой личности, в опоре на «свои» культурные законы, но и в способе структурирования мысли.

Синтаксические структуры наиболее универсальны, более или менее сходны для разных языков. Однако в каждом национальном языке существуют и специальные способы выражения мысли, отражающие мировосприятие носителей языка. Даже за синтаксическим сходством языковых единиц при постановке их в вертикальный контекст, или парадигму, объединяющую в сознании носителя языка категории национальной культуры, могут проявляться элементы различия в комбинации семантических функций, в лексическом наполнении членов предложения. Такого рода факты обнаруживаются даже при сопоставлении близкородственных языков, в данном исследовании — русского и белорусского.

Лингвокультурологический анализ предложения, основной синтаксической единицы, должен, на наш взгляд, отразить специфичность в национальном языке: а) формы/структуры выражения мысли, т.е. языковой модели; б) типовой ситуации, или семантической модели (и связать этот языковой ряд с культурологическим, т.е. определить экстралингвистические факторы, лежащие в основе лингвистического своеобразия национальных языков); в) национально-культурного фона отдельных высказываний.

Остановимся на характеристике первого направления исследования. Несмотря на универсальность синтаксических моделей предложений, в истории национальных литературных языков вырабатывались и специальные способы выражения мысли, отражающие специфику восприятия действительности. К таким предложениям в русском языке А.М.Пешковский относил прежде всего односоставные обобщенно-личные предложения, эти, по его словам, «две особые формы мышления говорящего по-русски человека». Характеризуя обобщенно-личные предложения, он писал, что в таких предложениях «в форму обобщения облакаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер... И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить напоказ его перед всеми, тем охотнее он облакает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех».

Эта черта русского национального языкового сознания реализуется также в предложениях с авторским «мы», в которых личное прячется под выработанными в языке обобщительными формами, в стремлении к «безличности» в разнообразных формах русского безличного предложения, отражающего физическое и психическое состояние человека. Ментальная скрытость проявляется в обращении к форме 3-го

лица настоящего/будущего времени или форме множественного числа прошедшего времени как форме неопределенной, обобщительной, суммируемой из единичных действий в неопределенно-личных предложениях. Передавая общие суждения, выводы, обозначая типичные жизненные ситуации, анализируемые предложения являются наиболее характерной формой выражения пословиц и поговорок русского народа. Обозначаемое в них действие имеет вневременной характер, оно возможно/невозможно всегда и для каждого, т.е. типично, а обобщенность содержания отражает народную мудрость.

Следовательно, национально-культурный потенциал синтаксических единиц заключается в наиболее полном отражении выработанного в истории национального языка и мышления стереотипа структурирования мысли.

В сообщении дается сравнительно-типологическая характеристика анализируемых типов предложения в русском и белорусском языках в аспекте лингвокультурологии.

С.Ю.Шамарданова

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КОНСТРУКЦИЙ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИНТАКСИСА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Развитие в русском литературном языке XX в. конструкций экспрессивного синтаксиса (парцеллированных, сегментированных конструкций и номинативных предложений) связано с общезыковой тенденцией — стремлением языка к анализму. На синтаксическом уровне эта тенденция проявляется в переходе от синтагматической прозы к актуализирующей, характеризующейся расчлененностью высказывания и особым субъективным звучанием, при котором наиболее полно реализуются коммуникативно-прагматические функции языка. «Расчлененное высказывание лучше обслуживает потребности массовой коммуникации, чем громоздкие построения» (А.С.Попов).

Экспрессивные конструкции носят индивидуально-авторский характер, они характеризуют манеру того или иного автора в их совокупности, взаимодействии в пределах одного текста. Например: «Очень хорошая, славная современная машина. Жалко только — колесья не все. То есть колесья все, но только они сборные. Одно английское «Три ружья», а другое немецкое — «Дукс». И руль украинский. Но все-таки ехать можно. В сухую погоду» (М.Зощенко).

Экспрессивные конструкции сближаются между собой общностью коммуникативной направленности: их назначение — передать адресату (читателю, слушателю) суть определенной информации в ее наглядной непосредственности так, чтобы эта информация была легко и быстро воспринята, что обусловлено «разговорной» природой самих конструкций.

Рост употребительности и расширение стилистического диапазона этих конструкций сопровождается усилением их собственной структурной активности, что затрудняет дифференциацию конструкций такого рода и приводит к формальному совпадению при несовместимости их синтаксического значения.

А.Л.Шарандин

Тамбовский государственный педагогический институт

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРНОЙ ГРАММАТИКИ

Для современной лексикографии характерно признание тесной связи лексики с грамматикой. Однако признание этого взаимодействия на практике очень часто не реализуется: лексическая семантика и грамматика рассматриваются изолированно друг от друга, о чем свидетельствуют, в частности, материалы словарей (см., например, толкование глагола *лаять* в МАС).

В связи с многообразием значений слов и их оттенков, так или иначе связанных с формальным выражением, важным и актуальным оказывается вопрос о соотношении грамматики, представленной в словарях как грамматическое описание слова, с теоретической грамматикой. Автоматический перенос грамматических идей, которые оформились в последнее время, в лексикографическую практику не правомерен, ибо не изменит лексикографическую ситуацию качественно. Необходима в данном случае словарная грамматика, которая учитывала бы одновременно достижения современной теории грамматики и специфику лексикографической обработки слов.

На наш взгляд, одним из основных вопросов словарной грамматики должен

явиться вопрос о статусе грамматики по отношению к лексической семантике. Мы считаем, что в толковании значения лексемы должна учитываться ее абстрактная лексическая семантика, с описания которой начинается толкование лексемы и которая выражается определенным набором грамматических форм, фиксируемых в грамматических пометах, и конкретная лексическая семантика, завершающая лексическую характеристику слова и выражаемая словарным словом (лексической основой). В результате такого подхода грамматика не оказывается чем-то посторонним в словарной статье, а органически входит в нее на тех же правах, что и лексическая основа, способствует раскрытию лексического значения слова, начиная его толкование и отличая тем самым его от класса других слов, имеющих свой набор грамматических форм и соответственно свою абстрактную лексическую семантику (ср.: *таять* и *читать*).

Другим важным и актуальным аспектом словарной грамматики является вопрос о том, какие грамматические категории должны быть отражены в словаре и в каком объеме. Решение этого вопроса связано с определением классифицирующих возможностей тех или иных грамматических категорий, т.е. круг категорий словарной грамматики определяется способностью тех или иных форм передавать лексическую семантику (ср. формы наклонения). Как показал анализ глагольного материала, в качестве грамматических категорий, имеющих отношение к передаче абстрактной лексической семантики, выступают, по существу, все категории глагола.

Следующим актуальным вопросом словарной грамматики должен быть вопрос о границах лексемы, которая понимается нами как языковой знак, планом содержания которого является то или иное значение, а планом выражения, наряду с морфемным рядом, тот или иной набор грамматических форм. В плане выражения лексема глагольного типа, например, включает следующие образования: флексивные словоформы лица, рода и числа; нефлексивные словоформы наклонения, времени, вида и залога; внутривидовые трансформы способов действия; межвидовые трансформы — причастия, деепричастия и субстантивные образования типа *бег*. Возникает вопрос: что дает такое понимание лексемы? Оно исключает рассмотрение некоторых образований в качестве самостоятельных лексем и позволяет решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей при сохранении лексической информации в том же объеме, в каком она содержалась бы в самостоятельных статьях. Такое решение проблемы возможно в случае квалификации, например, способов действия в большей степени как элементов грамматической системы, т.е. путем перевода информации об их значении в грамматический раздел толкового словаря.

Предлагаемый принцип описания конкретного значения лексемы в плане взаимодействия грамматики и лексической семантики устраняет, на наш взгляд, некоторые недостатки современных лексикографических описаний. Во-первых, каждому значению ставится в соответствие строго определенный набор грамматических форм, отличающих его от других значений и фиксирующих данное значение в нашей языковой памяти. Во-вторых, в соответствии с тем или иным набором грамматических форм возникает возможность представить значения лексемы в определенной последовательности — как систему убывающих сем, чему соответствует сокращение числа грамматических форм и релевантных категорий. В-третьих, глагольные лексемы подаются не в алфавитном порядке, а в порядке представления того или иного лексико-грамматического класса. Алфавитный же порядок подачи слов сохраняется в том случае, если лексемы обнаруживают одинаковую лексико-грамматическую характеристику.

Таким образом, взаимодействие грамматики и лексики позволяет связать в теоретическом и практическом аспектах морфологию глагола с лексикографической теорией и практикой, которые в своем единстве ориентированы на коммуникативный процесс.

Д.Р.Шарафутдинов
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОТ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ АКТИВНЫХ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Синтаксическая деривация (СД) существительных от прилагательных в современном русском языке (образование отвлеченных существительных от заданных прилагательных, не связанное с изменением лексического элемента значения последних (типа: *белый* — *белизна*, *свежий* — *свежесть*, *аккуратный* — *аккуратность*, *известный* — *известность*, *разнообразный* — *разнообразие*) с точки зрения активных

видов речевой деятельности представляет собой процедуру, направленную: 1) на оформление мыслей; 2) наиболее точное и адекватное замыслу выполнение коммуникативного задания говорящим. Словообразовательные отношения между прилагательными и существительными, образованными от них по СД, подробно изучены в направлении от производного существительного. Однако и теоретически, и практически чрезвычайно важно исследование СД этого типа в рамках словообразовательного синтеза: образование существительного с заданными свойствами от имеющегося прилагательного. В этом случае решается актуальная практическая задача речевой коммуникации — проблема получения нового слова (заранее не известного!) от имеющегося (заданного по условиям) по заданному семантическому различию. Такая постановка задачи ориентирована на активные виды речевой деятельности, на реальные нужды общения.

Образование отвлеченных существительных от прилагательных носит гораздо менее регулярный характер, чем СД существительных от глаголов. Однако между семантическими и формально-грамматическими особенностями лексемы прилагательного, с одной стороны, и ее способностью образовывать отвлеченное существительное путем СД, с другой, могут существовать вероятностные зависимости. Установив эти зависимости, можно вывести правила получения синтаксических дериватов от прилагательных. Очевидно, что в самой лексеме производящего прилагательного, в его лексическом значении и совокупности грамматических свойств, содержатся различные семантические и формальные приметы, релевантные для определения возможностей трансформации этого прилагательного в существительное. Из семантических характеристик прилагательных в качестве признака, наиболее значимого для выяснения его словообразовательных потенций в аспекте СД, грамматическая традиция выделяет его принадлежность к разряду качественных или относительных прилагательных. Действительно, на основе этого признака формируется привативная оппозиция деривационных потенций: если качественные прилагательные могут участвовать в СД и могут не участвовать в ней, то относительные как таковые не способны трансформироваться в существительные вообще. Другое дело, когда относительные прилагательные заданы в метафорическом употреблении и развивают качественные значения — тогда они и в плане СД ведут себя как качественные. Иными словами, принадлежность прилагательного к определенному семантическому классу явным образом не выражается.

В силу отсутствия четких единых критериев нередко возникают серьезные трудности при определении разряда прилагательного вне контекста. Такая принципиальная нестабильность, неопределенность границы между семантическими рубриками прилагательных, а также неясность самих понятий качественности и относительности (выделяемых преимущественно на интуитивной основе) значительно снижают практическую ценность этого признака при выяснении словообразовательных потенций прилагательного в аспекте СД. Существенно помочь в этом деле могут его частные семантические и формальные признаки.

Из семантических характеристик прилагательного наиболее значимы следующие: наличие в его словарном толковании идеи градуальности, т.е. возможности проявления свойства в большей или меньшей степени (способности меняться по шкале интенсивности); формализации лексического значения (семеме) прилагательного, релевантные для СД; способность прилагательного сочетаться с наречиями меры и степени (интенсификаторами), а также с подчиняющими именами существительными разных лексико-семантических групп; возможность толкования лексического значения прилагательного через значение другого слова, выступающего в качестве его производящего (т.е. словообразовательного, отсылочно-деривационного толкования), указывающая на признак производности /непроизводности заданной лексемы (критерий Г.О.Винокура).

Из формальных свойств важны: производность/непроизводность прилагательного (непроизводные прилагательные, качественные, участвуют в СД с высокой степенью регулярности, тогда как производные, качественные и относительные, имеют весьма различные деривационные потенции в этом аспекте), морфное или субморфное членение прилагательного, наличие степеней сравнения, наличие кратких форм, принадлежность к определенному морфологическому классу (слова трех из четырех традиционно выделяемых классов не участвуют в СД — так называемые «притяжательные» прилагательные, неизменяемые прилагательные и прилагательные, имеющие только краткую форму), синтаксическая функция, место ударения.

Таким образом, на выходе получаем три группы прилагательных, различающихся по их отношению к СД рассматриваемого типа. Первую группу образуют лексемы, которые легко изменяют частеречную принадлежность и имеют трансформы —

существительные. Во вторую группу входят прилагательные, наоборот, неспособные образовывать существительные — синтаксические дериваты. И наконец, третью группу составляют слова, в отношении которых этот вопрос нельзя решить однозначно. Их способность к СД допускает возможность интерпретации и фиксируется списком.

Раздел 6. «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЯЗЫКА: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

И.В.Бобырь

Международный эколого-педагогический университет (Москва)

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ КОНТЕКСТА

Прагмалингвистика описывает контекстно-связанное значение, устанавливает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, которые дают возможность адресанту сообщить свое намерение, а адресату правильно интерпретировать содержание.

Комплекс внешних условий, присутствующих в сознании адресанта в момент осуществления речевого акта, соотносится с определением аспектов прагмалингвистического содержания слова как в языке, так и в речи. Экстралингвистические факторы при формировании семантики языковых единиц действуют наравне и одновременно с лингвистическими факторами.

Прагмалингвистический подход к явлениям языка предполагает рассмотрение широкого комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на применение и функционирование языковой единицы, попадающей в текст. Первым этапом такого рассмотрения является уровень риторических приемов — уровень микроконтекста.

Уровень макроконтекста предполагает рассмотрение принципов выдвижения, актуализации значения языковых единиц, оценочных отношений в пределах целого текста.

Учет широкого круга экстралингвистических факторов, влияющих на применение языковых единиц, организацию текста выводит исследование на уровень глобального контекста. Эти факторы влияют на формирование коммуникативной стратегии автора. В частности, фактор «адресат» не является чем-то пассивным и неизменным. Адресат как объект социального воздействия обладает определенными «фоновыми знаниями», которые проявляют свою динамику в зависимости от других экстралингвистических факторов.

Названное деление категории контекста основывается на признании взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов в формировании прагмалингвистических особенностей языка. Выделенные уровни относительно автономны, и подмена категорий одного уровня другими привела бы к нарушению последовательности анализа.

Н.С.Болотнова

Томский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ

Антропоцентрическое направление в языкознании и связанное с этим изучение языковой личности, «стоящей за текстом», определяет особый интерес к проблеме гармонизации общения автора и адресата. Идея гармонической диалогизации участников общения, имеющая давнюю лингвистическую традицию (см. труды А.А.Потебни, Л.П.Якубинского, В.В.Виноградова, Л.В.Щербы, А.М.Пешковского и др.), особенно актуальна в современной лингвистике (см., например, работы А.К.Михальской, Т.Г.Винокур).

Гармоническим является общение, которое дарит коммуникантам не только информацию к размышлению, но и чувство прекрасного, удовлетворение, радость сопереживания. Гармонизацию общения можно определить, таким образом, как интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое сопереживание коммуникантов, предполагающее творческую активность не только адресанта, но и адресата.

Учитывая структуру модели речевой коммуникации Р.О.Якобсона, структуру языковой личности коммуникантов (ср. с концепцией Ю.Н.Караулова), специфику первичной и вторичной коммуникативной деятельности автора и читателя, к важным условиям гармонического диалога участников речевого общения можно отнести: контакт, владение языком (кодом), общность тезауруса (знаний о мире), единство социальной, исторической, национальной сущности коммуникантов, наличие интенций (целей, мотивов), учет коммуникативно-прагматических правил.

Проблема гармонизации общения имеет комплексный интегративный характер, ее успешное решение возможно при участии не только лингвистов, но и философов,

психологов, социологов. К приоритетным направлениям современной лингвистики относится разработка лингвистической основы гармонизации общения, включая изучение языковых коммуникативных универсалий, определяющих эффективность речевого общения в разных сферах и жанрах.

Под коммуникативными универсалиями в данном случае понимаются законы и реализующие их принципы лингвистической организации текста, ориентированные на «диалогическую гармонию» автора и читателя, т.е. на достижение определенного коммуникативного эффекта.

Поскольку любое общение предполагает не только передачу информации, но и воздействие на собеседника, побуждение его к ответной речемыслительной деятельности, логично положить в основу выявления языковых коммуникативных универсалий особенности и характер лингвистической экспликации смысловых признаков представленных в тексте реалий, а также характер экспликации различных сигналов, имеющих прагматическую ориентацию.

Возможность не только структурно-типологического подхода к языковым универсалиям на уровне языковых систем, но и динамического, деятельностного, функционально-коммуникативного подхода на уровне реализации разных языковых систем была намечена Г.П.Мельниковым. Высказанная им идея зависимости языковых универсалий от перестройки структуры и субстанции языка в связи со сменой детерминанты справедлива и для функционирования одного языка в различных сферах коммуникации, и для разных диалектов в рамках одной сферы коммуникации. При таком подходе коммуникативные универсалии интерпретируются как динамические структуры, имеющие деятельностную основу, ориентированные на межличностное общение в рамках одной или нескольких сфер коммуникации с учетом не только лингвистических, но и социально-психологических, когнитивных и других факторов. В этом случае коммуникативные универсалии рассматриваются на уровне системы реализации одного языка как правила, регулирующие общение на лингвистической основе в одной или нескольких сферах коммуникации.

В лингвистическом аспекте, по-видимому, можно условно говорить о коммуникативных универсалиях, имеющих лексическую основу, грамматическую и т.д. (ср. анализ коммуникативных универсалий, имеющих лексическую основу, в художественных текстах в работе: Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте //Филол. науки. 1992. N 4).

Не исключено, что действие выявленных нами в художественных текстах коммуникативных универсалий — лексических регулятивов, определяющих «сотворчество читателя» (четыре законов: эстетически обусловленной смысловой «избыточности», «экономии» языковых средств, гармонического соответствия текстовой парадигматики и синтагматики, гармонического соответствия типовых и уникальных текстовых ассоциаций — и реализующих их 17 принципов), распространяется на другие сферы коммуникации, хотя и в ином лексическом воплощении, с иной целевой направленностью. Об этом можно будет судить на основе специального исследования.

А.А.Ворожбитова

Сочинский филиал Российского педагогического университета им. А.И.Герцена

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ

Предлагаемая модель является вариантом лингводидактической модели языковой личности (ЯЛ), в основе которого — риторические категории инвенции, диспозиции, элокуции как этапов универсального идеоречевого цикла (ИРЦ). Поскольку, благодаря способности риторики охватывать глобальный процесс «от коммуникативного замысла к поиску аргументации, к собственно сообщению и — далее — к интеграции формы и содержания текста вплоть до анализа эффективности содержания», она является «интегрирующей областью гуманитарного знания» (Краус), логично считать эту модель метамоделью по отношению к трехуровневой «методической» модели ЯЛ и построенной на ее основе разветвленной «целевой» или «готовностной» модели (Ю.Н.Караулов), а также по отношению к лингводидактической модели, учитывающей пять уровней владения языком (Богин). Языковые готовности, как и уровни владения языком, очевидно, могут быть поглощены «интегральной программой трансформации идеи в слово» (инвенция — идеологический анализ темы с последующей ее субкатегоризацией на основе селективной решетке данных — набора «общих мест»; диспозиция — линейная экспозиция референта, его синтагматическое развертывание; элокуция — вербализация референта или собственно текстообразование) (Безменова), наполняя и конкретизируя механизмы лингвориторической компетенции (ЛРК).

Предлагаемая нами модель ратора (сильной ЯЛ, ориентированной на социально значимый, этически ответственный, эффективный идиодискурс) по традиции сохраняет трехмерность. Первая ось — уровни языковой структуры (фонетика, лексика, грамматика и др.). Вторая ось — «дробь», в числителе которой — 4 вида речевой деятельности (РД), а в знаменателе — этапы ориентировки, планирования, реализации, контроля (Леоньев). Третья ось — механизмы ЛРК: универсальные — инвентивный, диспозитивный, элокутивный; факультативные — редактирования, запоминания, произнесения; психориторический (умение осуществлять предварительную и текущую коммуникативную рефлексию) как обеспечивающий адекватную работу остальных механизмов.

Коммуникативные качества речи (ККР) подробно описаны в отношении к неречевым структурам (Б.Н.Головин); следует вписать их также в контекст этапов ИРЦ, видов РД, структуры ЯЛ. ККР эксплицируются на этапе элокуции, имплицитно направляя процесс мыслеречи в предыдущих фазах. На этапе инвенции (например, эвристики Ларсона, Пайка и др. содержат более ста вопросов) нет места обдумыванию будущей речи как правильной, чистой, богатой по языку; другие же КР присутствуют в сознании ратора как организующие процесс инвенции эталоны: точность, логичность будущей речи зависят от адекватности мысленного диалога с предметом речи; ее доступность, выразительность зависят от адекватности такого диалога с образом адресата. В полной мере «программируется» здесь уместность речи (ситуативная, личностно-психологическая, стилевая, контекстуальная); так как уже на этапе отбора информации ритор учитывает специфику будущей речевой ситуации. В рамках промежуточного языка (Жинкин, Караулов), на этапе инвенции, возникает и ряд чисто элокутивных заготовок, конкретных языковых средств, одни из которых сохраняются до коммуникативной реализации, а другие заменяются в процессе элокуции, редактирования.

На этапе диспозиции в центре внимания находится оптимальное расположение информации. Но поскольку интенция ратора и речевая ситуация задают жанр, стиль, тип речи (назовем этап их осмысления преддиспозицией, так как он предшествует инвенции, определяя ее стратегию), постольку при этом в зародыше присутствует и соотношение доминирующих и менее выраженных или «запрещенных» (богатство речи в деловом документе) ККР, активизируются ответственные за них структуры мыслеречи.

На этапе элокуции ККР ранжируются в нашей концепции следующим образом: элементарный элокутивный уровень — правильность и чистота речи; средний элокутивный уровень — точность, логичность; богатство, выразительность; высший элокутивный уровень — уместность речи как ее соответствие сфере общения, речевой ситуации, ролям коммуникантов с точки зрения: а) парадигмы продуцируемых идей, ее релевантности (адекватности инвенции); б) их комбинаторики (адекватность диспозиции); в) использованных языковых средств (адекватность элокуции); г) тембральных, интонационных, мимических, кинетических характеристик (адекватность произнесения). Таким образом, этапы ИРЦ в реальном мыслеречевом процессе тесно переплетаются. На «входе» ИРЦ — уместность речи, преломленная в гипотетический конечный результат, на «выходе» — воздействие речи, ее эффективность, зависящая от совокупного влияния на сознание реципиента всех ККР; гипотетически ей непосредственно «предшествует» выразительность речи. Специфика базового элементарного элокутивного уровня — в кодифицированности норм.

Вооружение студентов цельным лингвориторическим мировоззрением способствует более сознательному усвоению лингвистических курсов — в ракурсе сверхзадачи их формирования и саморазвития как сильных ЯЛ, раторов.

И.А.Клепикова

Московский государственный педагогический университет

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ИЗБЫТОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Как показывают многочисленные исследования, коммуникативное поведение членов социума определяется в первую очередь принципом кооперации Г.Грайса, который требует от коммуникантов делать сообщение в достаточной степени информативным, истинным, соответствующим теме и принятому в данном языковом сообществе речевому этикету. И как результат следования этому принципу возникает проблема разделения информации на оригинальную, значимую в рамках заданного речевого действия и соответствующую предложенной говорящим теме, и избыточную, не являющуюся запрашиваемой в типологии данного речевого акта.

При решении вопроса, какая информация необходима собеседникам для адекватного понимания услышанного, во-первых, и какая информация может считаться

достаточной при ответе, во-вторых, необходим анализ речевого и коммуникативного актов. Избыточность в речевом акте чаще всего обусловлена неправильным выбором стратегии при построении высказывания, либо спонтанностью порождения высказывания, когда, например, различные повторы, расширенные описательные номинации не являются необходимыми элементами для достижения цели. При анализе структуры коммуникативного акта выявляется избыточность совсем иного рода, появляющаяся при воздействии социально-психологических факторов протекания взаимодействия. Будучи активным членом коммуникации, говорящий пытается диктовать слушающему свои условия коммуникативного и социального поведения. Если же оценка статуса и уровня компетенции слушающего сделана говорящим неправильно, то слушающий из пассивного члена коммуникации превращается в активного, ведущего, перехватывает инициативу, начинает диктовать свои условия.

В связи со сказанным кажется не бесспорным утверждение, что избыточность является «вынужденным допущением». Эффективность социальных взаимодействий, и общение в частности, определяется не только и не столько рациональным поведением, но и общим принципом сохранения социального равновесия. Как показал анализ языкового материала, говорить о «вынужденности избыточности» возможно применительно лишь к изолированным кодирующим системам.

Принцип сохранения социального равновесия, цель которого — избегать конфликтных ситуаций, диктует определенную стратегию поведения, нарушающую действие принципа кооперации. Помимо этого, действие принципа кооперации осложняется так называемым «предупредительным поведением» собеседников. Как результат этого появляются реплики-стимулы, которые содержат больше информации, чем необходимо для изложения намерений, и ответы, которые содержат информации больше, чем эксплицитно запрашиваемое. Но такая избыточность с точки зрения информационной структуры отражает социальные и психологические принципы человеческого существования.

Приведем пример, иллюстрирующий вышесказанное. Ситуация: А просит у своего знакомого Б что-нибудь почитать.

А. У тебя нет ничего интересенького почитать?

Б. Журнал новый/ но еще сама не читала// Позже/ ладно?

Если принять во внимание, что конструкция «У тебя нет...» в рамках разговорной речи считается этикетной, первая фраза с точки зрения говорящего не грешит избыточностью. Но реакция Б является ответом на прямой вопрос, и лишь затем разворачивается в ответ на косвенный запрос. Поскольку ответ является, по сути, завуалированным мотивированным отказом, появляется необходимость каким-либо образом сгладить возможные негативные последствия. Возникает реплика «Позже...» (иллюстрирует предупредительное поведение слушающего). Б необходимо убедиться, что его план действий принят, и свою фразу он завершает контактоустанавливающим вопросом «Ладно?»

Приведенный пример показывает, как изменяется структура взаимодействия и расширяется информация под воздействием принципов вежливости и предупредительного поведения. Таким образом, избыточная информация в аспекте социально-психологического поведения коммуникантов выступает как оригинальная.

Е.Е.Котцова

Поморский международный педагогический университет (Архангельск)

КОММУНИКАТИВНАЯ МОТИВАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ТЕКСТЕ

Изучение способов речевой реализации языка с учетом фактора говорящего, его коммуникативной мотивации выбора языковых средств, адекватных коммуникативному заданию, признается одним из перспективных направлений исследования в функциональной лексикологии. Действительно, «линии речевого поведения» говорящих (Л.В.Щерба), во многом обусловленные возможностями лексической системы (Семантические основы текстового слова: Метод. разраб. и материалы к спецкурсу /Сост. Н.Е.Сулименко. Л., 1988. С.94), являются наиболее актуальными тогда, когда языковые средства становятся предметом внимания, оценочного отношения говорящего, предметом его речевых оценок.

Как отмечает Н.Е.Сулименко (там же, с.94), речевые оценки (РО) представляют особый интерес в двух аспектах:

1) в культурно-речевом — как источник информации о языковом вкусе эпохи, ее языковых нормах. Это определило выбор текстовых фрагментов для анализа РО в нашей работе из художественной и мемуарной литературы не о современности, а о предшествующих культурно-исторических периодах (10—20-е гг. XX в.) — из произведений В.Катаева, А.Мариенгофа, М.Булгакова);

2) в текстовом аспекте, который является малоизученным и поэтому представляет особый интерес для исследования. Этот аспект позволяет выявить последствия приспособления узуальных лексических средств к новым, часто нестандартным, речевым условиям и, как показывает анализ текстовых фрагментов, содержащих РО, обнаруживает три ситуации приспособления лексических средств к выполнению коммуникативного задания: адекватность, неполную адекватность, неадекватность.

Ситуация адекватности лексических средств, когда выбранное узуальное слово устраивает автора, не требует коммуникативной мотивации в тексте, не представляет особого исследовательского интереса. Здесь РО может быть представлена как пояснение, развернутое толкование (с разной степенью близости к словарной дефиниции) лексического значения слов ограниченного употребления, а именно: устаревших, специальных, диалектных, жаргонных. Это РО комментирующего типа.

Две другие ситуации приспособления лексических средств обычно содержат РО, но интенции говорящего имеют в этих оценках разную степень выраженности в зависимости от уровня адекватности текстового слова коммуникативному заданию.

Ситуация неполной адекватности лексических средств требует РО-корректировки, мотивирующей, насколько устраивают или не устраивают говорящего внешние или внутренние параметры слова: звуковая оболочка, семная структура предметно-понятийного компонента лексического значения, а также его коннотативные элементы — эмоционально-оценочный, культурно-исторический, наглядно-чувственный и др., вплоть до «дальнейшего» смыслового приращения в тексте. Все это позволяет «расширить и совершенствовать смысловое поле коммуникативной реализации языковых знаков» (Алефиренко Н.Ф., Москвин В.П. Значение и смысл в структуре языковой личности // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. 28—30 сент. 1994 г. Волгоград, 1994. С.6), более глубоко раскрывать особенности языкового вкуса эпохи как важного элемента ее характеристики или характеристики персонажа. Мемуарный же взгляд автора (например, Катаева, Мариенгофа) с хронологическо-исторической высоты современности на прошлое позволяет соотнести языковые вкусы исторической и современной эпох, т.е. отслеживает динамику языковых норм, а также показывает динамику языковой личности (самого автора) в разные периоды его жизни.

В ситуации полной неприспособленности узуальных лексических средств к выполнению коммуникативного задания можно отметить две реакции говорящего: 1) отказ от лексемной номинации понятия, заполнение лексической лакуны расчлененным, дефиниционным типом, сочетанием, например, из культурно-эстетических или эзоповых соображений; 2) создание авторского новообразования, т.е. словообразовательного или семантического окказионализма. Здесь коммуникативная мотивация, или РО, более актуальна, хотя тоже может иметь разную степень выраженности в зависимости от зоны регулярных ассоциаций. В такой ситуации окказионализм часто вводится в ткань художественного произведения в составе текстовых парадигм, которые опираются на лексико-системные ассоциации в пределах семантического пространства, организованного по трем основным координатам — деривационной, синтагматической и парадигматической. В докладе эта закономерность рассматривается на примере сближений слов по синонимическому и антонимическому типу в тексте, показаны условия и источники таких сближений в соотнесенности текстовых и лексико-системных парадигм.

Изучение «человековедческих аспектов» лексики позволяет осмыслить «не только наличные факты, но и возможности будущих состояний», семантику «возможных миров», в частности индивидуально-авторскую семантику (Сулименко Н.Е. Антропоцентрической изучение лексики. Л., 1994. С.85).

Л.Ф.Крапивник
Хабаровский государственный технический университет

РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА КАК ОСНОВА ИХ АНАЛИЗА И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Вопросы функционального анализа речи как естественной формы существования языка вызывают вполне закономерный интерес ученых, работающих в области методики преподавания иностранных языков.

Особый интерес представляют результаты исследования функциональной значимости и роли лексических единиц (ЛЕ) в процессе смыслового восприятия речевого произведения.

Известно, что в ходе смыслового восприятия текста параллельно сосуществуют, переплетаясь и взаимодействуя, два процесса: формирование «полного понимания»

смыслового содержания текста и становление «общего смыслового образа» текста, представляющее собой формирование более емких, чем выраженные в поверхностной структуре текста, смысловых единиц.

Тот факт, что смысловое восприятие проходит через стадию словесного выражения, материализуясь в дискретных единицах языка, позволяет сделать вывод о том, что объективно существует две группы ЛЕ, с помощью которых закрепляются в языке результаты смысловой обработки текста. Эти группы различаются по отношению к поверхностной структуре текста и по приобретаемой ими в ходе смыслового восприятия функциональной маркированности, которая предопределена направленностью и характером обработки речевого сигнала.

При формировании «полного понимания» в центре внимания реципиента находится материал для речи и способы его употребления, результаты смыслового восприятия текста объективируются ЛЕ, которые «выхватываются» из его поверхностной структуры. Как показывают наблюдения, из текста интуитивно «выхватываются» те ЛЕ, которые, являясь самой информативной частью лексики текста, противопоставлены всей поверхностной структуре текста на уровне семантики и по своей функциональной значимости: именно они предопределяют ориентировку в его смысловом содержании и выявляют основные предикативные связи текста (а поэтому наиболее необходимы для оформления речевой модели при воспроизведении текста).

В ходе становления «общего смыслового образа», когда на первое место выдвигаются проблемы логико-семантического анализа текста, результаты его смысловой обработки закрепляются в языке ЛЕ, синтезирующими в себе общий смысл определенного смыслового фрагмента текста. Эта группа ЛЕ объективирует в языке итоги семантической интерпретации текста и, как правило, автономна по отношению к его поверхностной структуре, так как является, по сути, результатом вербализации семантического вывода. Совокупность ЛЕ данной группы, являясь носителем основных смысловых вех текста, составляет основу внутренней программы текста (его «смыслового скелета»), которая закладывается в долговременную память и в соответствии с которой формируется мысленная программа его воспроизведения.

Разграничение данных групп ЛЕ и их характеристика по роли и функции в процессах смыслового восприятия и воспроизведения информации текста имеет несомненную практическую значимость, так как позволяет методисту более целенаправленно подойти к выбору форм и средств фиксации извлекаемой из текста информации в соответствии с коммуникативной установкой и видом чтения, в частности к отбору ЛЕ для их организации в функционально значимый комплекс как в целях систематизации и сохранения результатов смысловой обработки текста (логико-смысловые структуры текста), так и в целях отбора и презентации языкового материала для его включения в активную речевую деятельность (денотативные карты, графы).

Н.Д.Марова

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

ТЕКСТ КАК КАРТИНА

Антропологический подход к тексту предполагает три основных аспекта: текст как продукт языковой личности («текст есть сделанное»), текст как средство общения, текст как предмет наблюдения. Последний аспект наименее разработан, хотя и является, на наш взгляд, образующей базой текста. В докладе выдвигаются две гипотезы относительно этого аспекта.

1. Исходная категория данного аспекта существования текста — наблюдатель как некая инстанция, представляющая центр видения или точку отсчета, иницирующую систему видения. В таком случае понятие наблюдателя лишается необходимости нести в себе исключительно семантику лица и придает этой семантике ту меру условности, которая предполагает самые смелые и широкие шаги абстрагирования от нее. Более того, это понятие само становится средством релятивизации текстовой действительности: текст становится рефлексивной функцией наблюдателя, а наблюдатель — функцией текста. Наблюдатель фиксирует текстовый мир как «откровение», данное ему так, что текст приобретает статус явленного, иначе говоря, картины.

Свойство «картинности» текста отторгает от себя цепочки сем, характерных для других аспектов существования текста: «автор/произведение/читатель» и «отправитель/код/получатель». Оно жидется на цепочке сем: «открыватель текстового мира/картина/сооткрыватель». Если пафос первого аспекта заключается в творчестве, пафос второго — в коммуникации, то пафос третьего аспекта, образно говоря, в

«одаривании». В этом случае автор-наблюдатель выступает в качестве одаривателя, текст — в качестве дара, а получатель — в качестве одариваемого. «Картинный» статус существования текста является, таким образом, харизматическим. Текст в этом смысле есть харизма, данная как автору, так и читателю. Автор как бы «дарит» часть своего лингвоментального «имущества». Читатель же, получив этот дар, должен, с одной стороны, воссоздать в себе точку зрения автора (понять текст), с другой стороны, он должен сделать полученную «картину» частью своей системы видения. Благодаря этому текст ставится в один ряд с другими явлениями действительности, данными читателю для наблюдения.

Несмотря на то что текст как картина является самым пассивным аспектом существования текста из всех трех названных выше, он тем не менее может считаться наиболее глубинным и сущностным, поскольку уходит своими корнями в область трансцендентного.

2. Существование текста как лингвоментальной картины имеет две ипостаси. Текст является, во-первых, «картиной мира», во-вторых, «картиной видения». Эти термины имеют недифференцированное хождение в научном обиходе. По нашему мнению, их значение и употребление необходимо разграничить.

«Картина мира» призвана формировать прежде всего представления о мире. Этот термин несет в себе презумпцию истинности, т.е. претендует на то, что представленный в «картине мира» образ действительности адекватен реальной действительности. Основные критерии для этой ипостаси текста — «истинно/ложно».

Термин же «картина видения» заключает в себе презумпцию специфичности наблюдаемого, т.е. претензию на то, что представленный в ней образ действительности самобытен, индивидуален. Этим термином утверждается релятивность представленной в тексте картины по отношению к взгляду наблюдателя.

Выдвинутые выше гипотезы рассматриваются на примере изучения и описания текста как картины в терминах лингвостилистической теории перспективы.

И.П.Матханова
Новосибирский государственный педагогический университет

СЕМАНТИКА СОСТОЯНИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЕАЛИЗАЦИЯ ВЫБОРА ГОВОРЯЩЕГО

Говорящий, желая выразить свое видение того или иного «положения дел», в том числе и семантики состояния, использует, как минимум, два уровня интерпретации: первый, заложенный в системе языка, «идиоэтнический компонент» (А.В.Бондарко), и второй, позволяющий в определенной степени преодолеть заданность идиоэтнической интерпретации, индивидуальный.

Выбор говорящего, с одной стороны, обусловлен наличием в языке типовых структур, или системно-воспроизводимых языковых средств (например, С.Н.Цейтлин охарактеризовала пять основных синтаксических конструкций для представления в русском языке эмоционального состояния: Ему скучно — Он радуется — Он печален — Он взволнован — Он в волнении).

С другой стороны, говорящий может преодолеть интерпретацию, обусловленную необходимостью выбора из определенного набора конструкций и форм, используя нетиповые, системно-производимые языковые средства и различные комбинации компонентов высказывания.

К системно-производимым средствам можно отнести разные типы переносов («В душе лейтенанта все звенело и пело» — Б.Полевой), окказионализмы («Свежо и знойно. Светло и смело. Чего-то надо, чего-то ждешь» — И.Северянин), нестандартную сочетаемость: «Черно и пусто стоял курган» — А.Серафимович), косвенные высказывания и др.

Ограничивая свой выбор одним из системно-воспроизводимых средств, говорящий в меньшей степени заявляет о себе как о языковой личности, системно-производимые средства явно, открыто свидетельствуют о нестандартной языковой индивидуальности говорящего.

И системно-воспроизводимые, и системно-производимые средства составляют языковой потенциал языка, который представляет собой «набор перцептивных возможностей, детерминированных (хотя и в разной степени. — И.М.) самой языковой системой» (Ю.А.Пупынин).

Другой способ преодоления заданности интерпретации — комбинация различных средств высказывания, реализуемая в речи, — позволяет говорящему представить статальный семантический элемент как доминирующий («Потом я почувствовал, что мне скучно и как-то особенно неловко» — М.Горький), как сопряженный с

каким(и)-то другим(и) семантическим(и) элементом(ами) («Она ведь женщина, Николай Ильич, у нее всегда что-нибудь болит» — А.Чехов) или как фоновый («Все волновались, кричали, стучали в дверь» — А.Адамович, Д.Гранин), дублируя, компенсируя, конкретизируя или нейтрализуя те или иные семантические признаки, входящие в комплекс ДСП состояния.

Однако и в этом случае нельзя говорить о полной, неограниченной свободе говорящего в выборе языковых средств. Специфика интерпретации в таком случае обусловлена (не жестко, а как тенденция) положением, позицией, значимостью выбранного говорящим языкового средства в структуре функционально-семантического поля (центр — периферия).

Если выбранное языковое средство находится в центре функционально-семантического поля, то существует большая степень вероятности того, что реализуется закрепленный за ним вид интерпретации: Мне грустно — Мне очень грустно — Мне становится грустно — Мне грустно оттого, что весело тебе. Большинство распространителей работает на уточнение, детализацию заявленной интерпретации, а не на ее преобразование.

Если выбранное языковое средство относится к периферии, то возможность преобразования, модификации закрепленного за данным средством способа интерпретации возрастает, говорящий обладает большими возможностями представить «положение дел» нетривиально, в сопряжении с другими семантическими элементами: «Погода прекрасная, *кратко синее* майское небо» (И.С.Тургенев) — статально-качественная семантика: «За степью блестела на солнце белая полоса соляного озера...» (К.Симонов) — статально-бытийная семантика.

Выбор говорящим языкового средства зависит в большой степени от его целей и предпочтений, но в то же время детерминирован интерпретационным потенциалом, заложенным в системе языка, а также в возможностях модификаций, предоставляемых ему правилами речевого употребления языковых единиц.

Е.О.Менджеричкая
Московский государственный университет

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Термин «когнитивная наука» (cognitive science) появился на Западе совсем недавно. Из его определения в справочнике Джейн Эйтчисон «Introducing Language and Mind», вышедшем в 1992 г. в серии под редакцией Дэвида Кристала («a study which covers areas of knowledge relating to the human ability to think and talk, in particular artificial intelligence, linguistics, psychology and philosophy»), следует, что данное понятие трактуется очень широко, как все относящееся к человеческой способности думать и говорить. Тем самым когнитивная наука переходит в разряд междисциплинарных, а возможно, и наддисциплинарных исследований.

Сейчас в рамках когнитивной науки активно развиваются два направления. Одно из них связано с компьютерными исследованиями, искусственным интеллектом, информационной технологией (к нему, например, принадлежит М.Бирвиш). Другое переходит в область когнитивной грамматики (Р.Лангакер), психологического толкования лингвистических явлений (Л.Лакофф и его теория метафоры, Д.Лич и др.). Это позволяет ученым Центра когнитивных исследований Эдинбургского университета (одного из наиболее авторитетных в данной области) изучать взаимодействие между различными уровнями лингвистической репрезентации, такими, как синтаксис и семантика, а также рассматривать язык как средство выражения мыслей, убеждений и действий людей.

Такой подход к языку не является новым для нашей лингвистической традиции. Лингвостилистический и особенно лингвопоэтический подход к анализу художественного текста, теория глобального вертикального контекста, интерпретация текста ставили во главу угла наличие определенных фоновых знаний у читателя и писателя, которые к тому же должны образовывать так называемый «взаимный код» (shared code), дающий возможность адекватно воспринимать художественное произведение; необходимость учета особенностей личности писателя и читателя при психологическом подходе к художественному творчеству. Но именно когнитивная наука впервые позволяет объединить все эти подходы применительно к анализу художественного произведения.

В нашем понимании когнитивный подход к анализу произведения словесно-художественного творчества базируется на неразрывной связи трех компонентов: 1) социального психологического опыта, знаний, мировоззрения и мироощущения писате-

ля и их отражение в языке; 2) социального психологического опыта, знания, мировоззрения и мироощущения героя и их отражения в языке; 3) социального психологического опыта, знаний, мировоззрения и мироощущения читателя и возможности восприятия им психологии и намерений автора сквозь призму психологии и языка героя произведения.

Поскольку синтаксис является одним из наиболее сильных стилистических средств воздействия на читателя, мы обращаемся прежде всего именно к рассмотрению синтаксического построения художественного текста, анализируя когнитивные основы подобного построения.

Перечислим лишь некоторые возможности когнитивного подхода к анализу синтаксиса женской прозы Великобритании второй половины XX в. (А.Брукнер, Ф.Вэлдон, Б.Пим). Этот подход позволит:

— выявить новую роль известных синтактико-стилистических средств (на примере «afterthought»);

— объективизировать оценку авторского отношения к персонажу;

— по-новому подойти к проблеме разграничения авторской, несобственно-прямой и внутренней речи;

— выделить универсальные и специфические синтаксические средства и приемы;

— выявить особенности ритмической организации речи.

В дальнейшем в рамках когнитивного анализа синтаксиса художественной литературы других периодов и других функциональных стилей (научной прозы, публицистики) возможно рассмотрение проблем языковой нормы в диахроническом и синхроническом аспекте, проблем стиля и характерных синтактико-стилистических средств и приемов, а также проблем восприятия того или иного рода текста.

Таковы основные когнитивные аспекты изучения синтаксиса художественной литературы и некоторые возможности дальнейшего применения когнитивной науки к лингвостилистическим исследованиям.

Л.А.Новикова

Тюменский государственный университет

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

1. Сообщение построено на материале окающих старожильческих говоров Тюменской области. Как следует из названия, в основном речь пойдет об этикетных формулах (ЭФ) только тематической группы приветствий, однако будут приводиться также и некоторые пожелания и поздравления, функционально близкие к приветствиям и часто совмещающиеся с ними в одном слове или фразе. ЭФ диалектного языка сопоставляются с ЭФ литературного языка (описанными, в частности, Н.И.Формановской). Описываются ЭФ, зафиксированные в обычной речи, в составе присловий-прибауток, а также частушек, которые являются «главным жанром крестьянской лирической поэзии» и «написаны живым, почти разговорным языком» (Ф.Н.Селиванов).

2. В исследуемых говорах функционируют как общенародные, так и локальные ЭФ приветствий: «Здравствуйте», «Здорово», «Здорово живете», «Здорово ночевали», «Доброго здоровья» или «Доброго здоровьица». Ответные приветствия могут совпадать с первыми, но могут и отличаться от них: вошедшему в дом могут ответить: «Здравствуйте», «Пожалуйте», «Милости просим», «Проходите садитесь, будете гостями». ЭФ приветствий могут сопровождаться фразами: «Здравствуйте, как поживаете?», «Здравствуйте, что новенького?» и т.д. Ответные реплики могут включать шутливые или насмешливые прибаутки-присловия: «Здравствуйте-то здравствуйте, да не шибко хвастайте»; «Что новенького? Да принесла [родила] баба голенького»; «Гости на гости — хозяину радости» и т.п. Приветствия типа городских «Доброе утро», «Добрый день» и подобные в речи представителей старшего поколения не встречаются, зато они часто включаются в стандартные зачины писем; так, письма одной из информанток, адресованные мужу на фронт, начинались всегда одинаково: «Добрый день или вечер, здравствуй...» Интересно, что зафиксированы частушки, воспроизводящие зачины писем: «Добрый день, веселый час, Счастливая минуточка, Здравствуй, аленький цветочек, Коля-незабудочка».

3. Особую группу составляют ЭФ приветствий (пожеланий, поздравлений), связанных с какими-либо трудовыми процессами; в такой ситуации чаще всего звучат приветствия-пожелания: «Бог в помощь (Бог в помочь)» и «Помогает Бог». Ответными репликами могут быть: «Спасибо», «Бог на помощь». В качестве ответа может прозвучать и присловие: «Бог да Бог, да сам не будь плох». Отмеченные приветствия-пожелания часто встречаются в частушках: «Пшенку жала, пшенку

жала, пшенку жала у реки, Боля мой сказал: «Бог в помощь», — Серпик выпал из руки»; «На колоде сидит утка, Воду черпает Анютка. «Божья помощь, Аннушка». — «Спасибо, милый Ванюшка». Занимающемуся уборкой адресуют: «Беленько вам»; а стирающему белье — «Корыту сто рубах». Везущему сено, несущему хлеб могут сказать: «Возить вам — не перевозить», «Носить вам — не переносить».

4. Разнообразны ЭФ праздничных и тому подобных присловий-пожеланий. Так, на Пасху приветствовали друг друга: «С праздничком Вас, со Светлым Христовым Воскресеньем, Христос воскрес»; ответная реплика — «Воистину воскрес». Еще недавно в деревнях в день Рождества Христова по домам ходили «славельщики» (обычно дети) и «славили Христа»; после гимна в честь Христа «славельшики» говорили: «Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой, с праздничком, Рождеством Христовым». Хозяйка, угостив детей, отвечала: «Вас с ранним образом, молодцы удалы (или девицы красны)». Но даже рождественский гимн мог завершиться присловьем: «Если не дадите пирога, уведу корову за рога», что, впрочем, воспринималось как нарушение нормы. За праздничным столом можно услышать: «С праздником» или «С праздничком»; «Со свиданьем», «Со свиданьем»; «На доброе здоровье», «На доброе здоровьице»; «Поздравляю вас с Певым маем»; «Поздравляю вас с Восьмым мартом» и т.д. В качестве ответных могут быть самые разнообразные реплики, в том числе: «Пилось бы да елось, да работушка на ум не шла». Принимающему пищу пожелают: «Приятной аппетит», на что он может ответить: «Не жевано летит». Принятие пищи может сопровождаться и другим диалогом: «Хлеб да соль — «Садись (садитесь) со мной (с нами)». Возможны при этом и шуточные или насмешливые присловия: «Ем, да свой»; «Посмотри да постой» и др. Вымывшегося в бане приветствуют фразами: «С легким паром», «Легким парчиком» или говорят: «Пар в баньке», на что тот отвечает: «Пар из баньки». После мытья вымывшийся может обратиться и к самой «баньке»: «Спасибо тебе, матушка-банюшка: нам — на доброе здоровье, тебе — на долгое стоянье». Интересен и богат набор поздравлений-пожеланий чихнувшему: «Будь здорова», «Будь счастлива», «Будь талантливая», «Будь говорливая, забавливая».

5. В качестве некоторых выводов можно отметить: 1) зафиксированные в говорах ЭФ приветствий разнообразны по форме, часть из них восходит к языческим верованиям, а часть — к христианским; приветственные же присловия, прибаутки — это порождение народной смеховой культуры; 2) разнообразны ЭФ приветствия и по степени употребительности: некоторые из них в настоящее время в системе говоров функционируют как архаизмы.

О.И.Усминский
Тюменский государственный университет

КРИТЕРИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ АНТИНОМИИ «ТЕКСТ — ЧИТАТЕЛЬ»

1. Проблема эстетического значения (ЭЗ) стоит в ряду наиболее спорных и сложных. Она не может быть решена только на основе категориального аппарата лексикологии и семасиологии. Установление ЭЗ невозможно без использования данных и методов прагмалингвистики, психолингвистики, этнографии, истории, социологии, искусствоведения. ЭЗ — семантическое явление, определяемое многими факторами, причем сила факторов колеблется в широком диапазоне. Характер возникновения ЭЗ в качестве «высеченной» контекстом коннотативной семантики, временность ЭЗ и незакрепленность «эстетичности» за лексемами языка обязывает, с одной стороны, трактовать ЭЗ как наведенную «сему». С другой стороны, яркость такой «семы» и ее культурологическая значимость таковы, что термин «значение» не детерминирует формального противоречия.

2. Проверка концепций-критериев ЭЗ показала, что ни порознь, ни в совокупности они не являются надежными при идентификации ЭЗ. Это относится к пониманию ЭЗ Р.Якобсоном (семантическая симметрия и максимальная актуализация значения), О.Загоровской (приращение к значению дополнительного смысла), Ж.Коэном (неожиданность появления элемента в речи).

3. Первым и наиболее надежным критерием ЭЗ является изменение эмоционального состояния читателя. Высокая эмоциональная «индукция» читателя настраивает его на высокую художественную оценку художественного текста (ХТ).

4. Второй критерий ЭЗ обусловлен тем, что эстетическое восприятие читателей в целом настроено на полифункциональность речевых элементов. Поэтому «ролевой параллелизм единиц» оценивается, как правило, весьма положительно. Типичный случай такого параллелизма — аллюзия на вполне понятийное семантическое содержание, вызванная внешне простым звукоподражанием или каламбуром.

5. Третьим стабильным фактором актуализации ЭЗ является когнитивная значимость (КЗ), степень которой превышает уровень психометрической шкалы. КЗ измерялась в двух аспектах: как способность речевого средства ХТ расширить знания читателя о возможностях языка/речи и как способность этого же средства углубить знания о реальном мире.

6. Четвертый сильный фактор-критерий — семантическое прогнозирование со стороны интродуктивного элемента, «оправдание» им «контекста справа», т.е. последовательная объективация ассоциаций, расширение семантической позиции стартового слова или словосочетания. Этот критерий реализуется чаще всего в рамках лексико-семантических разверток.

7. Возможно, эксплицитное срабатывание хотя бы одного из четырех критериев позволяет говорить об актуализированном ЭЗ. Проверка суггестии, полифункциональности и когнитивной значимости осуществляется с привлечением языкового опыта читателей-информантов. Таким образом, семантическое содержание факторо-критериев является, по сути, антропоморфным. ЭЗ может, конечно, пониматься и как временная маркированность речевого элемента. Но, с другой стороны, факторная нагрузка составляющих ЭЗ в силу свободного индексирования информантами может варьироваться в такой высокой степени, что наряду с временной маркированностью ЭЗ допустимо трактовать и как художественно-семантическую переменную.

Н.В.Хорошева
Пермский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (на материале русского и французского языков)

Для разработки проблемы функциональной и социальной дифференциации языка в последние десятилетия характерен интерес к различного рода промежуточным формам существования языка (ФСЯ) — типа полудиалектов, интердиалектов, интержаргонов и т.п., которые формируются во многих современных языках и связаны с социальными процессами. В связи с этим возникает потребность как в решении теоретических проблем (принципы выделения промежуточного образования в системе форм существования языка, признаки его внутривидовой организации, особенности соподчинения данных образований в архисистеме языка и т.п.), так и в разработке методологических и методических основ исследования на материале конкретных языков.

Промежуточные образования в архисистеме национального языка могут быть представлены как минимум двумя типами:

1) формами существования языка, промежуточными между литературным языком (и его разновидностями) и территориальными диалектами как двумя крайними точками функциональной парадигмы всякого развитого современного языка. Это разного рода койне (городские, региональные), просторечие, интердиалекты, полудиалекты и т.п. Основной их дифференциальный признак — «наддиалектность», при доминировании социальных параметров над территориальными;

2) образованиями, промежуточными между литературным языком (и его разновидностями, прежде всего обиходно-разговорной речью) и социальными диалектами. В частности, данной природой обладают так называемый интержаргон в русском языке и общее арго во французском языке. В качестве родового наименования таких промежуточных подсистем предлагается термин «социально-диалектное койне» (СДК). Основной дифференциальный признак этого типа промежуточных ФСЯ — неабсолютная социальная открепленность.

В целом промежуточное образование в функциональной парадигме национального языка можно определить как специфический функциональный интегрант высшей (высших) ФСЯ, реализуемый в единицах низшей ФСЯ.

Предмет научного интереса автора — функционирование СДК во французском и русском языках, изучение ряда его социолингвистических переменных и поиск некоторых тенденций дальнейшего развития СДК в социальном контексте города. Методологическая основа исследования — положение о социальной маркированности компонентов архисистемы языка, предполагающей не только стратификационную, но и ситуативную вариативность. Поскольку объект имеет двойственную природу, весь методический аппарат нацелен на соотнесение данных объективного плана (реальные условия функционирования СДК) и субъективного плана (оценки говорящим лексикой СДК, влияние ценностной ориентации («стиля жизни») говорящих на функционирование общего арго и интержаргона и т.д.).

Содержание исследования имеет три плана:

1) экстралингвистический план — это изучение ряда социальных и национально-культурных факторов, которые оказывают существенное влияние на характер СДК и ненормативных сфер языка в целом. Так, во французском языке общее аргю имеет гораздо меньшую степень социальной непрестижности, нежели жаргоны в русском языке;

2) социолингвистический план предусматривает изучение функционирования СДК в социальном контексте современного города. Исследование касается таких проблем, как особенности функционирования языка в разных социальных группах и слоях, различия в употреблении общего аргю и интержаргона носителями литературного языка, специфика ситуативности СДК в каждом из языков, оценка СДК говорящими и т.д. Постоянному учету подлежат динамические процессы, наблюдаемые в данной сфере, — как по «горизонтали» (перемещение лексики из одного социального диалекта в другой), так и по «вертикали» (перемещение в сферу просторечия и обиходной речи). Исследование проводится методом комплексного анкетирования среди информантов двух периферийных городов — г.Перми (Россия) и г.По (Франция);

3) лингвистический план нацелен на выявление специфических лингвистических признаков СДК, рассмотрение семантико-семиологических и структурных характеристик данных лексических единиц.

Думается, что данное сравнительное исследование положит начало комплексному изучению промежуточных форм существования языка в сложном и динамичном социально-культурном пространстве современного города.

Раздел 7. ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

7.1. Общие вопросы изучения текста

И.Р.Игнатченко

Институт русского языка им. А.С.Пушкина (Москва)

ЗАКОН ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В ТЕКСТЕ

1. Речевое поведение говорящего, отрывистость его речи определяются законом экономии сил. Применительно к языку этот закон заключается в пропуске целых предложений, отдельных слов и их элементов, которые не нужны для точного выражения мысли.

Однако эллиптическое сокращение речи возможно не только в силу сугубо прагматических причин, она может иметь под собой и другие основания. Во-первых, прерванность речи может объясняться бедностью лексического запаса отдельной языковой личности, когда недостает слов для выражения общеизвестных понятий. Во-вторых, сознательный, а не стихийный пропуск отдельных компонентов может иметь целью усиление выразительных возможностей языка, придание ему большей экспрессивной силы. В учебниках, пособиях, справочных изданиях прочно укоренилось представление об эллипсисе как о стилистической фигуре умолчания.

2. Универсальность закона языковой экономии становится очевидной как при сопоставлении различных языков, так и при сопоставлении различных уровней внутри одного языка. Минимизации подвержены единицы всех языковых уровней: фонемы и морфемы внутри слова, отдельные слова и целые предложения. Наиболее частотной реализацией закона языковой экономии является минимизация отдельных слов или групп слов внутри предложения, которое в определенных условиях функционирования, сохраняя коммуникативную полноту, утрачивает полноту структурную, приобретая статус неполного предложения. Неполные предложения можно рассматривать как способ языковой экономии.

3. Действие закона языковой экономии специфично в различных языках. Не всегда можно перевести неполное предложение с одного языка на другой таким же неполным предложением, хотя этот тип имеется в обоих языках. Особенно остро это ощущают те, кто изучает иностранный язык. Специфичность каждого языка в области эллипсиса связана: а) с языковым пределом минимизации; б) с речевым пределом минимизации.

Не всегда навыки минимизации, полученные при изучении родного языка, могут быть перенесены на изучаемый.

Для сокращения предложения в соответствии с выражаемой мыслью необходимо знание пределов минимизации. Знание языковых пределов в том или ином языке не сопряжено с какими-либо объективными трудностями. Учащимся достаточно получить необходимые сведения, чтобы знать, что, например, в русском языке все предложение может быть представлено одним второстепенным членом предложения, выраженным любой частью речи, вплоть до служебных. Такие сведения учащиеся обычно усваивают без особого труда.

Гораздо большую трудность представляет знание речевых пределов минимизации, и здесь иностранец, изучающий любой неродной язык, сталкивается с поистине огромными трудностями. Знание только языкового предела становится явно недостаточным, так как в каждой конкретной ситуации этот предел варьируется в зависимости от коммуникативной достаточности высказывания. Например, известно, что в русском языке предложение может минимизироваться, будучи эксплицитно представленным только одним главным членом предложения — сказуемым или подлежащим, которое может быть выражено личным местоимением. Это языковой предел минимизации. Например, в отрывке: «— Это она тебя бросила? — Она» — языковой предел минимизации совпадает с речевым. Однако если при минимизации полагаться только на языковой предел, то при сохранении референции предложение «Она» в следующем отрывке будет коммуникативно недостаточным: «— Это ты ее бросил? — Нет, она меня». В данном случае речевой предел минимизации, являясь речевой нормой, не совпадает с языковым. Знание только языкового предела может привести к ошибке.

Носитель языка, опираясь на свое языковое чутье, определяет речевой предел минимизации интуитивно. Говорить о языковом чутье у иностранца (имеется в виду по отношению к неродному языку), изучающего язык, скажем, у себя на родине вне языковой среды, где бы он мог слышать образцы правильно минимизированной речи, как нам кажется, не имеет смысла, так как в данном случае языковое чутье

попросту отсутствует, и там, где на него может полагаться носитель языка, оно не срывается у иностранца.

В этих условиях могут помочь специально сформулированные правила минимизации (только указания на то, что сокращаются все компоненты, ранее названные в тексте, недостаточно — см. первый пример). Однако до сих пор такие правила созданы не были, хотя попытки делались. Причина подобного положения дел, по-видимому, в том, что сама возможность создания таких правил подвергалась сомнению.

В.В.Красных
Московский государственный университет

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Текст есть речевое произведение, которое начинается репликой, не имеющей вербально выраженного стимула, и заканчивается последней вербально выраженной реакцией на стимул (вербальный или невербальный).

2. В тексте реализуются различные манифестации языка. Совокупность таких манифестаций, устных и письменных, ситуативно и контекстуально обусловленных, суть дискурс.

3. Дискурсный анализ предполагает рассмотрение всех потенциальных возможностей, ингерентно заложенных в тексте и реализованных в конкретных речевых ситуациях.

4. При дискурсом подходе текст понимается как некое речевое произведение, структурное или формальное изменение которого невозможно без изменения или потери смысла, так как весь текст есть отражение ситуации, и следовательно, любое варьирование формы отражается на содержании текста (всего в целом или его части).

5. Дискурсный анализ может сочетаться, дополняться когнитивным подходом к изучению текста. При этом дискурсный подход позволяет выявить ингерентные характеристики текста, а когнитивный подход дает возможность конкретизации данных свойств с учетом языковой личности адресанта (говорящего). Следовательно, дискурсный анализ — это движение от речи к языку, в то время как когнитивный подход — это движение от речи к языковой личности.

6. Совмещение данных подходов обеспечивает возможность комплексного, глобального осмысления текста как такового и законов его построения, ибо позволяет рассматривать текст на разных этапах его существования — от момента порождения до момента восприятия адресатом.

Э.А.Лазарева
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ЦЕНТР СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Языковая личность — «единое организующее начало, единый стержень» (Ю.Н.Капулов), который интегрирует содержание, оформление, определяет структуру средств массовой информации (СМИ), функционирующих в обществе в тот или иной период. В формировании лица прессы, электронных СМИ участвуют коммуникативные потребности совокупной читательской аудитории, ее коммуникативные ожидания и готовность. Совокупный потребитель СМИ взаимодействует через восприятие текстов с совокупным ритором, автором. Остановимся на том, как коммуникативные интересы личности по восприятию текста газеты в целом определяют ее сущностные свойства, формируют ее специфику.

Газета в целом или отдельный ее номер, с точки зрения воспринимающей личности, это целостный текстовый континуум, составной текст, объединенный единством журналистской концепции, выраженной в модели газеты. Совокупность разных газет, выходящих в определенный период, является свертхтекстом, который, в свою очередь, входит в свертхтекст, составленный из разных СМИ (пресса, журналы, радио, ТВ). Наличие подобного свертхтекста определяется потребностями языковой личности, одной из необходимых сторон деятельности которой является познание окружающего мира через восприятие информации, передаваемой в СМИ.

Газета как вид текста отличается коммуникативной направленностью, ориентированностью на читательское восприятие. Сущностное свойство газеты, определяющее ее строение и особенности функционирования, — это предрасположенность к коммуникативной модифицируемости. Газета представляет собой открытый текст,

видоизменяемый в зависимости от способа чтения и объема той информации, которую реципиент получил за время чтения. Совокупный текст газетного выпуска и серии выпусков имеет разную конфигурацию, определяемую интересами читателя, имеющимся временем для прочтения выпуска, психологическими условиями восприятия. Свойство коммуникативной модифицируемости присуще и другим составным текстам СМИ — радио- и телетекстам. Сверхтекст газет передает единую картину мира, формируемую совокупным ритором, автором, и воспринимаемую реципиентами. Членение картины мира, ее систематизация осуществляется с помощью специальных газетных средств: рубрикации тематических полос/подборок.

Газета и вместе с ней другие СМИ создают вертикальный контекст, определяющий фоновые знания личности. Например, современная нам языковая личность как член общества непременно обладает знаниями о событиях в Чечне, поскольку эти сведения в том или ином объеме, с той или другой точки зрения передаются всеми СМИ: газетой, РВ, ТВ. В определенном смысле сведения, составляющие вертикальный контекст СМИ, являются тем интегрирующими началом, которое как бы маркирует личность, придает ей черты современного человека, жителя определенной страны, имеющего конкретные национально-культурные особенности. Человек в современном обществе формируется под влиянием СМИ, даже если он не любит газету и не смотрит передачи ТВ: их содержание так или иначе передается в процессе бытовых или официальных коммуникативных контактов, в пересказах и обсуждениях.

Примечательная особенность современной языковой личности в статусе реципиента СМИ заключается в том, что она испытывает огромное влияние рекламы, размещаемой во всех средствах СМИ (в прессе, электронных СМИ). Широкое, «обвальное» и стремительное распространение в нашей стране рекламы, ее новизна и необычность пробуждают у наших граждан целую гамму разнообразных эмоций — от положительных до резко негативных. Вертикальный контекст, создающий фоновые знания современной языковой личности, в качестве обязательной своей составляющей включает в себя следы «рекламных текстов». Интегрирующая функция современной рекламы для российской языковой личности проявляется прежде всего в ее общеизвестности. Так, персонажи рекламных текстов АО «МММ» (Леня Голубков, его жена, Марина Сергеевна, ее жених, его брат и т.д.) стали героями газетных сообщений, сценок в разнообразных капустниках, выступлениях эстрадных артистов. Указанный вертикальный контекст может быть использован и в заголовках газетных публикаций: «Спорить с Чубайсом — не в шахматы играть. Вслед за «МММ» государство атакует «Хопер» (Известия), поскольку рекламные ситуации общеизвестны. Современная российская реклама, отражая особенности, к сожалению, типичной массовой личности, создает собственный оригинальный рекламный образ, основанный на изображении среднего, даже усредненного человека (Леня Голубков и его окружение в «МММ», напористая дама, военный, девушки с чаем и акциями, семья с тортом в «Хопер-Инвест»). Эти образы тиражируются в сверхтексте СМИ, входят в сознание современной языковой личности, в каком-то смысле даже объединяют людей, активно используются в речи (вспомним из рекламы «МММ»: «Я не какой-нибудь халявщик»), пробуждая эмоции, зачастую негативные.

Н.Е.Сулименко

Санкт-Петербургский государственный педагогический университет

О НЕКОТОРЫХ ОБЩЕНАУЧНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

При антропоцентрическом подходе к языку как способу представления ассоциативно-вербальной сети, как средству объективации когнитивно-прагматической деятельности и коммуникативной интенции внимание лингвиста привлекают попытки установления закономерностей психической активности с учетом общих законов природы (В.М.Бехтерев, С.Харитонов и др.). В числе таких космических законов названы законы сохранения энергии, закон энтропии, эволюции, приспособляемости, отбора. Глубокие аналогии в поведении сложных самоорганизующихся высокоадаптивных систем, изучаемых как естественными, так и гуманитарными науками, пытается выявить синергетика (И.Пригожин, Г.Хакен, А.Б.Коган).

Антиэнтропийная направленность психической деятельности человека имеет своим проявлением внесение гармонизирующего начала в процессы социального взаимодействия: осуществления совместных действий, воздействия, регулирования поведения. Последняя функция опирается на соблюдение общих этических принципов и норм, нарушение которых ведет к угрозе распада человеческого сообщества как высокоорганизованной социальной структуры. Осознание уникальности человеческой личности

как условия существования сложной системы, которую представляет человечество в целом, тоска по «включенности» в эту систему и страх перед отчуждением от нее, переживаемый как угроза ее целостности, перед разобщенностью взаимонуждающихся индивидуумов и их групп (родственных, дружеских и иных) особенно отчетливо выступает при художественном, образном способе освоения действительности и реализуется в лексической структуре текста как способе объективации модели сознания.

В силу этой обусловленности лексическое структурирование текста также имеет неэнтропийную направленность (которая усиливается влиянием лексико-системных факторов) и различные формы своего обнаружения. Среди них можно назвать:

1) лексическое представление «семантической темы» текста и замысла как способа ее интерпретации в наборе ключевых и ассоциативно связанных с ними и «привязанных» к ним слов (тематическая сетка, ассоциативное поле текста);

2) лексическая презентация деструктивных миров (мира абсурда, распада человеческой и природной среды, порожденных технократической цивилизацией, тоталитарным, милитаризованным сознанием, бюрократической системой, утратой нравственных ориентиров);

3) способы метафоризации в создании семантики возможных миров, включая конструктивные, в освоении психологической реальности;

4) лексическая разработка культурных концептов (человек, судьба, свобода, вера, справедливость и др.);

5) лексические сигналы включенности адресата в коммуникацию, в том числе совокупность лексических организованных стилистических приемов (создание прототипического эффекта, речевого контраста на базе денотативных и коннотативных компонентов лексического значения, утаивание информации, метаязыковая деятельность, повторы и др.);

6) лексические маркеры типа текста, его жанра, типа повествования в освещении темы, ее включенности в культурное пространство (внетекстовые, межтекстовые и внутритекстовые связи).

В качестве иллюстративного привлекается материал художественной прозы А.Битова.

Э.В.Чепкина

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФЕЛЬЕТОНА В ГАЗЕТЕ (АВТОР И АДРЕСАТ)

Автора и адресата любого газетного текста мы рассматриваем в качестве сугубо внутритекстовых явлений, принципиально отграничивая их от реальной (биографической) личности создателя текста и от любого возможного реального читателя этого текста. В произведениях газетно-публицистического функционального стиля автор традиционно выступает как поставщик информации и носитель социально значимой оценки предмета речи. Он обращается к гипотетическому адресату, наделенному чертами, близкими к типичным характеристикам реальной аудитории конкретного издания (возраст, важнейшие мировоззренческие, ценностные ориентации и т.д.), тем самым для реального читателя создается возможность отождествления себя с этим внутритекстовым адресатом.

Фельетон отличается от других газетных жанров тем, что, помимо стандартной коммуникативной рамки (журналист — гипотетический типичный адресат), он имеет второй коммуникативный план, включающий иронического повествователя с соответствующим ироническим адресатом, действующим в условной, неverifiedируемой ситуации общения. Эта вторая пара коммуникантов всегда представляет собой сатирически, комически заостренный образ, часто типизированный, очерченный одной-двумя основными характеристиками. В качестве последних могут выступать яркие особенности поведения, мировосприятия, эмоционального реагирования (например, подчеркнутая алогичность и эмоциональность рассуждений повествователя в фельетонах М.Лебедевой «Между нами женщинами». При этом адресат, от которого ожидается сочувственное понимание оказывается наделенным сходными психологическими качествами).

«Маска» повествователя, как правило, создается средствами сказа или сказового повествования от третьего лица. Обычно автор фельетона не выдерживает избранную роль до конца и рано или поздно снимает «маску», прямо обращаясь к серьезному (а не комическому) адресату-читателю как журналист, публицист. В этом случае в тексте получают эксплицитное выражение оба коммуникативных плана. Иногда надевание и снятие «маски» специально обыгрывается, т.е. прием обнажается. Когда

же автор-журналист в тексте не эксплицирован, «серьезный» коммуникативный план фельетон получает за счет самого факта его публикации на газетной полосе, функционирования в рамках номера газеты как единого текста.

Два коммуникативных плана фельетона, как правило, находятся в контрасте по отношению друг к другу. Буквальное содержание высказываний повествователя направляется комическому адресату, а смысл фельетона обращен к другому адресату, близкому реальному читателю газеты, что объясняет ведущую роль подтекста в фельетонных произведениях, отмечаемую многими исследователями. При этом смех объединяет и уравнивает «серьезных» коммуникантов, делает их равноправными собеседниками, единомышленниками. Разумеется, чтобы вместе посмеяться, автор-журналист и гипотетический читатель-адресат должны, по крайней мере, иметь общие базовые ценности и обладать чувством юмора.

В.Д. Черняк

Санкт-Петербургский государственный педагогический университет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ АВТОРА

Коммуникативные ориентации в исследовании синонимов, не получившие до сих пор необходимого развития, заставляют связать речевую предназначенность синонимов с когнитивными стратегиями говорящего. Выделенные ван Дейком стратегические шаги, формирующие структуру дискурса и его фрагментов, такие, как «пояснение», «уточнение», «поправка», «повтор», «смягчение», «установление контраста», непосредственно связаны с использованием синонимических средств, прежде всего лексических синонимов.

Особую роль играют синонимы в лексической организации текста. Синонимическое варьирование как результат осознанного выбора адресанта отражает коммуникативные установки автора, своеобразие его языковой личности. Ряд синонимов оказывается семантическим фокусом, стимулирующим концентрацию внимания на определенной мысли, средством закрепления информации в сознании читателя. При намеренном соположении синонимов в сознании читателя актуализируются различия, создающие эффект усиления, интенсификации, уточнения и детализации. Ср. текстовую экспликацию отмеченного явления в следующем текстовом фрагменте:

«— Все-таки выследил, филер проклятый! — задыхаясь от ненависти, проговорил он [Диаматыч] — Шпион... Сексот... Стукач... Доносчик...

Сосредоточившись на разнообразии слов, обозначающих в русском языке эту древнюю профессию, я поначалу не въехал, что в данном конкретном случае сказанное относится непосредственно ко мне...» (Поляков Ю. Парижская любовь Кости Гуманкова).

Сочетание нескольких «конденсированных участков» в тексте является сильным средством создания экспрессивности более развернутых текстовых фрагментов. Коммуникативная предназначенность синонимов связана с необходимостью «точного выражения нетавтологических мыслей» (Г.В. Колшанский).

При обращении к совокупности текстов, связанных с одной концептуальной сферой, обращает на себя внимание регулярность эксплуатации говорящими определенного набора синонимических средств.

Необходимость обращения к определенному фрейму предполагает активизацию индивидуальных файлов, свободное оперирование представленными в них лексемами. Естественно, что лексическая структура жестко построенных текстов в большей степени соотносится со стандартным тезаурусом, свобода же оперирования синонимическими средствами, как правило, означает преодоление стандарта. Осознанное и коммуникативно точное использование синонимов отражает движение авторской мысли, ее возможные корректировки в процессе коммуникации, настраивает на одну семантическую волну автора и читателя, реализует прагматические интенции автора.

При выборе между альтернативными способами выражения примерно одного и того же содержания особое значение имеет стратегическое использование говорящим «стилистических маркеров» (Дейк, Кинч), позволяющих учесть свойства участников коммуникации, социальные отношения между ними.

Синонимические ряды в совокупности своих связей обладают способностью оказывать существенное влияние на формирование лексической структуры текста, рисунок же синонимической сети в значительной степени зависит от личностного фактора, от отношений между субъектом и адресатом речи и в конечном итоге от функционально-стилистической принадлежности текста.

ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ «БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ» СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СФЕРЕ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭВОКАЦИИ

Традиционно теория художественной эвокации (воспроизведения) строится на основе сопоставительного исследования «общего» языка и языка художественной литературы.

Стремление лингвистики наших дней к преодолению «бесчеловечности современной лингвистической парадигмы» (Ю.Н.Караулов) требует пересмотра и теории художественной эвокации. Этот пересмотр может быть осуществлен на основе, по крайней мере, двух следующих положений. Первое: на основе признания художественной эвокации специфической деятельностью «человека говорящего» (Ю.Н.Караулов), содержанием которой является целенаправленная, функционально значимая, творчески протекающая реализация репрезентативной функции языка. Эвокация как деятельность представляет собой систему, состоящую из следующих компонентов: объекта воспроизведения, продукта воспроизведения и средства воспроизведения, организуемых процессом воспроизведения как центральным компонентом деятельности. Второе: квалификация эвокационной деятельности в качестве эпидеятельности по отношению к коммуникативной деятельности «человека говорящего». Это позволяет оценить субъекта эвокационной деятельности на основе характеристики субъекта коммуникативной деятельности как расчлененного двуединства «субъекта говорящего — субъекта слушающего», оставляющего «следы» в тексте как срединном звене акта коммуникативной деятельности — в виде образа автора и образа адресата.

Из сказанного вытекает возможность выдвинуть в качестве начала «человечности» как фундаментального фактора, обеспечивающего пересмотр теории художественной эвокации, активность субъекта эвокационной деятельности, запускающую и регулируюшую процесс воспроизведения как центральный компонент деятельности.

Активность субъекта эвокационной деятельности проистекает из активности сознаний субъекта говорящего и субъекта слушающего. При этом феномен сознания интерпретируется не как форма отражения действительности, а как сущностное свойство, входящее в определение деятельности и личности, что позволяет выделить в сознании два слоя — бытийный и рефлексивный (Е.П.Велихов, В.П.Зинченко, В.А.Лекторский) и разгадать и объяснить «игру» субъекта с «рефлексивностью поэтического слова» (Г.О.Винокур).

Активность субъекта эвокационной деятельности имеет своим содержанием конструирование-реконструирование не только собственных эвокационных деятельностей, но и эвокационных деятельностей друг друга. Эвокационная деятельность вне активности субъекта невозможна в принципе; это относится прежде всего к эвокации в эстетической сфере (что касается характера и меры активности, то это другой вопрос).

В качестве иллюстративного материала в докладе будут использованы факты эвокации смешанной коммуникации в эпической прозе В.М.Шукшина.

7.2. Тексты разных функциональных стилей

А.Ф.Бадаев, Ю.В.Казарин
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

ОПЫТ ГРАФИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале русской поэзии)

1. Формальная сторона поэтического текста — поэтическая графика — до сих пор исследована недостаточно полно. Ученые-стиховеды обычно уделяли большое внимание описанию и анализу графической специфики образцов западноевропейской поэзии, в частности французской (см. работы Н.Балашова, Т.Балашовой и др.). Однако в последние годы появились работы, посвященные исследованию данного явления в русской поэзии, большей частью — поэтической графике поэтов-футуристов, формалистов и постмодернистов (см. книги и статьи Р.Дуганова, Ры Никоновой-Таршис, Ю.Молок и др.).

2. Поэтическая графика — явление сложное, комплексное, обусловленное не только своей функцией и смыслами, реализованными в текстах, но и принадлежностью автора к тому или иному литературному направлению, группе, поэтической школе и традиции. Это явление строфическое и — с формальной точки зрения —

зависит, с одной стороны, от тех художественных задач, которые решаются поэтом, а с другой стороны, от композиционных особенностей строфы. Поэтическая графика может пониматься достаточно упрощенно — как рисунок строфы, ее контур, абрис. Однако объективно данное явление может пониматься в двух смыслах — широком и узком: широкое понимание его включает в себя в основном строфическое, абзацное (для свободного стиха) членение текста; узкое понимание учитывает конкретный графический рисунок, графическую специфику абзаца, строфы целого текста.

3. «Фигурные стихи» известны в мировой литературе с IV в. до н.э. В России такие стихи впервые появились в XVII в. у Симеона Полоцкого, затем они встречаются в XIX в. у Апухтина, Рукавишникова, в XX в. у Брюсова, у футуристов (А. Крученых, В. Маяковский и др.). Можно также говорить о современных «фигурных стихах» (опыты И. Бродского, А. Вознесенского и др.).

4. Одним из самых ярких и последовательных теоретиков-практиков «графического стиха» был А. Крученых, его классификация «разновидностей фактуры слова» до сих пор актуальна и включает в себя звуковую, слоговую, ритмическую, смысловую, синтаксическую фактуру, а также фактуру начертания, раскраски и чтения.

Анализ графической стороны поэтических текстов русской поэзии XX в. (всего 49 текстов) позволил выявить следующие функциональные типы графики: графику декоративную, выделительную, геометрическую, изобразительную и др.

5. Наиболее перспективным продолжением исследования графической стороны поэтического текста мы видим анализ и выявление связей поэтической графики с теми смыслами, которые реализуются в тексте. Такой анализ показал возможность выделения трех типов графики — орнаментальной, изобразительной и текстосмысловой.

И. С. Бедрина

Уральская юридическая академия (Екатеринбург)

АВТОРСКАЯ ГИПОТЕЗА В СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Если рассматривать текст как коммуникативно детерминированную речевую реализацию авторского замысла, закономерно выделение текстовых категорий особого рода — функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК). ФССК выделены в рамках функциональной стилистики (М. Н. Кожин) и представляют собой системы разноуровневых языковых средств, взаимосвязанных функционально-семантически на текстовой плоскости (в той или иной группе текстов, функциональном стиле), т.е. выполняющих единую коммуникативную функцию, обладающих единым значением и, кроме того, структурированных по принципу поля.

Предметом нашего исследования является функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности (ФССКгип) в английских научных текстах. Под гипотетичностью мы понимаем разнообразный спектр оттенков этого понятия, таких, как предложение, ирреальность, возможность, проблематичность, сомнение, неуверенность, прогнозирование, допущение, догадка, вероятность.

Гипотетичность как неотъемлемая часть процесса научного познания и научного мышления неизбежно находит выражение в продуктах научно-познавательной деятельности субъекта — научных текстах. Анализ научных текстов показывает наличие на текстовой плоскости системы разноуровневых языковых единиц, обладающих общим значением, выступающих в функции оформления гипотетичности и имеющих полевою структуру. Это первый этап в исследовании ФССКгип. Второй этап — исследование динамики ФССКгип в целом научном тексте.

ФССКгип является основой построения любого научного текста эвристического характера, так как текст пишется для сообщения концепции автора, включающей доказательство авторской гипотезы. Представленные в тексте другие текстовые категории «замкнуты» на репрезентации авторской гипотезы, которая является и основной коммуникативной линией текста как коммуникативной системы.

Анализ ФССКгип на материале 25 целых научных произведений, проведенный через фазисный план научного текста и основанный на широком понимании основной авторской гипотезы как совокупности всех этапов речемыслительной деятельности автора в ходе решения проблемы (проблема — идея = гипотеза — интерпретация гипотезы — идея = утверждение), показал, что основная авторская гипотеза является фундаментом структурно-содержательной организации научного текста. Она воплощается во всех планах интерпретационно-смысловой модели (ИСМ) — гипотетической модели научного текста, отражающей деятельность разных сфер сознания субъекта речи и позволяющей соотнести функционально-структурную

схему уровней работы продуктивного мышления в ситуации решения творческой задачи со смысловой структурой текста (Л.М.Лапп): в фазисном плане, репрезентирующем динамику развития знания от гипотетического к достоверному; предметном, отражающем модель внутреннего образа фрагмента действительности; реляционном, эксплицирующем авторскую рефлексия по отношению к предметной области деятельности, а также к своей мыслительной деятельности; операциональном, выражающем методику осуществления автором исследовательской программы.

ФССКгип реализуется также в трех аспектах научного знания (М.П.Ктюрова): онтологическом, аксиологическом и методическом. Динамика ФССКгип, реализуемой в онтологическом аспекте научного знания, выражается через динамику основных и уточняющих понятий. Динамика ФССКгип, реализуемой в аксиологическом аспекте научного знания, выражается через динамику качественного изменения общей модальной тональности научного текста по мере прохождения автором этапов решения проблемы. Динамика ФССКгип, реализуемой в методологическом аспекте научного знания, выражается в динамике мыслительных операций, в результате которых интерпретируются, уточняются и анализируются основные понятия и устанавливаются логико-семантические отношения между исходными, основными и уточняющими понятиями.

ФССКгип, таким образом, является фундаментальной текстовой категорией и, по существу, конституирует научный текст теоретического характера, который создается для доказательства основной авторской гипотезы.

С.М.Белякова

Тюменский государственный университет

МИКРОПОЛЕ «СНЕГ» В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX в.

Всеобъемлющий антропоцентризм языка может проявляться в лексике в форме существования в ней концептов. Данное понятие трактуется нами, вслед за Д.С.Лихачевым, как «некие «потенции» значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом». В известных нам работах анализировались слова с отвлеченным значением, представляемые как концепты. Первоначально для рассмотрения была взята лексема *снег*, имеющая конкретное значение, однако в ходе работы мы пришли к необходимости исследования всего микрополя. Функционирование микрополя рассматривается на материале языка русской поэзии XX в. Для выборки привлечены тексты 16 поэтов: А.Ахматовой, М.Цветаевой, А.Блока, Б.Пастернака, В.Нарбута, М.Волошина, Б.Поплавского, С.Есенина, И.Бунина, М.Кузмина, М.Светлова, И.Сельвинского, А.Тарковского, Н.Рубцова, В.Соколова, А.Жигулина. Употребляясь, как правило, в прямом номинативном значении, лексемы микрополя «снег» обрастают в стихотворном тексте различными коннотациями и могут приобретать символическое значение. Направления ассоциаций микрополя выделяются достаточно четко. При этом они являются разнонаправленными, прямо противоположными, что может объясняться субъективным восприятием явлений природы поэтами. Основных направлений четыре: радость; тоска (страх, отрицательные эмоции); любовь; смерть. Есть и другие, менее выраженные: творчество (поэзия), слава, память, время (эпоха), Родина.

Рассмотрим в качестве примера ассоциативные ряды *снег — смерть — война* и *снег — сон — смерть*. Это очень мощные ассоциативные ряды в русской лирике. Они широко представлены у Цветаевой, Бунина, Рубцова, Тарковского, отмечены также у Ахматовой, Блока, Поплавского, Светлова, Сельвинского. Например: мертвый снег (Рубц.); снежный прах (Бл., Ахм.); умер, снегами отпетый (Рубц.); как убитые, спят снега (Паст.). Часта сочетаемость слов данного микрополя со словом *кладбище* (погост): поле в снегу и погост (Паст.); на ветхом кладбище сугробы (Рубц.). Важной является оппозиция: жизнь (рождение) — снег. Например: вы прожили свой краткий век... и ваши кудри, ваши бачки засыпал снег (Цвет.); не бывать тебе в живых, со снегу не встать (Ахм.). Данные ряды базируются на целом наборе компонентов в значении слова *снег*. Прежде всего это денотативная сема 'холодный'. Определенным образом может актуализироваться и сема 'белый' — цвет бинтов, госпиталя. Важным является коннотативный (культурно-исторический) компонент — 'гибель на поле боя (Война 1812 г., Великая Отечественная война)', а также ассоциация со смертельным ранением Пушкина. Чрезвычайно важной является и звуковая структура слов *снег* и *смерть*, они построены по единой схеме: *с* — сонорный звук — *е* — согласный (-ые).

Рассмотрим некоторые особенности отдельных лексем, входящих в данное микрополе.

1. Лексема *снег*¹ чаще всего обладает положительной оценкой, соответствующее явление воспринимается радостно. Однако возможно и грустное, даже трагическое восприятие, что реализуется в контекстах типа: засыпал снег, заносит снегом.

2. Лексема *снег*² обычно развивает отрицательную коннотацию, ассоциации со смертью.

3. В отличие от нейтра. *снег*² форма мн.ч. *снега* употребляется главным образом в языке художественной литературы. Она также вызывает грустные ассоциации: снега оцепенели (Рубц.), закованной в снега (Бл.). Лексема может нести стилистическую окраску торжественности, возвышенности: парадные снега (Ахм.), снегов не касаясь стопой (Тарк.).

4. Слова *метель* — *вьюга*, подаваемые в словарях как синонимы, в поэтической речи несколько различаются. Слово *метель* содержит, как правило, положительную оценку, *вьюга* — отрицательную. Это может объясняться наличием семы 'интенсивность' в значении слова *вьюга*. Кроме того, играет роль звуковая сторона слова. В лексеме *метель* мягкие сонорны *м*', *л*' придают ей положительную окраску. Слово же *вьюга* вызывает звуковые и смысловые ассоциации с глаголами *выть*, *завывать*. Ср. также сочетаемость: воеет вьюга, завывала вьюга, — метельная скрипка (Рубц.), метель поет (Бл.).

5. Лексема *сугроб* несет главным образом ассоциации со смертью: гробовой сугроб (Цвет.); кругом сугробы, смерть и сон (Паст.). Ср. в русском фольклоре: в подблюдных песнях *сугроб* означает смерть, *заехать в сугроб* значит 'умереть'.

Таким образом, возможно, не являясь концептом в прямом смысле этого слова, микрополе «снег» тем не менее обладает значительной семантической емкостью в языке русской поэзии, а следовательно, в русском языке и — шире — в русской культуре. При том, что каждый из названных поэтов является яркой индивидуальностью, некие силовые линии, исходящие из данного поля, проходят через язык русской лирики, образуя достаточно четкую картину. Это подтверждение того, что общенародное мировоззрение складывается «как система ассоциативно связанных взглядов, оценок, восприятий, и это происходит не только стихийно, но и под влиянием индивидуальной мыслительной деятельности творческих личностей» (И.Я.Чернухина).

Л.В.Горожанкина

Волгоградский государственный технический университет

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Будучи знаковым по своей природе, текст, художественный в частности, обладает содержательной и формальной сторонами, взаимосвязанными и взаимообусловленными, что детерминирует определенность и выборочность языковых средств и закономерностей их функционирования. При анализе реализации языковых единиц, категорий в системе текста естественным и необходимым является обращение к его содержательной стороне, так как, «не видя смысла нельзя еще устанавливать формальных признаков» (Л.В.Щерба).

Выявление содержательной структуры строится на выделении текстовых фрагментов, текстом, каждой из которых соответствует своя микротема. Содержательная структура соотносится как с денотативным уровнем (обращение к конкретному содержательному наполнению и в связи с этим поиск «опорных точек» и формулировка микротем), так и с уровнем сигнификатов (абстрагирование от конкретных реалий в целях определения модели ситуации).

Содержательная ситуация как единица содержательной структуры текста — это модель отношений, тип ситуации, потенциальной в реальной и «мыслимой» действительности и, вследствие закрепленности в человеческом сознании, воспроизводимой (не создаваемой) автором текста в соответствии с замыслом. Есть смысл говорить о некоем наборе содержательных ситуаций, к которым (скорее всего подсознательно) обращается автор в процессе обдумывания замысла и выработки «личностных смыслов» в целях их дальнейшего «облечения» в языковую форму. Содержательные ситуации исчислимы и объединяются в группы:

— 'действие': 1) действие субъекта, 2) внешняя действительность, 3) действия субъекта на фоне внешней действительности, 4) действия субъекта на фоне пейзажа, 5) внешняя действительность на фоне пейзажа, 6) мотивация действий субъекта, 7) внешняя действительность, направленная на субъект действия, 8) диалог;

— 'состояние': 9) испытывание чувства, 10) испытывание противоречивых чувств, 11) мотивация чувства, 12) раздумье, 13) мотивация раздумья, 14) осознание, 15) воспоминание, 16) сон, 17) мечты, 18) галлюцинации;

— 'описание': 19) пейзаж (урбанистический пейзаж, интерьер), 20) пейзаж (урбанистический пейзаж, интерьер) в восприятии субъекта действия, 21) портрет, 22) портрет-характеристика.

Антропоцентризм художественного текста обуславливает выделение субъекта действия как центра художественно воспроизводимой действительности. Но так как «взятый в отдельности материальный объект не образует еще ситуации: о нем нельзя сказать, что он существует» (В.Г.Гак), в классификации содержательных ситуаций репрезентированы действия и состояния, присущие объекту, а также отношения, связывающие его с окружающей действительностью.

Объединение содержательных ситуаций в группы 'действие', 'состояние', 'описание' обнаруживает аналогию с функционально-смысловыми типами, композиционно-речевыми формами авторской речи — повествованием, описанием, рассуждением. Возможность проведения такой параллели объяснима: как традиционно выделяемые формы изложения и информации, так и модели ситуации связаны с содержательной стороной текста, однако если первые являются способом, манерой изложения содержательной информации, то вторые представляют собой ее компоненты.

В связи с трактовкой содержательной структуры художественного текста как организации содержательных ситуаций разных типов перспективным представляется выявление закономерностей распределения языковых средств в текстовых реализациях ситуационных моделей.

С.В.Гусев

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ: ДИФФУЗИЯ НЕКРОСА И БИОСА В МИРОВОМ ВЕЩЕСТВЕ (рассказы и повести 20-х гг.)

В творчестве Андрея Платонова антинomia *некрос* — *биос* становится ведущей семантической доминантой, на которой построено здание его прозы 20-х гг. По своей природе *некрос* всегда ориентирован в прошлое, тогда как *биос* есть категория будущего. Так и в платоновском художественном мире эти понятия разведены по разным концам временного отрезка относительно некой авторской внемировой точки объективного наблюдения.

В такой системе координат внешне неупорядоченное, диффузное движение материи приобретает последовательный, направленный характер. Сокровенный человек Платонова, движимый ощущением революции, строит свой жизненный путь от мертвого прошлого в пустоту пространства будущего и наполняет его «вполне революционным» смыслом.

По Платонову, сознание вытесняет пол, «душу старого мира». Таким образом, бессемейность сокровенных людей Платонова — это их кредо, сознательный отказ от мертвого блага во имя живой истины, без которого невозможна «революция».

Отказавшись от «души старого мира», герой Платонова приходит к созданию новой, технической семьи, иными словами, к союзу философа-механика и машины. Так, внемировая точка сознания, дотоле невидимая, обретает свое реальное воплощение в рычаге, с помощью которого механик управляет машиной. Причем техника у Платонова — понятие не только реальное, но и метафизическое.

Сущность техники мы, с опорой на труды М.Хайдеггера, называем *по-ставом* (букв.: выведением непотаенности из недр самой потаенности в качестве состоящего-в-наличии ради постижения человеком абсолютной и конечной истины о Вселенной). Иными словами, борьба человека за свое существование в настоящем и будущем невозможна без его союза с техникой, нацеленной на прекрасный и яростный мир природы. Так, *железная дорога* у Платонова становится своеобразным путем постижения истины, а *рычаг* в руках машиниста — той точкой опоры, которая позволяет перенести мир из мертвого блага прошлого ближе к живой истине будущего.

И.И.Ермолаева

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ И ТЕКСТ: СПОСОБЫ ВКЛЮЧЕНИЯ И ХАРАКТЕР СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ (на материале повести Н.В.Гоголя «Невский проспект»)

Существование лирических отступлений (ЛО) в тексте произведения как определенного единства подтверждается наличием целого ряда признаков, с помощью которых мы и выделяем ЛО в отдельный микротекст с четкими границами.

Критерием выделения каждого ЛО являются сигналы, с помощью которых автор указывает на смещение повествования, переход в другой план. Наблюдение показало, что прежде всего таким сигналом становится смена форм повествования. Прямая речь автора может выступать в различных видах — как аутодиалог, риторически обработанный монолог, речь автора с использованием личной субъектно-предикативной модели. Графический параметр помогает формально ограничить ЛО — оно выделяется в отдельный абзац либо отделяется кавычками.

Иногда границы ЛО оформляются зачином (например, интродуктивный зачин с глагольным компонентом *есть*, который открывает новую предметную тему) и заключительной фразой со специальным лексическим сигналом — вводным элементом со значением итога (...словом, большей частью все порядочные люди).

Исследование показало, что выход и возвращение во внешний план фиксируется грамматическим параметром: на период ЛО происходит консервация художественного времени (во всех ЛО мы имеем настоящее протяженное время, в предтексте и посттексте мы обнаруживаем использование форм прошедшего либо будущего времени глагола).

Тематическая общность предполагает сопоставление ЛО с окружающим контекстом с целью выявления сходства лексического состава. Сравнение показывает, что практически все ЛО лексически соотнесены с текстом, и прежде всего это проявляется в прямом и синонимическом повторе. Характерной чертой этих сопоставляемых рядов является сохранение элемента оценочности наряду с использованием в ЛО эмоциональной лексики и слов категории состояния для номинации испытываемых чувств (грусть, досада, не люблю и т.д.).

В каждом ЛО выделяется субъект мысленной или речевой ситуации, который обозначается формой личного местоимения *я*. Местоимение *мы* как обобщенная номинация (автор — читатель) используется тогда, когда автор абсолютно уверен в слитности своего мнения с мнением читателя.

Л.А.Климова

Арзамасский государственный педагогический институт

РЕГИОНАЛИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В тексте произведения художественной литературы, особенно выдающегося, язык, по словам Г.О.Винокура, «отражен тройко — как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства». Это касается не только текста произведения в целом, но и отдельных его элементов, например регионализмов, употребление которых соответствует первому и третьему из названных явлений.

Регионализмы представляют собой языковые единицы, имеющие ограниченную сферу функционирования, пространственную прикрепленность, вплоть до точечной. Региональный пласт лексики современного русского языка является объемным, включает в себя целый ряд типов единиц — не только диалектных.

Оказываясь за пределами исконной системы, регионализмы предстают функционально измененными, преобразованными. При употреблении их в художественном произведении это обнаруживается наиболее наглядно и проявляется в том, что на все многообразие «исконных» функций названных единиц накладывается эстетическая, художественная функция.

Соответствующими беллетристической норме здесь являются функция создания национального колорита, колорита местности, обстановки, негородского пейзажа с помощью точной номинации реалий, иными словами, воспроизведения мира человека определенной национальности, определенной страны, определенной территории, внутри нее или мира простого человека, сельского или бывшего сельского жителя; функция создания речевого и тем самым социального портрета персонажа произведения; шире — предполагающие друг друга, совмещающиеся функции индивидуализации и типизации.

В целом регионализмы способствуют реалистическому изображению действительности, выступая средством выражения художественного пространства и времени — своеобразным хронотопом.

Функции регионализмов как иносистемных единиц в художественном тексте непосредственно связаны с характером значения их в восприятии читающего. Будучи словарем с полноценным, многокомпонентным значением в исконной системе, в художественном тексте регионализм воспринимается иначе. Значение его не просто утрачивает свою многокомпонентность — оно становится нечетким, приблизительным, относительным (с меньшей или большей, нередко максимальной степенью релятивности), часто — гипотетическим. Иносистемность (в художественном тексте) регионализма, вплоть до чужеродности, нечеткости его значения заставляет читателя

акцентировать на нем внимание, воспринимать его как нечто необычное, тем самым актуализируется (или даже создается) речевая коннотативность.

Особенности восприятия регионализма определяются характером его ввода в текст, типом регионализма (ср., например, нарицательные и проприальные) личностью читающего и другими факторами.

Регионализмы выполняют характерологическую функцию не только по отношению к изображаемому в произведении, но и по отношению к автору произведения, часто являясь сигналами его происхождения, большой и малой родины, мировоззрения и даже творческих возможностей. Информативны регионализмы и по отношению к читателю.

Фактически региональный материал, введенный в ткань художественного произведения, оказывается тесно связанным с выражением и постижением идейно-тематической направленности произведения. Эта связь актуальна в пределах не только одного произведения, но и нескольких, а также в пределах всего творчества писателя. Ср. мнение: «Язык с своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла, и вот почему художнику не все равно, как назвать то, что он видит и показывает другим» (Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений). Часто при этом регионализм выступает в качестве ключевого слова: он проходит через все повествование, через все произведение или через все творчество писателя, концентрируя в себе идею или обозначая экспрессивную доминанту. Наиболее сильным является выражение с помощью регионального слова идеи патриотизма, сопряженной с лиризмом, поэтичностью повествования.

Региональные единицы используются писателями и поэтами также как яркое контекстуальное, изобразительно-выразительное средство, передающее различные стороны парадигматической направленности речи, богатую гамму чувств и переживаний персонажа произведения или его автора.

Употребление территориально отмеченных единиц художественной речи происходит в условиях стилистической корреляции (создание пространственного и временно-го колорита, речевого и социального портрета и др.) Или, напротив, в условиях стилистического диссонанса, часто доходящего до контраста (избирательно-выразительные функции).

Регионализмы в художественном произведении имеют «свой голос». Своеобразие этого голоса составляет одну из характерных черт идиолекта того или иного писателя.

Н.М.Козманова

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

СМЫСЛОВЫЕ УРОВНИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕИ КРАСОТЫ В СТИХАХ Н.ГУМИЛЕВА, А.АХМАТОВОЙ, О.МАНДЕЛЬШТАМА (на материале лирики 1907—1917 гг.)

В современной филологии встречается скептическое отношение к акмеизму как к самостоятельной литературной школе. По словам же А.Кушнера, «литературные школы живут не идеями, а вкусами». Акмеизм «принес с собой ряд новых вкусовых ощущений», которые эстетически «более ценны, чем идеи». Поэзия акмеизма образно окрещена «праздником всех органов чувств», а ее эстетика связана с возможностью человека замечать и постигать «улики» мира» (А.Ахматова), наслаждаться ими.

Для Гумилева, Ахматовой и Мандельштама характерно стремление создать эстетически законченный образ прекрасного как целостной модели мира, собранной из этих «улик».

Н.Гумилев избрал художественный путь, называемый «классическим», который дает результат художественного познания мира (а не сам процесс познания) и связан с традициями европейской философии XIX в.

И как расскажу я тебе про таинственный сад,

Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...

(«Жираф»)

Модель прекрасного предстает особенно ярко в гумилевских описаниях экзотического «царства великанов» и «таинственного сада» («леса»). Целостность образа складывается из составляющих, которые оцениваются как прекрасные сами по себе («стройные пальмы», «немислимые травы»). Поэтому семантический комплекс «красота» изначально представлен в тексте на лексическом уровне.

Для А.Ахматовой характерен метод художественного познания как изображение процесса восприятия мира (а не результатов знакомства с ним):

Когда шуршат в овраге лопухи
 И никнет гроздь рябины желто-красной,
 Слагаю я веселые стихи
 О жизни тленной, тленной и прекрасной.
 Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
 Пушистый кот, мурлыкает умильной,
 И яркий загорается огонь
 На башенке озерной лесопилни,
 Лишь изредка прорезывает тишь
 Крик аиста, слетевшего на крышу...

Ощущение прекрасного неразрывно связано с возможностью почувствовать и воссоздать целостность мира, поэтому категория прекрасного у Ахматовой соотносится с особенным психологическим состоянием и изображается как переживание, рождающееся на глазах у читателя. В приведенном примере перед нами комплексное ощущение красок, звуков и запахов мира, всего того, что доступно органам чувств. Сами по себе «улики» могут не оцениваться как прекрасные. Они могут быть достаточно обыденными, прозаическими. При этом вместе они составляют целостный образ мира, переживание которого имеет эстетическую ценность. Итак, у Ахматовой семантика красоты показательна на уровне обобщенного образа.

Семантический комплекс прекрасного в стихотворениях О.Э.Мандельштама проявляется как в собственно лексических значениях слов, так и в сложных образах. Однако законченная эстетическая модель прекрасного возникает здесь на уровне ассоциаций. Мандельштам называл акмеизм «тоской по мировой культуре». Совокупность культурологических ассоциаций, связанных с отдельным словом, способна создать заверченный образ мира; для этого образа ассоциации будут служить эстетическими координатами. Они внесут гармонию в неупорядоченный жизненный материал:

Когда, пронзительнее свиста,
 Я слышу английский язык, —
 Я вижу Оливера Твиста
 Над кипами конторских книг...

(«Домби и сын»)

Если у Ахматовой «улики», выдающие целостный прекрасный образ, могут быть обыденными сами по себе, то у Мандельштама «строительный материал» часто непривлекателен и неэстетичен. Прекрасной же является эстетически организующая мир сила культурологического эха.

Н.А.Кузьмина

Омский государственный университет

КОНЦЕПТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Исследование поэтического идиостиля предполагает два пути: от текста к словарю и далее к идее (концепту) (функциональный тезаурус М.Л.Гаспарова) и от концепта через словарь к тексту. Если рассматривать идиостиль как «порождающий поэтический мир» (О.Г.Ревзина), то предпочтительнее последнее, ибо что же такое картина мира, как не некая совокупность идей, воплощенная в языковых формах — «языковое восприятие субъекта» (М.Бахтин).

Концепт — универсалия человеческого сознания, для художественной речи он не уникален. Многократное обращение к нему способствует формированию ассоциативного поля, границы которого в сознании субъекта определяются «культурной памятью», причастностью к духовной традиции. Концепт художественной речи — способ соединить сиюминутное и трансцендентное, индивидуальное и общее.

Методика концептуального анализа художественного текста предполагает моделирование соответствующего фрагмента картины мира в научном, обыденном, мифопоэтическом и художественном сознании.

Научная картина мира формируется знаниями об объекте изучения — концепте (движение, боль-страдание, память, небо и др.). Язык здесь — средство описания, изложения идей, закрепления результатов, полученных методами других наук.

Наивная картина мира может быть изучена лишь с помощью словаря, главным образом с помощью его фразеологической части. Именно фразеология и паремология воплощают наивные понятия о действительности в языковых формах.

Мифопоэтическая и художественная модели мира представлены в текстах. Однако в мифологии отдельные тексты воспринимаются как составляющие некоего общего архитекста, тогда как художественное сознание всегда индивидуализированно. Формой воплощения и объективации художественного сознания служит идиостиль.

В докладе сделана попытка описать реализацию концепта *жизнь — движение* в обыденном, мифопоэтическом и индивидуальном художественном сознании Ф.Сологуба.

Н.А.Кузьмина, С.Г.Филиппова
Омский государственный университет

ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА В.НАБОКОВА (на материале рассказов 20-х гг.)

Цвет — важнейшее слагаемое общей картины мира писателя, отраженной в идиостиле. Безусловно, полная картина мира может быть реконструирована лишь с учетом всех текстов автора. Это чисто статистический подход, желаемый, но трудноосуществимый. Возможен и другой путь. Каждое из произведений есть некая целостность, более или менее полно воплощающая общую картину мира, следовательно, анализ даже одного рассказа позволяет выявить основные слагаемые целого.

В докладе анализируется 5 рассказов Вл.Набокова, написанные в 20-е гг.: «Возвращение Чорба», «Порт», «Звонок», «Письмо в Россию», «Сказка».

Мы полагаем, что Набоков создает особую реальность, которая может быть условно названа гиперреальностью. Его мир — мир, в котором все сконцентрировано, прежде всего цвет и свет. Это мир, где особую роль играет деталь: любое событие, действие, ситуация сопровождается подробным описанием предметов и вещей. В его мире абстрактные понятия (мысль, звук, буква и т.п.) могут иметь цвет, вкус, запах, их можно осязать. Среди всех возможных деталей на первом месте — визуальные характеристики объектов. В результате этого у читателя создается особый взгляд на действительность — особый угол зрения, готовность воспринимать предметы в цвете.

Эти положения мы и стремимся доказать анализом цвето-световой картины мира в рассказах Вл.Набокова.

Мы говорим не только о цвете, как это принято в большинстве лингвистических работ, но о цвете-свете, поскольку физическая природа этих явлений едина и для Вл.Набокова это принципиальный момент.

1. Наиболее крупная группа лексики — прямые цветоименования. Среди них традиционно выделяемые цвета спектра (красные буквы афиши, желтый сундук, зеленая кушетка и т.п.), ахроматические цвета (белый борт яхты, черная струя), оттенки и промежуточные цвета (изумрудное текучее платье, апельсиновые цветы, розовые кирпичи).

Особую группу образуют существительные, включающие сему 'цвет'/'свет': синева, темнота, ночь, сумрак, мрак, огонь, блеск.

Встречаются специфические хроматонимы, приложимые лишь к определенным объектам, т.е. обладающие связанной лексической сочетаемостью: смуглый, загорелый (о человеке), карие (о глазах), русые, белокурые (о волосах).

Отдельную группу составляют слова, содержащие в лексическом значении сему двух и более цветов (клетчатые тапочки, полосатый навес).

К цвето-световой лексике мы относим также слова, указывающие на насыщенность и/или яркость цветового тона: лепные пряди ярких волос, светлые перехваты лифа, темные волосы.

Кроме прямых цвето-, цветоименований в рассказах Набокова встречаются также непрямы: сравнения (негр в колониальной форме — лицо как мокрая галоша), метафоры (солнце лужами топленого меда горело на полу) и др.

Возможны и контекстные цвето-, цветоименования: контекст способствует актуализации имплицитной сему 'цвет'/'свет' — *бездна* ('черный'), *бумажные лодочки* ('белый').

2. Анализ слов, называющих объекты, которые могут быть охарактеризованы в цвете/свете, показал, что нет никакой избирательности в их тематической прикреплённости. Как окрашенные воспринимаются детали одежды, внешности человека, украшения, окружающие предметы, явления природы, абстрактные понятия: лиловые моллюски, синяя темнота, малиновая лампочка, фиолетовая тень, белая шляпа, темный ветер.

3. Цвето-световая картина, создаваемая в рассказах, зависит от типа ситуации восприятия объекта: освещенность/неосвещенность (в широком смысле). Соответственно можно говорить о сильной/слабой позиции цветоразличения в художественном тексте.

В сильной позиции взаимодействуют сему 'освещенность' и 'цвет'. Первая из них является обязательной фоновой, вторая — дополнительной. Сема 'освещенность' может быть актуализирована в текстовой ткани произведения, а может находиться в когнитивной пресуппозиции.

В слабой позиции (ситуация ночного видения) сема 'цвет' отсутствует, во взаимодействие вступают 'освещенность' и 'неосвещенность', которые воспринимаются как две самостоятельные, равноправные семы. Если в сильной позиции сема 'освещенность' может быть дана только один раз, то в слабой позиции сема 'неосвещенность' поддерживается постоянно, причем регулярно взаимодействуя с семой 'освещенность' (ночные огни, блестящая темнота).

Наряду с двумя выявленными позициями встречаются переходные случаи, когда в ситуации ночного видения возникает сема 'цвет': Уже вечерело. Очаровательным мандариновым цветом налились в сумерках стеклянные ярусы огромного универсама.

4. Цветовая характеристика объекта обычно подчеркивается либо выделением признака цветовой насыщенности и/или яркости в самостоятельном слове (густая синева, ослепительная серебристость, блестящий шелк персиковых чулок), либо указанием на другое визуально воспринимаемое свойство предмета (влажный блеск мелких зубов, шероховатый золотом отливали лимоны).

Таким образом, с одной стороны, цвета у Вл.Набокова точно определены, с другой — это цвета «почти», вероятностные, кажущиеся (вздрагивали ее ресницы, такие сверкающие, что казались тонкими лучами ее сверкающих глаз; можно было подумать, что губы ее тронуты кармином). Эффект нереальности создается и чрезмерной концентрацией цветов. Сверхподробное описание сверхокрашенной действительности и размытость ее границ — реальность, похожая на галлюцинацию, — таков мир Владимира Набокова. По мнению его самого, то, чем занимается писатель, есть не описание «настоящей» жизни (это он оставляет публицистике), а описание лишь ее многочисленных моделей, которые своим правдоподобием могут сбить с толку доверчивого читателя.

О.Б.Лихачева

Иркутский государственный педагогический институт

ПОВТОР КАК ВЕДУЩИЙ ПРИНЦИП КОМПОЗИЦИИ ЗАГОВОРОВ

Цель работы — исследовать разновидности повторов в тексте, обусловленные качеством и количеством повторяющихся элементов. Изучены 350 заговоров, опубликованных в печати. Тексты извлекались методом сплошной выборки и анализировались по единым критериям.

Под фразовым повтором (ФП) мы понимаем синтаксические конструкции, допускающие варьирование элементов (неполнота реализации модели наряду с использованием полных вариантов, перестановка словоформ в повторах и др.), в связи с чем в заговорах выделяются 3 разновидности повторов: симметричная, зеркальная, асимметричная.

В текстах заговоров наблюдаются 2 вида повторов: ФП, употребляющиеся в одном тексте; и ФП, встречающиеся в разных заговорах (интекстовый повтор).

С учетом границ композиционных зон текста (Н — зона начала текста, ГЦ — зона гармонического центра, которая располагается симметрично относительно точки «золотого сечения» текста (пропорция 0,618); К — зона конца текста), полученных статистически, размещение повторов укладывается в 8 типов: 1) Н — ГЦ (вероятность 208 ФП на 1 тысячу текстов); 2) ГЦ (194); 3) Н — ГЦ — К (179); 4) Н (157); 5) ГЦ — К (112); 6) Н — К (101); 7) К (50); 8) без ФП (0,02).

Повторы преобладают в зоне ГЦ (693), что подтверждает эвристическую и типологическую значимость данной сильной позиции для структуры заговора. 645 ФП относится к зоне Н, что объясняется спецификой жанра: зачины характеризуются обилием повторяющихся формул и иногда представляют собой просто разговорные клише. В зоне К сосредоточены всего 442 повтора, поскольку в концовках наблюдается свободное варьирование формы и не мотивированная содержательно повторяемость элементов, повторы здесь характеризуются слабой связью с другими композиционными зонами текста.

Особый вид повторов — повторение целого текста (вероятность — 171 текст на тысячу). Как правило, используется трехкратное произнесение заговора, при котором реализуются те же явления, что и при однократном воспроизведении, т.е. наблюдается повтор отдельных формул (чаще анафорических) и отдельных частей текста.

Таким образом, заговорам свойственна высокая стереотипность построения, в них используется ограниченное число (11) конструктивных принципов построения текста, но представлены комбинации этих принципов. Установлено, что размещение повторов относительно сильных позиций заговора носит не случайный характер. Связь размещений повторов с пропорцией «золотого сечения» показывает оптимальность структурной организации заговора как текста с основной функцией воздействия.

Гармоническая организация заговора проявляется в различных структурных процессах: в маркированности сильных позиций текста повторами; в порционировании повторами текста на три композиционные зоны — Н, ГЦ, К; в статистически установленной стабилизации размещений повторов в зоне ГЦ и возрастающей вариативности размещений в зонах начала и конца текста.

Итак, повтор является ведущим принципом композиционной организации заговоров. Вхождением в структуру заговора повторы выполняют текстоорганизующую функцию, являются его конструктивной основой.

М.Ю.Мухин

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

ЭМПИРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ТЕКСТОВ В.НАБОКОВА (на материале романов «Дар» и «Другие берега»)

Эмпирический компонент лексического значения слова складывается из индивидуальных представлений людей о предмете или явлении (при чувственном восприятии). Совокупность таких представлений, признаки, свойства и качества предметов реального мира (или сенсорная информация), выраженные в данном тексте средствами языка, можно определить как эмпирический компонент текста. Чувственный опыт свойствен каждому человеку, и его особенности отражаются в индивидуальной картине мира, а следовательно, и в художественной картине мира писателя.

Можно с уверенностью говорить о том, что в текстах В.Набокова сенсорная информация приобретает очень важное значение. Хорошее знание и ощущение окружающего мира, основанное на работе органов чувств, проявляется в большом количестве предметно-чувственных образов типа «*анахронизм подушки* становился все явственнее», «*приятно размягченный* двухлетним пользованием... сборничек своих стихов», «звук нажима при вдвигании в ружье крашеной палочки (лишенной для *пущей язвительности* гуттаперчевой присоски)» и т.п.

Большое внимание уделяет В.В.Набоков описанию конкретных предметов и вещей, описанию нюансов, едва заметных признаков: «В омытом небе, сияя всеми подробностями чудовищно сложной лепки, из-за вороного облака выпрастывалось облако упоительной белизны».

Обычно чувственный образ используется для более наглядного и осязаемого описания явлений, не связанных напрямую с сенсорным восприятием, при этом происходит метафоризация. Например: «В ее спальне был маленький портрет царской семьи и *пахло по-тургеновски гелиотропом*» (запах становится «характеризующей чертой» прозы Тургенева); «...Однако тут же его отрезвляла какая-нибудь ее интонация, смешок, веяние тех определенных духов, которыми почему-то душились те женщины, которым он нравился, хотя ему был как раз невыносим этот *мутный, сладковато-бурый запах*» (в слове *сладковато-бурый* акцентированы обусловленные значением всей конструкции семы 'приторный', 'резкий', 'дешевый' (о запахе). Эти смыслы при влиянии субъективно-модального значения неприязни, раздражения переносятся на характеристику женского типа).

Также часто имеет место синестезия, сопоставление чувственных признаков разного рода. В последнем примере слово *бурый* имеет отношение не к зрительным характеристикам (цвет), а к обонятельным и даже осязательным. Это же явление наблюдаем в словосочетаниях *басисто-багряные георгины* и *стеклянисто-соленые лужи*. В этих примерах признак насыщенности (в первом случае — звуко-цветовой, а во втором — характеризующий насыщенность и вкус) объединяет в одну лексему достаточно разнородные смыслы.

Автору свойственно чувственное восприятие языка, его эстетики: красота словесной экзотики, яркие метафорические образы в высшей степени наглядны и осязаемы (к примеру, фоносемантические изыски Набокова — «розово-фланелевое М», «пушисто-сизое Ш», «пыльно-ольховое Ф» и др.). Сама неординарность лексики, неслучайность ее подбора для более точного отображения сенсорной информации свидетельствуют о первичности и особой значимости чувственного импульса. Герой рассказывает о своих стихах: «...в трепещущую темноту... Почему мне не по нутру эпитет *«трепещущую»*. А ведь комната действительно *трепетала*...»

Многообразие предметно-чувственных образов и характеристика различных понятий и явлений с точки зрения сенсорного восприятия мира обуславливают важность значения эмпирического компонента семантики текстов В.Набокова. Можно говорить о том, что сенсорность, словесное оформление чувственных восприятий — это определяющая черта индивидуальной художественной картины мира и идиостиля писателя.

ПРОЯВЛЕНИЕ ФССК ГИПОТЕТИЧНОСТИ В РУССКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ
XVIII — XX вв.

Особенности построения научного текста определяются задачами общения в сфере науки, в которой необходимым элементом, этапом познания является гипотеза. Гипотеза, как один из наиболее существенных методов творческого мышления, как форма творческого поиска, как один из предположительных вариантов решения проблемы, в лингвистическом аспекте имеет множество способов языкового воплощения. В связи с выражением гипотетической мысли в научном тексте выдвигается идея ФССК гипотетичности, понимаемой как языковая категория, с помощью средств которой в научном тексте подается новое знание, не имеющее достаточного уровня обоснованности в данный момент.

Одной из основных черт гипотетичности обычно называют гипотетическую модальность, благодаря которой возможно выражение в научном тексте как первоначальной авторской догадки, так и всех оттенков предположительности в ходе выдвижения и разработки доказательства гипотезы, превращения ее в достоверное знание. В предварительном плане выделяются языковые средства реализации гипотетичности в английском, немецком и современном русском языках, т.е. на синхронном уровне (см. например, работы И.С.Бедриной, В.В.Кускова, М.Н.Кожинной и др.).

Но не менее интересно и актуально рассмотрение гипотетичности научного текста в диахронии — в общем аспекте эволюции научного стиля, что позволит проследить развитие ФССК гипотетичности в научной речи и углубить представление об истории ее (научной речи) развития. Для этого необходимо выявить основные средства и формы воплощения гипотетичности в научных текстах по крайней мере с XVIII по XX в.; проследить, нет ли изменений в использовании этих средств, а если есть — то каковы они; выявить особенности проявления гипотетичности в разных отраслях науки на разных исторических этапах ее формирования, особенности построения авторской гипотезы и т.д. Все это позволит проследить последовательность становления и определить доминирующие тенденции развития данного стилистико-смыслового явления.

Проведенный анализ исследованного материала дает возможность говорить, что гипотетичность присуща научному тексту уже в XVIII в., т.е. на первых этапах развития научной литературы, научного стиля, уже на эмпирической стадии развития русской научной мысли.

По нашим наблюдениям, степень активности экспликации гипотетичности в тексте, а также разнообразие форм, способов и средств ее выражения формировались постепенно, вместе с развитием языка, с развитием приемов подачи нового, еще недостаточно аргументированного знания и зависели, по нашему мнению, кроме прочего, от экстралингвистических факторов, в частности, от уровня развития науки, а также от жанра и типа научной речи (описание или рассуждение). При неуклонном стремлении к возрастанию количества используемых акцентуаторов гипотетичности в XIX в. наблюдается процесс кристаллизации средств выражения гипотетичности.

XX в. характеризуется некоторым снижением количества средств выражения гипотетичности в тексте (и даже некоторой клишированностью, отчего теряется их гипотетическая окрашенность), но вместе с тем хорошо продуманной системой выдвижения и обоснования гипотезы в тексте, где в связи с логикой убеждения ярко проявляются фазы когнитивной деятельности (от конфликтной ситуации через идею-гипотезу, доказательство к идее-утверждению, т.е. отталкиваясь от общепринятого мнения, выводя как следствие из него неадекватное решение и через коммуникативную конфликтную ситуацию приходя к своей гипотезе, а через обоснование ее — к новому нетрадиционному мнению).

Проведенные нами исследования дают возможность предполагать, что гипотетичность, с одной стороны, подчеркивая гипотетический характер суждения, с другой — обнаруживая генезис рассуждения субъекта речи, с третьей — активизируя тем самым со-мышление реципиента, в совокупности отражает сущность научного творчества, научного творческого мышления, гипотетический характер теоретической науки, научной деятельности в целом, так как сущность ее такова, что представляет из себя, по словам А.Мигдала, «заколдованный круг, из которого нет выхода: нельзя сделать научную работу без ясного понимания, но ясное понимание возникает только в конце работы (и то не всегда)». На каждом очередном этапе продвижения от «непонимания» к «пониманию» мысль будет сопровождаться определенной степенью

гипотетичностью, что, естественно, будет находить отражение в тексте. Всякий ответ, полученный в результате исследования, рождает новый вопрос о неизвестном. Поэтому, очевидно, можно говорить об имплицитном присутствии гипотетичности в любом научном тексте. Эксплицитное же выражение гипотетичности зависит от многих факторов: от специфики сферы научного общения, от целей и задач коммуникации, характера и формы реализации гипотезы, от типа творческого мышления, присущего автору, и т.д.

Таким образом, анализ исследованного материала позволяет думать, что гипотетичность, обнаруживаясь уже на ранних стадиях развития науки, очевидно, свойственна научной речи вообще, является неотъемлемым свойством научного мышления и компонентом научного знания.

И.В.Резчикова

Московский государственный педагогический университет

ОБРАЗНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ТЕКСТОВАЯ ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА (на материале лирики А.Блока)

Философия музыки, нашедшая отражение в общей теории символизма о синкретизме искусств и ведущей роли музыки в организации этого синтеза, в значительной мере определяет особенности моделирования образной картины мира в лирике А.Блока. Согласно А.Блоку, «музыка творит мир. Она есть духовное тело мира — мысль (текучая) мира...» (Блок А.А. «Я лучшей доли не искал». М., 1988. С.240).

Необходимым условием моделирования образно-музыкальной картины мира является логика музыкального мышления. Суть музыкального мышления заключается в природе чистого движения, получившего свое полное воплощение в музыке: мышление линейного движения вне пространственных связей денотативного мира. Основные принципы музыкального мышления: 1) отсутствие непосредственной мотивации образов и связей между ними пространственными денотатами (музыка не имеет заданной семантики, ориентированной на предметы внешнего мира); 2) векторное движение как основной принцип структурной организации образной картины мира; 3) незафиксированность семантики музыкального образа, т.е. способность к неограниченной семантической модуляции в любой момент музыкального движения.

Отражение музыкального восприятия мира в поэтическом произведении связано с поиском художественно-языковых средств моделирования музыкального континуума в дискретном тексте — одной из актуальных проблем лингвостилистики.

Одним из средств выражения музыкального мышления в лирике А.Блока является семантическая организация текстовой тематической группы (ТТГ). ТТГ — это парадигма слов текста, связанных семантическим повтором (т.е. наличием общей семы в ее словарном толковании). Именно повтор в музыке является единственным средством обнаружения музыкальной темы и возведен на уровень «закона минимального симметричного отражения», который заключается в необходимости повтора на расстоянии какого-либо значимого тематического материала и минимальной достаточности даже однократного повтора.

Подобная интерпретация темы возможна и в рамках поэтического текста, где ТТГ — структурная модель тематического развития, так как обладает инвариантными семами (семой) — непосредственными репрезентаторами темы и дифференциальными семами, указывающими направление семантической модификации образа в процессе тематического развития.

ТТГ моделирует музыкальную картину мира, если ее семантическая структура следует основным принципам музыкального мышления. Это возможно в следующих случаях.

1. Нарушение мотивации членов ТТГ пространственными денотатами и связями между ними возможно, если инвариант ТТГ — свето-цветовое качество. Свето-цветовая идентификация реалий внешнего мира, обозначенных членами ТТГ, приводит к внепространственности их восприятия как цветовых субстанций. Во многом музыкальное мышление в такой парадигме определено также тем, что локализация цвета связана с определенной эмоциональной настроенностью — приоритетом музыки. Так, в стихотворении «Ты стоишь над высокой горою» женский образ выражен следующей парадигмой: *гореть* (*Ты горишь*) — *костер* — *огневая игра* — *искра* — *огневые круги*. В данной парадигме женский образ представляет собой спектр световых оттенков — от слабого блеска (*искра*) до яркого пламени (*огневые круги*).

2. Нарушение мотивации членов ТТГ пространственными денотатами и связями между ними, а также развитие семантики линейного характера музыкального движения возможно, если инвариант ТТГ — музыкальная сема, либо музыкальная

номинация является компонентом ТТГ. В первом случае значение ТТГ непосредственно мотивировано музыкальным движением, во втором идентифицирующую функцию выполняет музыкальная номинация: остальные члены ТТГ идентифицированы семантикой музыкального качества данной номинации и являются ее визуально-ассоциативными интерпретаторами. Так, в парадигме *журавлиный крик* — *тянуть* — *нити* — *волокна* (Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 157) с инвариантом 'пространственно-линейная протяженность' члены ТТГ, теряя связь с пространственными денотатами, являются визуальными интерпретаторами звукового качества (длительность, протяженность журавлиного крика), а их идентификатором является номинация *журавлиный крик*.

3. Развитие семантики векторного характера музыкального движения возможно, если дифференциальные семы ТТГ указывают на его направление, интенсивность и другие обстоятельственные признаки, которые, собственно, обнаруживают это движение. Чаще всего оно представляет собой особую последовательность «взгляда» на пространственные реалии и, таким образом, лишено носителя. Так, в парадигме *крут* — *ворота* — *терем* — *высок* — *вход* — *конек* (*конек на узорной резьбе*) — *купол* — *окна* — *беззакатный (наряд)* — *закаты* (с. 83) (последовательность упоминания деталей терема характеризует направление движения взгляда от ворот вверх до закатного неба).

О.В.Трещев
Госкомвуз (Москва)

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ТЕАТРА (проблема интерпретации художественного произведения)

1. В последние годы в лингвистике активно развивается изучение интерпретации звучащего художественного произведения (художественное чтение, спектакль, фильм) с точки зрения содержательных компонентов и средств выражения. Это сложная проблема, требующая понимания процесса взаимодействия синтаксиса, лексики, интонационно-звукового состава высказывания, его связей с контекстом и строения выделить, сформулировать результаты этого взаимодействия.

2. Эволюция на протяжении почти 70 лет сценической жизни спектакля Московского театра им. Евг.Вахтангова «Принцесса Турандот» вызывает пристальный интерес специалистов различных областей: искусствоведов, литературоведов, художников, скульпторов, музыкантов и, конечно же, лингвистов. Нас интересует, как наряду с выразительными пластическими, музыкальными средствами оформления спектакля в систему слагаемых сценического образа включены слово и звук.

3. Нами предпринята попытка анализа особенностей вахтанговского понимания задач, стоящих перед актерами, играющими сказку К.Гоцци. Вахтангов выявил два эстетических центра постановки: китайскую сказку о капризной принцессе и итальянскую комедию дель арте. Импровизационный характер ролей масок позволял актерам, не выходя из образа, включить в текст реалии времени, детали социального, культурного, исторического бытия, которые благодаря их эстетическому осмыслению становились фактом народного самосознания.

При возобновлении спектакля в 1963 г. театр наполнил импровизации масок новым историческим содержанием, что позволило, не изменяя эстетики «Турандот», придать ей новый смысл и современное звучание, приблизить ее к действительности.

В редакции 1991 г. происходит спад игрового начала. Маски узнаваемы — они говорят языком улицы. Текст насыщен реалиями наших дней (от рекламных штампов до лексики уголовного мира). При этом маски 90-х гг. внешне пытаются сохранить вахтанговское начало, но с трудом удерживают форму спектакля, в котором существуют не сказочные принцы и герои, а современные узнаваемые персонажи.

4. Наше внимание сосредоточено на так называемой «сцене загадок» из первого действия спектакля, так как она является одним из эмоционально-смысловых центров спектакля. В ней наиболее ярко выражен характер главной героини и максимально проявляют себя маски. Кроме того, во всех трех вариантах спектакля текст этой сцены претерпел минимальные изменения (изменились только загадки в редакции 1991 г.). Тем более важно, что все три исполнительницы (Ц.Мансурова — 1922 г.; Ю.Борисова — 1963 г.; М.Есипенко — 1991 г.) на одном и том же материале создают совершенно разные характеры принцессы Турандот, что и отмечают историки театра.

5. Мы рассматриваем возможности театроведческого, литературоведческого и лингвистического подходов к проблеме интерпретации текста художественного произведения.

6. Новизна методологии состоит в том, что мы используем комплексный метод анализа текста, позволяющий выявить не только характерологические особенности персонажа, но и языковые средства его речевой характеристики в процессе сценического воплощения образа. Плодотворность такого подхода обусловлена тем, что он позволяет соединить анализ потенциальных возможностей художественного текста, режиссерских и актерских задач их реализации, а также языковых средств создания сценического образа.

Особенности характера персонажа проявляются прежде всего в речи. Поэтому, анализируя звучащую речь, можно с наибольшей достоверностью судить о его своеобразии. Кроме того, анализ звучащей речи актера-персонажа дает представление о его индивидуальности.

7. Лингвистический анализ особенностей речи актера позволяет выявить средства речевой характеристики персонажа и индивидуальные черты актеров, определяющие набор этих средств. Таким методом служит компонентный анализ взаимодействия контекста и лексики, синтаксиса и интонационно-звукового единства. Особая роль при выявлении содержательных компонентов интерпретации образа отводится интонационно-звуковым средствам речевой выразительности, потому что именно эти средства находятся в наибольшей зависимости от индивидуального дарования и артикуляционных и голосовых возможностей артиста.

8. Благодаря синтезу различных подходов к интерпретации художественного текста его содержание может быть понято и проанализировано во взаимодействии с постановочными задачами и средствами их решения в спектакле.

М.Ю.Федосюк

Московский государственный педагогический университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ С ПОЗИЦИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Важная роль антропологического подхода в современной лингвистике определяется тем, что подобный подход дает возможность существенным образом дополнить наши знания о языке сведениями о таких его особенностях, которые не связаны непосредственно с его структурным характером и обусловлены в первую очередь тем, что язык является средством общения между людьми. Сказанное имеет самое непосредственное отношение и к лингвистике текста, которая при антропологическом подходе не должна ограничиваться наблюдениями лишь над такими формальными характеристиками текста, как его связность и членимость. Нетрудно убедиться, что речевое построение, обладающее всеми известными структурными признаками текста, может в то же время представлять собой текст неполноценный, дефектный, поскольку оно не соответствует главному с позиций антропологической лингвистики требованию — «Текст должен отвечать информационным запросам адресата».

Если речь идет о текстах, функционирующих при непосредственном общении отправителя и адресата, перечислить конкретные свойства, которыми должен обладать текст в соответствии с этим общим требованием, весьма затруднительно. Дело в том, что в этом случае указанные свойства находятся в тесной зависимости от такого варьирующегося фактора, как фонд общих знаний отправителя и адресата, и в частности от их знаний о предшествующих событиях, планируемых действиях, ситуации общения. Иное дело — тексты, заведомо не предназначенные конкретному адресату, например, тексты художественные. Очевидно, что здесь только что упомянутое общее требование трансформируется в слабо зависящее от личных особенностей адресатов требование «Текст должен нести интересную для адресата информацию о жизни».

Конкретные свойства текста, вытекающие из этого общего требования, можно выявить, идя от противного и обратившись к текстам литературы абсурда, например, к прозаическим произведениям Даниила Хармса. Как показывают наблюдения, многие его рассказы базируются не только на абсурдности ситуаций или характеров, но и на абсурдистских нарушениях правил построения художественного текста.

Перечислим выявленные таким образом обязательные свойства художественного текста (очевидно, что исследованные тексты произведений Д.Хармса являются в этом случае тем самым исключением, которое служит подтверждением правила).

1. Художественный текст должен отражать развивающееся действие или развивающуюся мысль. С этой точки зрения дефектными являются тексты, не содержащие акциональной предикации («Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. <...> Уж лучше мы о нем не будем больше говорить» — «Голубая тетрадь N 10»), равно как и такие,

в которых действие исчерпывается лишь единичными поступками отдельных персонажей («Вот однажды один человек пошел на службу, да и по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все» — «Встреча»).

2. Высказывание, обобщающее основную мысль текста, если таковое имеется, должно быть обосновано содержанием этого текста. В этом отношении дефектным является, например, текст рассказов «Что теперь продают в магазинах», где описывается ссора неких Коратыгина и Тикакеева, во время которой Тикакеев убивает Коратыгина, ударив его по голове только что купленным огурцом. Рассказ заканчивается словами: «Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах!»

3. Собственные и нарицательные имена, обозначающие персонажей, должны быть либо нейтральными, либо оправданными характером описываемых событий. Ср. нарушение этого принципа в рассказе «Диван», героем которого является не «один человек», а безо всяких на то оснований в содержании рассказа — «один француз»; в рассказе «Упадание», в котором обеих героинь в силу случайного совпадения зовут одинаково — Ида Марковна; в рассказе «О явлениях и существованиях. N 1», в котором «художник Миккель Анжело» (?) встречается с неким Комаровым.

4. Художественный текст не должен передавать информации, которая не имеет отношения к его основному содержанию. С этой точки зрения абсурдна концовка рассказа «Вываливающиеся старухи»: «Когда вываливалась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль».

Н.В.Халина

Алтайский государственный университет (Барнаул)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАГМЕНТА ПЕРВОЙ КНИГИ ЖИВОЙ ЭТИКИ «ЗОВ»

Книги Живой Этики опираются на многовековую мудрость всего человечества и прежде всего на духовно-нравственное учение Махатм Востока. В связи с этим, на наш взгляд, лингвистическая интерпретация «Зова» невозможна без обращения к основам тибетского языковедения. Тенденция тибетского научного мышления заключается в рассмотрении мира как сложной системы иерархически организованных ценностей, имеющей своим основанием единый источник, язык же — это универсальное средство, в котором наиболее четко проявляется тенденция тибетского научного мышления.

Наличие номинативной, речевой и смысловой функций у слова-знака соотносимо с тремя пластами языка и тремя уровнями содержания понятий, входящих в язык текста — буквального, словесного и истинного смысла, что соответствует важнейшим положениям тибетского языковедения о триединстве речи, тела и ума. Буквальный смысл текста можно связать с миром (телом), телесностью в ее динамике, пронизывающей мир духовностью; словесный смысл — с речью, познанием в динамике; истинный смысл — с мыслью, рожденной из ума. Буквальный смысл текста можно выявить через посредство анализа синтаксической устроенности текста; словесный смысл целесообразно исследовать при погружении в иерархию значений полисемантического слова, а приближение к толкованию истинного смысла требует дополнения названных типов анализа философскими, культурологическими, психологическими и каббалистическими интерпретациями.

Рассмотрение буквального смысла текста базируется на синтаксическом понятии парцелляции и психологическом понятии дискурсного и суггестивного типов восприятия. Подобные исходные категории достаточно адекватно фиксируют сущность буквального смысла — отражение действительности в акте коммуникации через смысловое членение содержания сообщения. Буквальный смысл есть результат «свершения бытия», а понимание его можно толковать как осознание объективных связей индивидуума с миром (здесь мир равен Вселенной) через перемещение в чужую субъективность, т.е. через постижение чужого знания о мире.

Парцелляция в качестве категории коммуникативного синтаксиса изучается в ряду средств смыслового членения сообщения, а в письменном тексте осуществляется посредством графических показателей интонации — знаков препинания. Знаки препинания есть маркеры разных вариантов членности — парцелляции — содержания фрагментов текста, что является основой для прочтения разных смыслов последнего.

Парцелляты могут находиться как в контактной, так и в дистантной позиции относительно базовой части предложения или других, формально и семантически связанных с ним парцеллятов. Дистантная позиция парцеллятов в данном фрагменте может быть охарактеризована как кольцевая.

Каждый парцеллят по закону компрессии может быть свернут до одной единицы — своеобразной доминанты, которая при объединении с другой доминантой создает микроструктуру текста.

Анализ выделенного фрагмента текста показывает, что буквальный смысл текста может быть актуализирован с помощью эксплицитной и имплицитной парцелляции. Эксплицитная парцелляция аналогична собственно синтаксической парцелляции, т.е. способу речевого представления единой синтаксической структуры несколькими коммуникативно самостоятельными единицами. Эксплицитная парцелляция позволяет вычленить парцелляты — указательные знаки, маркирующие пространственные проявления мира, и парцелляты — знаки иконические, определяющие соответствующий тип поведения человека в мире.

Смысл исследуемого фрагмента текста совпадает со смыслом целеполагающей деятельности сознания — получением знаний о том, что и как предстоит сделать человеку. Целеполагание как внутренняя деятельность актуализировано двумя срезами: горизонтальным и вертикальным. Оба среза в тексте присутствуют, но имплицитно, что требует от воспринимающего текст самостоятельного восполнения недоговоренного. Вербализация имплицитной информации осуществляется через посредство опорных смысловых узлов, вычленяемых в каждом парцеллированном сегменте. Горизонтальный срез интерпретируется на текстовом уровне с помощью установления импликационных связей между компонентами парцеллятов. В логике импликация определяется как логическая связка, отражаемая в языке союзом «если... то» и формализуемая как А — В, т.е. А влечет за собой В.

Вертикальный срез целеполагающей деятельности рассчитан на эффективное восприятие и понимание. В тексте он эксплицируется в виде полисиллогизмов-энтимем и «метонимических» ассоциаций. «Метонимические» ассоциации — это выявление прочных объективных отношений между предметами, единицами, понятиями, постоянно взаимозаменяемыми или ассоциативно соотносимыми друг с другом в определенной интерпретационной системе; комбинация смысловых узлов дает основные парцеллированные сегменты смысла.

Таким образом, анализ буквального смысла фрагмента есть исследование результата свершения бытия как ряда наслоений, которые могут расти, творя ступень за ступенью. Интерпретация текстов Живой Этики необходима для оформления нового понимания индивидуума как жизненной сущности, т.е. такого состояния, когда он поймет, что его жизненное устремление ведет к осознанию ступеней, в результате которого произойдет трансформация сознания и откроется начало пути к Беспредельности.

Е.А.Цыб

Институт русского языка РАН (Москва)

КОМПАРАТИВНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ И КОНСТРУКЦИИ КАК ЯЗЫКОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ — ЕДИНИЦ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале поэзии В.Хлебникова и Н.Заболоцкого)

Что является языковой основой сравнительных словосочетаний (скажем, *Ниспали волосы как плащ* (Хл.) и *Глаза упали, точно гири* (Зб.), отличных от устойчивых сравнений типа *круглый как шар*, *сладкий как мед*, *расти как снежный ком*, *падать как камень*, если допустить, что единицу языка от единицы речи отличает прежде всего воспроизводимость свойств ее составляющих? Их языковой основой являются комбинации воспроизводимого в этих сочетаниях — прежде всего лексико-тематических категорий, к которым относятся элементы сравнений, его субъекты (то, что сравнивается) и объекты (то, с чем сравнивается). Приведенные сочетания из стихотворений Хлебникова и Заболоцкого имеют одну и те же основу из-за принадлежности субъектов сравнения в обоих случаях к категории «Человек», а объектов — к категории «Вещи».

Под термином «компаративная конфигурация» понимается пара лексико-тематических категорий, объединенных компаративным отношением.

317 сравнений из поэзии Хлебникова и 327 сравнений из поэзии Заболоцкого с категориальной точки зрения могут быть разбиты на категории в зависимости от того, какие конфигурации они реализуют. По нашему предположению, наиболее крупные лексико-тематические категории субъектов и объектов сравнений задаются противопоставлением «Природа (П) — Не-природа (П')». К П' относятся «Вещи» (В) в оппозиции к «Человеку» (Ч).

В соответствии с этим на самом высоком уровне классификации выделяются четыре компаративных конфигурации: П/П — В эти дни золотая мать-мачеха

золотой черепашкой ползет (Хл.); Где лошади, как мамонты в оглоблях, Бегут, урча... (Зб.); П/П' — Где, как волосы девицыны, плещут реки, там, в Царицыне (Хл.); И вот река, как бешеная дева, мое большое тело обняла (Зб.); П'/П — Глаза темны, как небеса (Хл.), Жених к невесте лепится ужом (Зб.); П'/П' — ...Рукой задвинул лица пылающую книгу (Хл.); Точно клубки ниток, ты катимся вдаль (Зб.). В символическом обозначении конфигураций слева указана категория субъекта, а справа — категория объекта.

Упорядочим компаративные конфигурации для каждого поэта по убыванию их значимости.

Хлебников: П/П' > П'/П > П'/П' > П/П

Заболоцкий: П/П' > П'/П' > П'/П > П/П

Двух поэтов объединяет приверженность к сравнениям, субъект которых принадлежит категории П, а объект — категории П': Где орел жалуетца на что-то, как усталый жаловаться ребенок (Хл.); Нелюдимый, как дикарь, Песню прадедов воинственных Начинает петь глухарь (Зб.). Инструмент поэтического познания природы в обоих случаях — это мир человека. Объединяет их и принадлежность к периферии сравнений типа П/П: Перекати-полем катится собачка (Хл.); А бедный конь руками машет, То вытянется, как налим (Зб.).

Различие поэтической гносеологии двух поэтов касается способов поэтического познания Не-природы (П'). Для Хлебникова инструментом познания является Природа (П), а для Заболоцкого — та же Не-природа (П'): Твои губы — брови тетерева, Твои косы — полночь падает (Хл.); Внизу на выступе оркестра, Как жрец, качается маэстро (Зб.). Хлебников в отличие от Заболоцкого в зависимости от объекта изучения меняет инструмент познания. По методу познания Хлебников — естественник, а Заболоцкий — гуманитарий.

Компаративные конфигурации объединяются в более крупные единицы — пучок конфигураций с общей категорией субъекта сравнения назовем компаративной конструкцией. К этому понятию приводит как анализ системы устойчивых сравнений (белый как снег, белый как мел, белый как сахар), так и традиция изучения системы сравнений. Понятие конфигурации мотивируется внутренним устройством языкового прообраза сравнительного словосочетания, а понятие конструкции — внешним.

Раздел 8. АНТРОПООРИЕНТИРОВАННЫЕ СЛОВАРИ И ИХ ТИПОЛОГИЯ

Н.В.Богданова

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЕКТ ОРФОЭПИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОЙ ПЕРИФЕРИИ

Задача кодификации литературной нормы на всех языковых уровнях всегда была актуальной и в значительной степени первоочередной. Разнообразные нормативные словари — орфографические (в том числе узкоспециальные типа «Слитно или раздельно?»), грамматические, словари управления или сочетаемости и т.п. — во-первых, являются максимально необходимыми самым широким слоям носителей языка — от школьников до специалистов-филологов самого высокого уровня, а во-вторых, представляют собой наиболее нестабильное, катастрофически устаревающее собрание рекомендаций нормативного характера. В этом легко убедиться, сопоставив издания одного и того же словаря, вышедшие в разное время. В первую очередь это касается словарей (весьма немногочисленных вообще), регламентирующих русское литературное произношение.

Орфоэпические нормы менее других консервативны и первыми подвергаются изменениям в процессе эволюции языка, что делает кодификаторскую работу в области русской орфоэпии постоянно актуальной. Однако существует область лексики, которая до сих пор вообще не была объектом орфоэпической кодификации. Речь идет о так называемой языковой периферии — лексической (ЛП) и фонетической (ФП). К ЛП относятся лексические пласты, отличающиеся редкой употребительностью и потому не всегда подчиняющиеся действующим фонетическим законам русского языка. Это заимствования, аббревиатуры, сложные (многокорневые) слова и т.п. К ФП можно отнести, наоборот, сверхчастотную лексику, которая в силу своей чрезмерной активности в речи тоже «выпадает из общего ряда» и не укладывается в рамки действия известных фонетических закономерностей, — служебные и вводные слова, имена числительные, некоторые наиболее употребительные знаменательные слова (*говорить* в разных формах, *сейчас*, *здесь* и т.п.). Последняя группа слов традиционно никогда не относилась к языковой периферии, не рассматривалась в орфоэпических словарях (или рассматривалась — это касается в первую очередь знаменательных слов — в общем ряду, без учета их специфики) и никогда не становилась объектом специальных исследований. Орфоэпические рекомендации на их счет либо отсутствуют вообще, либо не соответствуют языковой практике.

Несомненно, назрела необходимость создания орфоэпического словаря нового типа, ориентированного целиком на языковую периферию (ЛП и ФП). Возможные возражения, что фонетическая специфика данных групп слов малосущественна на фоне лексического массива кодифицированного литературного языка, легко снимаются следующими аргументами. Во-первых, с учетом ФП говорить о несущественности языковой периферии в целом уже невозможно. Во-вторых, в связи с развитием сферы преподавания русского языка нерусским и сферы автоматизации обработки лингвистического материала, что, безусловно, характеризует современное языковое состояние, рассматриваемые явления приобретают новую значимость. И в методических, и во многих прикладных целях совершенно необходим не только полный перечень действующих фонетических законов, но и исчерпывающий список исключений, в который как раз и войдут явления ЛП и ФП. Подобный список должен сопровождаться пословными орфоэпическими рекомендациями, которые в современных условиях могут быть получены только на основе всестороннего экспериментально-фонетического анализа реальной речи носителей языка. Новый словарь, работа над которым ведется в ЛЭФ им. Л.В.Щербы при Санкт-Петербургском университете, создается как раз на основе таких экспериментально-фонетических исследований. В предлагаемом докладе иллюстрируются первые блоки «Орфоэпического словаря языковой периферии» и излагается программа дальнейшей работы в этом направлении.

Н.П.Бутенко, С.В.Мартинек

Львовский государственный университет, Украинская академия печати им. Федорова (Львов)

РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ (на материале русского и украинского языков)

Анализ реакций, полученных в направленном ассоциативном эксперименте, в ходе которого испытуемые должны были включить заданное слово-стимул в грамматически и по смыслу связанное сочетание слов, позволил получить результаты,

которые были интерпретированы с точки зрения когнитивной лингвистики. Полученные таким образом ассоциативные реакции относятся к разряду синтагматических и представляют собой имитацию фрагментов речевой деятельности, хотя не следует говорить об абсолютно точном подобии полученных сочетаний слов реально встречающимся в речи. Как свидетельствуют данные эксперимента, испытуемые часто дают реакции, которые указывают на основной, характеризующий признак предмета, что в реальной речи создавало бы известную семантическую избыточность (*гейзер горячий, океан большой* — РЯ; *море соленое* — УЯ), или называют признак, указание на который уже содержится в самом составе производного слова (*речка маленькая, озеро маленькое, небольшое* — РЯ).

Такая избыточность, которая не является характерной для живой речи, свидетельствует, в частности, о том, что говорящий в реальном акте коммуникации и испытуемый при проведении ассоциативного эксперимента ставят перед собой различные цели: если говорящий стремится наиболее адекватно выразить свою мысль и вызвать ту или иную реакцию собеседника, то испытуемый в рассматриваемой ситуации стремится указать какой-либо признак предмета, называемого словом-стимулом, или включить его в систему отношений и связей, в которых этот предмет может выступать.

Так, значительную часть полученных реакций составляют слова, указывающие на тот или иной признак вызываемого в сознании человека словом-стимулом целостного образа (*река глубокая, течет, море большое, синее, колодец деревянный, с водой* — РЯ; *океан великий, неосынный, озеро догве, глибоке* — УЯ). Следующая группа реакций позволяет установить, в какие связи данный стимул включается в сознание человека (*деревенский пруд, поехать на взморье, плыть по реке* — РЯ; *озеро сільське, річка місцева* — УЯ). В данном случае происходит не экспликация какого-либо отдельного признака, а включение образа как целостной концептуальной единицы в некоторую картину (фрейм, сценарий), активизирующуюся в сознании человека. И, наконец, можно выделить значительное количество эмоционально-оценочных реакций (*трясина отвратительная, жуткая, речушка родная* — РЯ; *болото страшне, озеро прекрасне, небезпечне* — УЯ).

Следует, однако, отметить, что все указанные группы реакций тесно связаны между собой. Указывая тот или иной признак предмета, человек дает ему оценку. Особенно это заметно в случае указания на размер: реакции *глубокий, большой, маленький* заставляют предположить существование в человеческом сознании некоего «эталонного» объекта, с которым производится сравнение. Эмоционально-оценочные реакции мотивированы знанием некоей типичной ситуации, действий в ней человека и их возможных последствий (*трясина опасная* — РЯ; *океан небезпечный* — УЯ; см. также примеры выше). Таким образом, подобные реакции не являются случайными — они закономерно вытекают из знания ситуаций, в которых человек сталкивается с данным объектом.

Итак, результаты ассоциативного эксперимента позволяют нам судить о том, какие характерные признаки присущи данному компоненту и какие отношения представляются существенными для него с точки зрения говорящего. Полученные результаты дают более обширный материал для понимания того, что входит в ядро значения слова, чем результаты дистрибутивного анализа, поскольку, как уже было сказано, в реальной речи человек избегает семантически избыточных, некорректных со стилистической точки зрения сочетаний слов. Именно поэтому нельзя недооценивать важность получаемых в ассоциативном эксперименте результатов для составления толкований значений слов.

Л. М. Васильев
Башкирский государственный университет (Уфа)

О «СИСТЕМНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»

История мировой лексикографии знает немало системных словарей: предметно-тематических, идеографических, аналогических, словообразовательных, синонимических, антонимических, ассоциативных и др. Однако при всей их важности они не отражают в полной мере семантическую систему представляемого языка, структурно-семантическую организацию его лексики и фразеологии. Такую задачу ставит перед собой «Системный семантический словарь русского языка», над которым работает автор этих тезисов. В нем будет представлена только предикативная (признаковая) лексика и фразеология: глаголы, существительные, прилагательные, наречия, идиомы, устойчивые перифразы. В основе их классификации лежат семантические категории русского языка. Весь корпус предикатов (предикатных

значений) делится на 9 классов (макрополей): 1) бытийные предикаты; 2) предикаты отношения; 3) предикаты состояния; 4) предикаты свойства; 5) оценочные предикаты; 6) предикаты пространственной ориентации; 7) акциональные предикаты; 8) акционально-процессуальные предикаты; 9) предикаты движения.

Каждый из этих классов подразделяется на подклассы:

— в первом классе выделяется 4 подкласса: абстрактно-бытийные, событийные, фазисные и предикаты биологического бытия;

— во втором — 11 подклассов: абстрактные релятивы, предикаты тождества, подобия, соответствия, различия, зависимости, взаимоотношения целого и части, последовательности, принадлежности, социальных (межличностных) отношений, эмоционального отношения;

— в третьем — 5: физического, физиологического, психологического, социального и функционального состояния;

— в четвертом — 3: качественные, количественные и градуальные;

— в пятом — 6: абстрактно-оценочные, модальной, этической, эстетической, утилитарной и сенсорной (гедонической) оценки;

— в шестом — 4: предикаты местонахождения (абстрактные локативы), местоположения, местожительства и способа положения в пространстве;

— в седьмом — 8: абстрактные, физической, умственной, речевой, эмоциональной и волевой деятельности, конкретного действия, воздействия;

— в восьмом — 5: ощущения, желания, внимания и интереса, чувственного и умственного восприятия, физических и психо-физиологических процессов;

— в девятом — 4: абстрактные, поступательного, вращательного и «фиксированного» движения.

Внутри названных подклассов, в свою очередь, вычленяются группы (микрополя) следующей ступени иерархии, более или менее сложные по своей внутренней структуре. Например, фазисные предикаты разделяются на 3 группы: начинательные, финальные и предикаты протекания бытия во времени. Проводится и дальнейшая иерархизация материала. Непосредственным объектом описания в Словаре являются лексические парадигмы. Они устанавливаются путем анализа возможных противопоставлений внутри рассматриваемой лексики и фразеологии по тем или иным категориальным семантическим признакам (бытийности, инхоативности, каузативности и т.д.).

В начале словарной статьи приводятся исходные семантические непроеизводные предикаты. Затем описываются их дериваты: инхоативы, каузативы, результативы и т.д. В конце основной лексической парадигмы помещаются все возможные формы способов глагольного действия. Завершает словарную статью перечень абстрактных имен действий, признаков, лиц как носителей признаков. Антонимичные группы предикатов описываются отдельно (как соотносительные парадигмы). Дифференциальные семантические признаки, различающие предикаты внутри микропарадигм, толкуются лишь тогда, когда это необходимо для их правильного понимания (например, при подаче эссивов, релятивов, локативов и т.п.). Но этого не делается при описании, например, некоторых предикатов свойства (цветообозначения, звучания, поведения и т.п.). Иллюстративные (текстовые) примеры тоже даются лишь в тех случаях когда понимание предикатных значений без них затруднительно. Синтаксическая характеристика слов дается с помощью моделей управления и семантических моделей предложения. Важнейшая литература приводится в конце каждого основного раздела Словаря.

Фактической базой Словаря являются различные лексикографические и лексикологические труды, а также картотеки составителей.

Словарь не претендует на полноту. В него сознательно не включаются: архаизмы, неологизмы, окказионализмы, профессионализмы, специальная лексика и фразеология, редко употребительные единицы языка и некоторые другие. Главная задача Словаря — показать взаимосвязь семантических полей и их внутреннее строение.

В докладе будут продемонстрированы образцы отдельных словарных статей.

Т.А.Волошина

Ростовский государственный университет (Ростов-на-Дону)

НАРОДНОЕ КАЗАЧЬЕ ПРАВО НА ДОНУ В XVI—XIX вв. (лексикографическое описание)

1. Во второй четверти XVI в. происходит формирование разрозненных казачьих групп в организацию, позднее названную Войском Донским. Войско Донское управлялось Войсковым кругом. Среди прочих функций Войскового круга были и судебные.

2. Постепенно на Дону сложилось народное казачье право, включающее свои, неписанные законы (*non scripta, sed nata lex*), судебные органы, систему наказаний и их исполнения. Эта правовая система сложилась под влиянием особого уклада жизни донского казачества — постоянной вооруженной борьбы с соседями: турками, крымскими татарами, ногайцами и т.д. Самым страшным преступлением была измена Войску.

3. Наивысшим органом власти Войска был казачий круг, первое упоминание о нем появляется в исторических документах 1554 г. В XVI—XVII вв., отчасти в XVIII в. Войско Донское управлялось Войсковым кругом, на котором решались вопросы, касавшиеся всего Войска в целом. Сюда выносились и те судебные дела, которые не мог решить станичный круг. В станичном кругу обычно решались «тяжебные дела» между казаками.

Эта самобытная демократическая система просуществовала вплоть до XVIII в.

4. К концу царствования Петра I относятся важные изменения во внутреннем управлении донского казачества. В конце XVIII в. Войсковой круг перестал быть органом народной власти, хотя формально его продолжали собирать. В 20-е гг. донцы лишились права самостоятельного назначения войскового атамана. В 1732 г. Круг лишается права избирать походных атаманов, а с 1754 г. — войсковых старшин.

5. В XVIII в. управление Войском Донским переходит в ведение Военной коллегии. Внутри Войска Донского дела вершились через Войсковую канцелярию (1740 г.), в ведении которой находились военные и судебные дела. Однако еще долго внутренние дела, суд и расправа над казаками «чинились по древнейшему их казачьему обыкновению» (Ригельман).

6. В 1864 г. на Дону была проведена судебная реформа. Было введено новое судопроизводство, согласно которому отменялся старый сословный суд, вводился суд присяжных. Таким образом, в XIX в. на Дону полностью утверждается общегосударственная судебная система.

7. Народное казачье право, существовавшее в течение веков на Дону, сформировало свою терминологию, отражающую самобытную судебную систему, различные виды наказаний и др. Эта терминология должна стать частью Энциклопедического словаря по истории и этнографии Дона.

8. Суд могли вершить: *станичный суд* — низшая судебная инстанция на Дону в XVI—XVII вв. (уголовные «тяжебные» дела решались на станичных судах; дела по обидам большей частью решались миром); *словесный суд* — низшая судебная инстанция на Дону в XVII—XVIII вв., которая занималась торговыми сделками и взыманием долгов по векселям.

9. На Дону сложилась своя система наказаний, включавшая смертную казнь. «В куль да в воду» — высшее наказание, которое назначалось Войсковым кругом за измену, предательство, неповиновение приказам в XVII—XVIII вв. «На преступников, подлежащих смерти, надевали мешки, которые наполняли песком и камнями, и так бросали в воду» (Ригельман). В XVIII в. у донских казаков существовал еще один вид смертной казни: изменившего Войску выводили на рубежную черту, где перерубали пополам. Одну часть тела оставляли на своей территории, а другую перебрасывали на враждебную.

10. *Наказание плетью* — за небольшие провинности станичный круг мог приговорить виновного к наказанию плетью. Данный обычай существовал в станицах долгое время и был известен еще в начале нашего века (роман М.Шолохова «Тихий дон» и др.).

11. *Очистка* — наказание за оскорбление. Обидчика при этом били палкой по ногам, пока станичный сбор не скажет: «Будет. Очистил».

12. Известны и другие наказания: виновного в краже водили по станице с поличным; наложение штрафов и т.д. Один из видов штрафов — *напой*. Наказанный казак обязан был напоить сход. Позднее этот вид штрафа был отменен.

13. Для тех казаков, которые подверглись наказанию, существовало особое название — *пенный*. *Непенные казаки* — это неопороченные по суду казаки. Пенные казаки, видимо, лишались каких-то прав, однако известно, что когда объявлялся поход, то в Войско призывались пенные и непенные казаки.

14. *Тягулевка* (тигулевка, тюгулевка, тягилевка) — дом для арестованных. *Холодная* — то же, что и «тягулевка».

К.И.Демидова

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В современной лексикологии при изучении семантики слов выделяются и разрабатываются разные аспекты, что связано прежде всего с целями и задачами

конкретного исследования: 1) изучение слова с точки зрения его места в лексико-семантической системе; 2) выявление особенностей функционирования слова в речи; 3) исследование лексического фона, в том числе социолингвистической ситуации употребления слова; 4) выделение лингвострановедческого компонента в значении слова; 5) психолингвистический аспект анализа; 6) региональный аспект и др. Каждый из этих подходов правомерен, актуален. В нашем докладе основное внимание будет уделено ареальному и системному аспектам изучения слова.

Современная лексико-семантическая система — сложное образование, состоящее из бесчисленного множества взаимосвязанных семантических общностей слов. Ее изучение возможно путем постепенного анализа отдельных звеньев, отдельных фрагментов системы, среди которых можно выделить семантические общности, рассматриваемые нами как лексико-семантические парадигмы (ЛСП). Изучение слова не только с точки зрения его соотношения с предметами, признаками, действиями и т.п. объективной реальности, но и через его связи с другими словами (т.е. через систему) позволяет выявить прежде всего компоненты лексического значения. В структуре значения слова раскрываются не все реальные свойства объекта, а только те, которые формально, лингвистически осознаны, т.е. отражены в оппозициях соответствующих слов.

Принимая во внимание многообразие форм проявления национального языка, полагаем, что один из важных аспектов исследования семантических общностей слов — изучение территориального варьирования этих объединений, которое определяет региональный компонент семантики слова, а также выявление его источников, поскольку состав ЛСП и связи слов в них на разных территориях их функционирования неодинаковы. Например, семантическая структура слова *запеканка* имеет в макросистеме талицких говоров Свердловской области четыре семантических варианта: 1) кушанье, приготовленное путем запекания в печи разбитых и взболтанных яиц; 2) кушанье из запеченной рисовой, манной или другой крупы; 3) кушанье из толченого картофеля с молоком, сметаной и яйцом; 4) запеченное молозивое молоко. Однако в конкретных микросистемах эта семантическая структура варьируется, что обусловлено различиями ЛСП в разных диалектных микросистемах.

Региональный компонент значения не охватывает, как правило, слова, составляющие ядро ЛСП и обозначающие повсеместно распространенные реалии. Он обычно наличествует при существовании вариантных единиц в определенной диалектной системе.

В докладе рассматриваются источники территориального варьирования ЛСП, тем самым определяются причины существования регионального компонента значения слова.

Изучение регионального компонента семантики слова дает возможность лучше узнать духовную культуру народа, населяющего тот или иной регион, его менталитет, так как «язык любого народа — это его историческая память, воплощенная в слове» (Л.И.Скворцов); в языке вообще и в говорах в частности отражаются национальная психология, характер народа, склад его мышления, духовность.

Разработка регионального аспекта при изучении семантики слова имеет большое значение для практики лексикографии. Например, сравним набор дифференциальных смысловых признаков у слова *зверобой* в МАС ('травянистое растение или полукустарник, применяемые как лечебное средство') и в «Системном словаре предметно-обиходной лексики говоров Талицкого района Свердловской области» ('лечебное растение с широкими резными листьями и желтыми цветами, растущее преимущественно на полянах'). Выделенные признаки важны с точки зрения ЛСП, а следовательно, и с точки зрения системы, функционирующей на определенной территории.

В.В.Дубичинский
Харьковский политехнический университет

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСЕМ В СЛОВАРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Словарь лексических параллелей, т.е. внешне (устно-письменно) сходных лексем сравниваемых языков, — лексикографическое произведение, которое на уровне лексико-семантических вариантов лексем описывает национально-культурное своеобразие лексических единиц.

Различные по значениям или по совокупности значений лексические параллели двух или более синхронически сопоставляемых языков называем ложными. Например, ложными лексическими параллелями являются русск. *бланк* 'лист с частично

впечатанным текстом, в остальной части подлежащий заполнению', англ. blanc — '1. Белый (о человеке); 2. белый цвет, белая краска; 3. пробел, пустое место на странице; 4. бельевой товар'.

Основную часть словаря составляют неполные лексические параллели. О неполных лексических параллелях может идти речь в случае совпадения одних и несовпадения других значений семантической структуры сходных лексем в различных языках. Например: русск. *фамилия* '1. наследственное семейное наименование человека, прибавляемое к личному имени, переходящее от отца (матери) к детям; 2. ряд поколений, носящих одно наследственное наименование и имеющих одного предка, род' — англ. *family* '1. семья; 2. дети; 3. = фамилия 2; 4. происхождение; 5. биол. семейство' — франц. *famille* '1. семья; 2. дети, потомки; 3. = фамилия 2'.

Совпадающие значения неполных лексических параллелей мы называем интерлексами — интернациональными ЛСВ лексем. Специфические значения, отражающие национально-культурное своеобразие лексем, называются идиолексами.

Кроме того, даже в совпадающих значениях (интерлексах) можно выделить мельчайшие различающиеся в сравниваемых языках смысловые оттенки. В словаре они обозначаются знаками: > — сужение или < — расширение интернационального значения. Например, ср.: русск. *комбайн* 'машинный агрегат, выполняющий одновременно работу нескольких машин или приборов' — англ. *combine* '= комбайн > только сельскохозяйственный'; русск. *семестр* 'учебное полугодие в высших и специальных средних учебных заведениях, завершающееся сдачей зачетов и экзаменов' — франц. *semestre* '= семестр < полугодие вообще'.

Полными лексическими параллелями называются внешне сходные лексемы двух и более синхронически сравниваемых языков с полностью совпадающими семантическими структурами или единственным совпадающим значением. Например: русск. *скульптура* '1. вид изобразительного искусства...; 2. произведение или совокупность произведений этого вида искусства' — англ. *sculpture* '1. = скульптура 1; 2. = скульптура 2' — франц. *sculpture* '1. = скульптура 1; 2. = скульптура 2'.

Полные и неполные лексические параллели мы относим к традиционному понятию «интернациональные слова», так как интерлексемами считаются лексические единицы, в семантической структуре которых совпадает хотя бы одно из значений.

Таким образом, в лексикографическом описании национально-культурное своеобразие лексических параллелей представляется в виде:

- специфичных лексем — ложных лексических параллелей;
- специфичных ЛСВ — идиолексов;
- различных смысловых оттенков интерлекс сравниваемых лексем.

Лексикографирование лексических параллелей не только показывает их формально-содержательную близость и национально-культурное своеобразие, но и предупреждает переводческие трудности, акцентирует внимание на возможных ошибках интерференционного характера.

Очевидную необходимость в настоящее время испытывают в такого рода словарно-сопоставительных исследованиях и лингвистика, и методика преподавания иностранных языков (русского как иностранного), переводоведение, культурология и многие другие области человеческой деятельности.

И.Е.Ким

Красноярский государственный университет

К ПОСТРОЕНИЮ СЛОВАРЯ РЕФЛЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Как об одной из задач современной лексикографии можно говорить о создании узконаправленных, специализированных словарей, включающих ограниченный лексический материал, но при этом обладающих подробным, специально разработанным аппаратом описания. По всей видимости, промежуточным этапом создания большого словаря, посвященного человеку, могут стать словари такого типа, организованные, например, по тематическому принципу. В качестве образца такого словаря автором предлагается словарь рефлексивной лексики русского языка.

Под рефлексивностью понимается особое отношение участника (или участников) события, связанного с обработкой информации (т.е. мыслей, эмоций, оценок, речи и др.), к объекту, которым является само это событие. Рефлексивность — это тождество/единство участника события обработки информации и участника события, являющегося объектом информации. Так, например, некто может думать о событии, участником которого был он сам, поскольку рефлексивность может задаваться двумя участниками: участником события-объекта может стать и субъект, и адресат речи.

В языке рефлексивность выражается разными средствами:

1) синтаксически, в составе высказывания, средствами кореферентности, например синтаксическим нулем, как во фразе: Петя подумал, что 0 'Петя' решит эту задачу;

2) лексемой, обозначающей событие оперирования информацией, в ее лексическом значении (например, *жаждать* 'сильно, страстно желать чего-л.' (МАС), в толковании которого не отражена рефлексивность: *жаждать* — желать чего-л. для себя), а также и морфемно, с помощью возвратного постфикса *-ся* (ср.: *решиться* 'после колебаний решить что-либо сделать' и глагол *решить*, не навязывающий рефлексивности).

Поскольку рефлексивность сращена с событием обработки информации, то можно говорить о классе рефлексивных событий, образующих подкласс событий обработки информации. Количество лексем, обозначающих рефлексивность, достаточно велико — автор располагает картотекой в 2,5 тыс. единиц, базирующейся в основном на выборке из МАС. Уже само это количество говорит о том, что рефлексивные события занимают существенное место в жизни человека: в лексике отражаются регулярно повторяющиеся, общественно значимые события.

Рефлексивность как отношение, захватывающее только антропосферу, оказывает-ся аналогичным философскому и психологическому понятию рефлексии, самопознанию, осмыслению человеком своего места в мире. С другой стороны, рефлексивность сближается с грамматической категорией рефлексивности, семантически представляющей собой единство объекта действительности, выполняющего в событии две роли, одна из которых — роль субъекта. Поэтому, с одной стороны, слова, обозначающие рефлексивность, входят в состав рефлексивной лексики, а с другой стороны, средства рефлексивности (возвратности) используются для выражения рефлексивности (ср., кроме *решиться*, такие слова, как *бахвалиться*, *самоумнение*, *себялюбие* и др.).

В состав словарной статьи словаря рефлексивной лексики, помимо толкований, использующих специально разработанный метаязык, должна входить и синтаксическая характеристика лексем, поскольку они обозначают событие, оперирующее еще одним событием, т.е. в словарной статье должен приводиться набор возможных синтаксических конструкций. Кроме того, необходимо указание синтаксических средств выражения рефлексивности, с которыми способна сочетаться данная лексема.

Таким образом, словарь рефлексивной лексики русского языка вполне соответствует статусу словаря. Описывая специфический фрагмент деятельности человека, он должен представлять несомненный познавательный интерес.

В докладе будут предложены образцы словарных статей.

З.И.Комарова

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

ТЕРМИНОГРАФИЯ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Современная цивилизация есть
цивилизация словаря.

А.Рей

Состояние любой науки в каждый момент ее развития определяется теми задачами, которые ставит перед ней общество, ее собственным уровнем развития и предшествующей историей, а также состоянием других наук, как смежных, так и не смежных с ней. Нашей задачей является выяснение того, почему формирование терминографии как науки приходится именно на два последних десятилетия и какое место в ее становлении занимает антропологическая научная парадигма, усматривающая в понятии «человек» основную категорию и исходящая из нее в объяснении природы, общества и мышления.

Терминография — междисциплинарная прикладная наука о теории и практике составления терминологических словарей. А поскольку важнейшая единица описания терминологического словаря, термин, как «квант» научного знания имеет общенаучное значение, то и сама дисциплина носит «стыковой» характер. Она утверждает себя на стыке наук: терминоведения, языкознания (особенно — общей лексикографии) и предметного знания. Терминоведение, в свою очередь, является междисциплинарной наукой, интегрирующей, кроме названных дисциплин, еще и логику, онтологию, гносеологию, семиотику, информатику, теорию систем, науковедение, социологию, психологию и др. В связи с этим «стыковая зона» терминографии значительно расширяется.

Из сказанного следует: для становления терминографии определяющее значение имеют как внешние (общенаучные и логико-методологические), так и внутренние (комплекс наук, интегрированных терминографией) предпосылки. К основным внеш-

ним предпосылкам следует отнести прежде всего принцип интеграции наук, распространение системного подхода как методологической концепции и тенденцию к общей математизации наук. В настоящее время господствующей научной парадигмой стала функционально-системная парадигма. Все большее признание получает понимание адаптивности как самоорганизации систем, в том числе языковых и терминологических. Результатом адаптивного развития стала полевая структура единиц, возведение поля в метод и поворот к антропологической научной парадигме. В этих условиях произошло становление:

— антропологической лингвистики (функционально-коммуникативной, деятельностной, прорвавшейся в макромир — лингвистику текста и микромир — лингвистическое портретирование и осознавшей функциональные модели языка);

— теории лексикографии (к концу 70-х гг.) с ее тенденцией к «лексикографической параметризации языка» (Ю.Н.Караулов), выразившейся в двух направлениях антропологического подхода: словарь в человеке и человек в словаре, а также в создании «преимущественно лингвоцентрических и антропологических словарей» (В.В.Морковкин);

— терминоведения (конец 70-х — начало 80-х гг.), в котором был сформулирован основной принцип: первичность сферы функционирования и вторичность сферы фиксации термина.

На этом фоне была осуществлена феноменолизация термина.

Таким образом, если исходить из понимания языка «как энергии человеческой культуры» (В.И.Вернадский) и из понимания его сущности как «человеческой деятельности, деятельности одного индивида, направленной на передачу его мыслей другому индивиду...» (О.Есперсен), т.е. если исходить из понимания языка в рамках антропологической парадигмы, в которой любое слово есть «познающий субъект и познаваемый объект» (П.А.Флоренский), а также «максимальное сопряжение осмысленного бытия... расцветшее и созревшее сущее» (А.Ф.Лосев) и в которой терминология — «повесть о закономерностях развития знания о природе и обществе» (В.В.Виноградов) — то в этом случае познание и описание термина не только как структурно-системного феномена, но и как феномена социокультурного принципиально возможно только на уровне переклечения взаимодействия общей и специальной коммуникации, языковой и семантической компетенции, «ориентации в целостной картине мира» (Н.Д.Арутюнова) и других компонентах прагматической компетенции носителя языка и в целом — в парадигме деятельностной модели современной культуры, современной цивилизации.

Итак, учитывая предназначенность терминологического словаря для формирования «общечеловеческого тезауруса науки» (Ю.А.Шрейдер) и передачи его в пространстве и времени, необходимо констатировать: весь понятийно-категориальный аппарат терминографии (предмет, методология, основные закономерности и категории), а также абстрактные и прикладные продукты ее деятельности в принципе антропологичны.

Л.Л.Шестакова

Институт русского языка РАН (Москва)

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ГНЕЗДОВОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Группой сотрудников Института русского языка РАН, возглавляемой проф. А.Н.Тихоновым, создается в настоящее время «Гнездой толковый словарь русского языка» (далее ГТС). Находящийся на пересечении дериватографии и толковой лексикографии, ГТС относится к типу полиаспектных словарей. В качестве основного объекта описания, центральной композиционной единицы в нем выступает словообразовательное гнездо (понимаемое как совокупность однокоренных слов, находящихся в отношениях синхронной производности). Важнейшим средством лексикографической интерпретации является при этом толкование слов гнезда, строящееся с установкой на раскрытие смысловых отношений родственных лексических единиц разной частеречной принадлежности.

Гнездование и толкование предстают в ГТС в качестве параметров первого порядка. Существенную роль играют в словаре и некоторые параметры второго порядка, в частности грамматический. ГТС включает больше, чем это характерно для основной массы толковых словарей, сведений по грамматике. Нацеленность на преимущественное описание общеупотребительной, актуальной лексики, ориентация на широкий круг читателей обуславливают увеличение стандартного набора морфологических форм (прежде всего за счет вариантных, трудных), более последователь-

ную фиксацию случаев неполноты словоизменительных парадигм и т.д. Спецификой ГТС объясняется нетрадиционный способ решения ряда вопросов грамматического свойства, непосредственно связанных с представлением слова и его производных в словаре. Особенности грамматической характеристики слов в ГТС с наглядностью прослеживаются на примере имен существительных — в аспекте категорий числа и одушевленности/неодушевленности.

Имена существительные, употребляемые в речи, как правило, в форме множественного числа и в данной форме выступающие обычно в словарях, даются в ГТС в форме единственного числа. Это целиком определяется ролью таких существительных в структурно-семантической организации гнезда. Подобным образом описываются в словаре имена, являющиеся названиями народов мира, парных предметов, кушаний и т.д.

Например:

БАШКИР/, м: а, *мн* ы, башкír/, *дат.* башкír/ам. 1. Только *мн.* Народ, составляющий основное население Башкирии. 2. Представитель этого народа.

Башкíрец/, м: башкírц/а, *мн* ы, *ев. Устар.* Башкíр.

Башкíрк/а, ж: и, *мн* и, башкíрок/, *дат.* башкíрк/ам. *Женск.* к башкíр (во 2 знач.) и башкíрец.

Башкíрск/ий, ая, ое. К башкíр (в 1 знач.), башкíрец и Башкирия, *Башкíрский язык (фольклор). Башкíрская литература (культура).*

По-башкíрски, нареч. *Говорить по-башкíрски.*

С целью отразить характер преимущественного употребления существительного в речи в форме множественного числа в ГТС используется грамматическая помета «Обычно *мн*», позволяющая толковать слово через существительное в форме множественного числа или в форме единственного числа со значением собирательности:

БАКЕНБÁРД/А, ж: ы, *мн* ы, бакенбáрд/, *дат.* бакенбáрд/ам.. Обычно *мн.* Волосы от висков вдоль щек, оставляемые при бритье. *Густые бакенбарды.*

Бáк/и, только *мн*: бак/, *дат.* бáк/ам. *Разг.* Бакенбарды. *Черные (курчавые) баки.*

БОТИНОК/, м: ботín/ка, *мн* и, ботíнок/, *дат.* ботínк/ам. Обычно *мн.* Обувь, закрывающая ногу по щиколотку. *Лыжные ботинки. Ботинки на шнурках.*

Ботíночек/, м: ботíночк/а, *мн* и, ботíночек/, *дат.* ботíночк/ам. Обычно *мн.* *Уменьш.-ласк. Детские ботиночки.*

Категория одушевленности/неодушевленности не находила до последнего времени заметного отражения в лексикографических источниках. В ГТС, как и в большинстве других словарей, при одушевленных и неодушевленных существительных нет специальных помет. Иначе обстоит дело с отличающимися объективной сложностью существительными, которые совмещают в своем лексическом значении понятие о живом и неживом. Грамматическая информация при таких существительных, как правило полисемантах, содержит формы *Вин. п. ед.* и *мн. ч.* Эти формы снабжаются указаниями на то, в каком из значений (ЛСВ) они употребляются. Сказанное касается как производящих, так и производных существительных:

БАРИТОН/, м: а, *вин.* баритón/ (в 1 и 3 знач.) и а (во 2 знач.), *мн* ы, ов, *вин.* ы (в 1 и 3 знач.) и ов (во 2 знач.). 1. Мужской голос, средний между тенором и басом. *Лирический баритон.* 2. Певец с таким голосом. *Знаменитый баритон.* 3. Струнный или духовой музыкальный инструмент, соответствующий по регистру такому голосу. *Играть (сыграть) на баритоне.*

Баритóнн/ый...

Баритóнáльн/ый...

БОГАТ/ЫЙ...

Обогатíтель/, м: я, *вин.* я (в 1 знач.) и обогатíтель/ (во 2 знач.), *мн* и, ей (в 1 знач.) и и (во 2 знач.) *Спец.* 1. Специалист по обогащению полезных ископаемых. 2. Вещество, способствующее обогащению полезных ископаемых.

В словарных статьях прослеживается также характер взаимоотношений ЛСВ производных слов с маркированными как одушевленные и неодушевленные ЛСВ производящих.

Раздел 9. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

9.1. Проблемы обучения иностранным языкам

З.В. Беркетова

Барнаульский государственный педагогический университет

ПОНЯТИЕ «MENSCH» В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ КАК ЦЕНТР ИНТЕГРАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Тема конференции, предполагающая осветить проблемы антропологической лингвистики, дает повод рассмотреть отражение понятия «человек» в имеющихся толковых словарях, раскрытию которого уделяется значительное место.

При сплошном просмотре словарей в любом из них обращают на себя внимание обширные лексические массивы, относящиеся к одной, часто многозначной лексеме, повторяющейся в качестве первого компонента вторичных слов и опорного слова приводимого фразеосочетания. Создается впечатление, что та или иная лексема закреплена на различных уровнях языка (семантическом, словообразовательном, фразеологическом) и является организующим центром всех этих уровней. Мы предлагаем называть подобные лексические массивы интеграционно-семантическими полями, центром которых являются исходные лексемы, систематизирующие лексический материал разных уровней своей формой и значением. В качестве примера рассмотрим интеграционно-семантическое поле «Mensch».

Лексема Mensch имеет следующие значения в словаре Г.Варига (G.Wahrig, 1981—1984): '1. das hochstentwickelte Wesen. 2. Person. 3. Kerl'. Совокупность значений отражает системные (языковые) и речевые факторы. Первые два значения выполняют номинативную функцию, а речевые — третье значение — часто выражают эмоции, чувства (В.И. Шаховский). Семантическая система, образованная номинативными и речевыми значениями, покоится на семантической мотивированности, образуя первый слой поля. Номинативные значения реализуются во вторичных словах и свидетельствуют о закреплённости лексемы Mensch в языке на словообразовательном уровне. Связь вторичных слов с центром также покоится на семантической мотивированности и форме первого компонента. В словаре Г.Варига 81 элемент: Menschenalter, menschenähnlich, menschlich, Menschenfeind, Menschenwerk и др. Данные лексемы образуют следующий слой интеграционно-семантического поля. Речевые значения реализуются в системе иного рода — речевой, т.е. в предложениях и его составных частях. Так, лексема Mensch в значении 'Kerl' употребляется как обращение с грубым стилистическим оттенком (Mensch, hor damit auf!) и для выражения удивления (также в разговорной речи): Mensch Meier!

В словарях фиксируется большое число пословиц, опорным компонентом которых выступает лексема Mensch: des Menschen Wille ist sein Himmelreich, Mensch, ärgere dich nicht (gesellschaftliches Spiel), den alten Menschen ablegen, einen neuen Menschen anziehen; der Mensch denkt, und Gott lenkt; kein Mensch muss müssen; man muss die Menschen nehmen, wie sie sind; er ist ja nur ein Mensch; ist das noch ein Mensch?

Большое число фразеосочетаний глагольного характера с разным управлением: einem Menschen glauben, misstrauen, vertrauen; einen Menschen betrogen, lieben, erziehen, lehren; er hat sich zu seinem Vorteil geandert, er ist ein anderer Mensch geworden, du benimmst dich wie der erste Mensch, das konnte kein Mensch ahnen, sie ist nur ein halber Mensch; an Gott und den Menschen zweifeln, sich auf einen Menschen verlassen, für einen Menschen Achtung, Liebe, Verehrung, Zuneigung empfinden; sich für einen Menschen einsetzen, den Umgang mit anderen Menschen meiden, suchen; er ist gern unter Menschen; er ist eine Seele von einem Menschen; von Menschen zu Menschen.

Лексема Mensch имеет в словаре богатую палитру различных определений, так как свойства человека, черты его характера важны для общества: ein angstlicher, furchtloser, tapferer, tatkräftiger, unerschrockener, unternehmungslustiger, anmassender, anständiger, bescheidener, boshafter, egoistischer, ehrlicher, gut erzogener, hilfsbereiter, liederlicher, selbstloser, solider, strebsamer, ungeschliffener, zuverlässiger, eigensinniger, freundlicher, gezielter, netter, natürlicher, steifer, unscheinbarer, unbeholfener, unerfahrener, geistreicher, gescheiter, kluger, langweiliger, schlagfertiger etc Mensch.

Приведенные определения человека не могут охватить все разнообразие его свойств. Это лишь незначительная часть словаря, касающаяся внешних и внутренних свойств человека.

В заключение отметим, что лексема Mensch, являясь центром интеграционно-семантического поля, объединяет все семантические уровни и представляет картину

мира, связанную с понятием Mensch особенно полно. Представляется, что несмотря на структурные особенности данного поля в немецком языке (например, огромное число сложных слов), оно содержит в области семантики много общечеловеческого, поэтому само понятие интеграционно-семантического поля можно рассматривать как универсальную структурную единицу, характеризующую славянские, германские, тюркские языки.

Е.В. Корнева
Воронежский государственный университет

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ВОЗВРАТНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Употребление возвратных местоимений во многих индоевропейских языках отчетливо демонстрирует принцип антропоцентризма в познании и описании окружающего мира. Прежде всего это связано с происхождением возвратных местоимений: они нередко возникали из слов со значением 'душа', 'голова', 'тело' (К.Е. Майтинская). Семантически ориентированы на человека и их прямые номинативные значения. Покажем это на примере русского и немецкого местоимений — *себя* и *sich*.

Как правило, референтом возвратного местоимения выступает человек, производитель действия, которое направлено на него самого. Поэтому прямым номинативным значением мы считаем значение 'человек, кореферент имени субъекта'. Например, *называть себя* значит называть свое имя (имя — личное название человека); *помнить себя*, т.е. помнить свою жизнь, помнить себя как организм и как личность; в немецком языке: *sich nennen*, *von sich selbst wissen*.

Интересным представляется тот факт, что в результате метонимического переноса местоимения *себя* и *sich* могут обозначать не только человека, но в ряде случаев и помещение, территорию, которые ему принадлежат. Значение 'человек как хозяин помещения, территории' реализуется в конструкциях со значением места и направления. Например, в русском языке: у себя в квартире, у себя дома, у себя в каюте, у себя в номере (гостиницы), ходил у себя по двору. Словоформа у себя в русском языке является хорошо определенной и сохраняет смысл при пропуске обстоятельства места и даже глагола: запереться у себя (в комнате), у себя (в своей комнате или дома, на месте своего обычного пребывания). Словоформа к себе обычно сопровождается глаголами перемещения: уходить к себе, подъехать к себе, подняться к себе. Сочетания у себя, к себе могут обозначать место жительства и более широко: у себя в городе; у себя, в станице Петропавловской; у себя на родине; «(устанавливать) у себя и во всем мире новый, справедливый порядок» (А. Толстой).

В немецком языке формы *bei sich*, *zu sich* встречаются чаще в разговорной речи (*bei sich zu Hause sitzen*, *jmdn. zu sich bestellen*). Эти словоформы имеют значение 'пребывание в квартире или на месте работы'. Следует также отметить, что сходные метонимические переносы возможны в русском и немецком языках у имен собственных и личных местоимений (была у Бессонова (А. Толстой), у меня сейчас два товарища; в немецком — *bei Herrn Schneider*, *bei mir zu Hause*).

В русском языке значение местонахождения иногда осложняется семей 'вхождение в общность людей, животных, предметов' (у себя в группе, к себе в полк). В немецком языке в словоформах *bei sich*, *zu sich* подобной семы нами не выявлено.

А.Ю. Москвин
Нижегородский лингвистический университет

СОСТОЯНИЕ ИРЛАНДСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И РАБОТА НАД ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ ИРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

Ирландский язык, относящийся к кельтским языкам, в настоящее время наиболее известен из них. Он является государственным языком Республики Ирландии, хотя на данный момент им активно пользуется незначительная часть населения страны. На этом языке написана богатейшая раннесредневековая литература, по большей части еще не переведенная на русский язык.

Изучение ирландского языка на научной основе ведется с XVIII в., однако достигнутые результаты недостаточны — ученые-кельтологи в мире очень малочисленны и по большей мере сосредоточены в Дублине, где заняты в первую очередь методическими пособиями по современному языку, нормализацией официальной нормы, составлением специальных словарей и изданием еще не опубликованных письменных памятников.

Вместе с тем известно, что в кельтских языках в неискаженном виде до нас дошла древнейшая индоевропейская лексика, они очень интересны в плане реалий и сравнительной семантики, лингвистической археологии. К сожалению, в нашей стране многое остается малоизвестным, порой ученые намеренно выпускают из поля

зрения кельтский материал, а иногда в публикуемых работах кельтские слова изобилуют описками и ошибками. Одна из причин такого положения — недостаток литературы по кельтологии, отсутствие словарей и справочников.

Проблема составления этимологического словаря ирландского языка, в первую очередь древнего и среднего периода, назрела уже давно. В современной индоевропеистической литературе накопилось много толкований происхождения отдельных слов, причем поиск новых гипотез постоянно продолжается как кельтологами, так и представителями смежных областей индоевропеистики. Но весь этот богатый материал рассеян по сотням частных статей в периодике, по комментариям к памятникам, этимологическим словарям других индоевропейских языков.

Первая попытка создания словаря такого рода была предпринята Стоуксом и Беценбергером в 1894 г., однако ныне их словарь безнадежно устарел. Словарь Макбайна 1911 г. мал по объему и ориентирован на шотландский гэльский язык, а не на общегойдельский уровень. Продолжающий выходить в Париже словарь Ж.Вандриеса, при всех его достоинствах, дает неполные этимологии, опускает современный материал и не включает многие слова. Кроме того, после кончины главного автора в 1970 г. подготовка последующих томов идет медленно, и словарь до сих пор не завершён на одну треть. Академический «Словарь Ирландской Королевской Академии» (СИА), законченный в 1975 г., в основном нацелен на перевод и подачу иллюстративного материала, а этимологиям в нем уделяется второстепенное внимание.

Таким образом, в мире до сих пор нет достаточно подробного законченного этимологического словаря ирландского языка, древнего или нового, сочетавшего бы в себе полноту лексикографической информации с достижениями этимологической мысли.

С 1991 г. на базе кафедры германского языкознания МГУ ведется работа по составлению такого словаря под руководством И.А.Ершовой и Т.А.Михайловой. В настоящее время в картотеке, активно пополняемой, содержится уже 6771 этимологическая карточка. Однако главная работа по учету колоссального материала, отчасти находящегося в московских библиотеках, отчасти полученного из Ирландии, еще впереди.

Работа осложняется зачаточным состоянием российской кельтологии, когда ученых и опубликованные за 80 лет книги и статьи можно пересчитать по пальцам.

Концепция словаря видится нам следующим образом. Словник СИА перепечатывается полностью, дополняясь новоирландским и гэльским материалом по наиболее полным и авторитетным словарям. Попутно это в какой-то мере решит проблему никогда не издававшегося ирландско-русского словаря. Для производных кельтских слов даются ссылки на основную статью, для иноязычных заимствований — на язык-источник и время заимствования. Слова, для которых не найдется подходящего объяснения, обязательно будут включены в словарь с пометой «Этимологии нет», что поможет ученым будущего сконцентрировать внимание на сложных случаях. В основных статьях (примерно соответствующих по структуре концепции Ж.Вандриеса) будут разбираться отдельные кельтские корни, находимые в лексических гнездах, с приведением мнений всех ученых-кельтологов и ранее вышедших словарей, а также научной периодики и комментариев к научным изданиям текстов. Основные статьи предполагается давать максимально подробно (по примеру «Прусского словаря» В.Топорова) с ведением до индоевропейских корней, подробно рассматривая семантику, реалии и культурологический аспект. Завершит словарь указатель всех встреченных в тексте лексем всех языков (наподобие указателя в словаре Фасмера).

Такая работа не может быть выполнена в одиночку менее чем за четверть века, поэтому докладчик призывает лингвистов-диахронистов принять в ней участие. Возможен промежуточный вариант — составление в ближайшие 5—7 лет краткого словаря-компендиума ирландского языка (древнего и нового), вроде «Школьного этимологического словаря» Шанского. Издание краткого словаря (объемом примерно 10 тысяч лексических единиц, с указанием сокращенных этимологических данных, без обзора литературы) даст возможность филологам активнее включать кельтский материал в свои исследования, а впоследствии, опираясь на это издание, можно будет продолжать работу над полным текстом.

О.Г.Сидорова
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ И ПРЕПОДАВАНИИ

Известно, что при обучении иностранному языку или при переводе текста с одного языка на другой необходимо учитывать не только существующие нормы иностранного языка (фонетические, лексические и т.д.), но и реалии страны, о языке

которой идет речь. В противном случае необходимый результат не будет достигнут. Огромную роль при переводе текста с одного языка на другой играют также фоновые знания — та сумма понятий и фактов, которая присутствует в тексте в виде необъясненной (а иногда и неназванной напрямую) информации, поскольку автор полагает, что они знакомы слушателю (читателю).

Очевидно также, что сформировавшийся в своем современном виде в конкретной исторической обстановке на определенной территории язык не может в некоторой степени не отражать историю и психологию народа — носителя языка. Так, если взглянуть с этой точки зрения на английский и русский языки, то становится очевидным различие их отношение, т.е. отношение носителей этих языков, к целому ряду предметов и явлений.

Например, в английском языке одним из самых распространенных слов фольклора, литературы, фразеологии, идиоматики является слово *море* (sea) и ряд его производных. В этом, конечно же, находит естественное отражение географическое положение страны, в которой не существует места, удаленного от моря более чем на 120 км. Известно, что существительные английского языка не имеют грамматической категории рода, и все неодушевленных предметы, а также животных, принято обозначать в нем местоимением *it*. Редким исключением является слово *корабль* (ship): для его обозначения используется местоимение *she* (она). Корабль, таким образом, для англичанина — одушевленное существо, и это закреплено в языке.

Как англичане оценивают себя как нацию? Каковы, по их мнению, самые яркие черты национального характера (generalizations) англичан? На первое место, по данным опросов, выходит такое качество, как замкнутость, закрытость. Причем английское слово *insular* имеет два основных значения: '1. островной' и '2. замкнутый'. Одно и то же слово, таким образом, описывает географическое положение страны и ведущую черту национального характера ее жителей.

Следующая особенность английского языка по сравнению с русским представлена типом модальности объявлений, письменных и устных, традиционно присутствующих в общественных местах. «По газонам не ходить», «Не курить», «Зверей не кормить» — это примеры русских объявлений, которые по-английски звучат следующим образом: «No trespassing» — т.е. «(Здесь) нет прохода»; «No smoking» — «(Здесь) нет курения»; и даже «Attention! Ravens bite!» — «Осторожно! Вороны клюются!» (объявление в Лондонском Тауэре). Примеры подобного рода могут быть продолжены.

Если попытаться в свете всего сказанного выше оценить сложившуюся сегодня ситуацию с преподаванием и изучением иностранных языков, то нетрудно увидеть появление двух тенденций. С одной стороны, существует желание значительной массы людей изучить иностранный язык. С другой стороны, обнаруживается явная недостаточность изучения языка без учета реалий страны этого языка, а также специфики нации, создавшей этот язык и говорящей на нем, ее истории, психологии, даже географии, отраженных непосредственно в языке.

9.2. Проблема обучения русскому языку как иностранному

С.Андерлони
Туринский университет, Италия

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ В РУССКОМ ТЕКСТЕ И ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ

1. Вторичная номинация лица в русском тексте может быть нейтральной и может быть оценочной. Явление нейтральной номинации не вызывает затруднения у изучающих русский язык иностранцев (номинация реализуется с помощью местоимений 3-го лица, лексики, именующей действующих лиц текста на основе ранжирования по возрасту и т.п.). Напротив, оценочная номинация затрудняет восприятие текста неносителями русского языка. Такие слова, как «тетка», «дядька», «бабка», «девица», «парень» несут вполне определенную для сознания носителя русского языка дополнительную информацию о героях текста («В дверях появилась *девушка*. Она была очень хорошенькая. *Девица* пренебрежительно посмотрела на собравшихся гостей и подошла к хозяйке дома»).

Дополнительная информация не воспринимается иностранцами, хотя они продолжают отождествлять лицо, названное при первичной номинации, с лицом, обозначенным одним из вышеупомянутых слов.

2. Интересны для иностранной аудитории случаи, когда оценочная лексика, называющая лицо, появляется в первом предложении текста. Как правило, это бывает рема предложения, а сама оценочная лексика функционирует в сочетании с

неопределенным местоимением: «В дверях появилась какая-то *девица*». Мы бы квалифицировали этот случай как более трудный для восприятия иностранцем. Если в примере, приведенном в тезисе 1, подача информации идет постепенно в рамках кроссreferенциальной последовательности (девушка — она — девица), то в примере настоящего тезиса лексема может даже не опознаваться.

3. Большой интерес в иностранной аудитории всегда вызывают попытки перенесения оценочной лексики, обозначающей лицо, в сферу реальной повседневной коммуникации. Например, в зависимости от того, является ли действующее лицо текста интеллигентной или неинтеллигентной женщиной пожилого возраста, вызывающей или не вызывающей симпатию, в тексте оно может быть обозначено как *пожилая дама — старуха — старушка — бабушка*. Но можно ли эти слова использовать для обращения? Вслед за Н.Д.Бурвиковой, мы в практике обучения разбираем со студентами ситуации, соответственно маркируя их, когда обращение возможно, а когда, напротив, чревато конфликтной реакцией.

И.В.Воробьева
МГУ ПС (Москва)

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ УЧЕБНИКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК КОМПОНЕНТЫ ЕДИНОГО ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

1. Поскольку учебник иностранного языка представляет собой микромодель всего учебного процесса, с одной стороны, а с другой — систему «книга», совокупность его обучающих иллюстративных элементов в рамках общей системы учебника представляют собой невербальную лингводидактическую подсистему.

2. Невербальная лингводидактическая подсистема является вторичной и строится на основе текстовой (вербальной) подсистемы языкового учебника путем визуализации ее информации (полной или частичной), так как именно вербальный код в учебнике данного типа является не только средством передачи учебной информации, но и объектом изучения.

3. Текстовый и невербальный коды передачи учебной информации в совокупности составляют единый дидактический текст языкового учебника.

4. Невербальная подсистема взаимодействует с лингводидактическим содержанием учебника, отражая своими средствами 1) изучаемый языковой или речевой материал, 2) указывая на учебные действия с ним, а также 3) правила, подлежащие усвоению в процессе обучения.

5. Иллюстративные элементы, имеющие обучающее значение, соотносимы с основными стадиями деятельности учащихся (ориентировочной и исполнительской) и входят в лингводидактические информативные блоки.

6. Функционально невербальные компоненты (НК) могут быть классифицированы следующим образом: а) установочные (восприятие); б) семантизирующие (восприятие); в) подытоживающие (восприятие); г) задающие семантику или структуру предполагаемого высказывания (репродукция); д) задающие ситуацию для творческого высказывания (продукция); е) служащие сигналом изменения учебной деятельности. НК, имеющие несколько различных заданий, могут быть полифункциональны. Весь остальной иллюстративный материал рассматривается как декоративный (или полиграфический) и не является обязательным с точки зрения основных задач обучения.

7. Позиция отдельного невербального компонента по отношению к иллюстрируемому тексту (или текстам) определяется его конкретной функцией.

Предложенный подход, на наш взгляд, позволит более точно определить критерии построения и использования невербальных обучающих средств не только в рамках учебной книги, но и на занятиях по иностранному языку, а также при создании обучающих компьютерных программ.

Д.Б.Гудков
Московский государственный университет

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ИМЕНА И ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Современная методика преподавания иностранных языков рассматривает в качестве основной цели обучения формирование у учащихся коммуникативной компетенции. Однако адекватная коммуникация на неродном языке невозможна без знания основных элементов той когнитивной базы, которая является достоянием

носителей данного языка. Указанные элементы, как правило, не эксплицируются последними в своей речи, что создает для инофона серьезные затруднения при восприятии речи на иностранном языке.

2. Для преподавания русского языка как иностранного представляется необходимым выявление актуальных для инофона элементов русской когнитивной базы, определение способов их презентации иностранными учащимися; важно также выяснить особенности существования этих элементов в русском языковом сознании и специфику их функционирования в речи носителей русского языка.

3. В связи с поставленными задачами особое внимание следует сосредоточить на особенностях структуры и употребления некоторых индивидуальных имен (ИИ). Под ИИ мы понимаем имя, область определения которого ограничивается одним элементом (Суздаль, Чингисхан), относя к ним и фразеологизированные дескрипции, т.е. словосочетания, выражающие единое понятие (Ледовое побоище, Кровавое воскресенье).

4. Серьезные проблемы заключаются в критериях отбора тех ИИ, которые должны подлежать презентации при обучении межкультурной коммуникации. Основным критерием при этом мы считаем наличие/отсутствие стоящего за ИИ прецедентного текста (ПТ). Под ПТ мы понимаем определенные стереотипные образно-поведенческие структуры, к которым носитель языка регулярно обращается в своем речевом опыте. ПТ могут быть как устными, так и письменными; на наш взгляд, можно выделить не только вербальные, но и невербальные ПТ («Троица» А.Рублева, Храм Василия Блаженного). Основой отнесения «текста» к прецедентным/непрецедентным является характер содержащейся в нем информации, степень ее значимости для данного языкового сообщества.

5. Говоря о ПТ, необходимо различать сам текст и представление о нем, существующее в данной национальной культуре. Так, употребляя ИИ «Обломов», носитель русского языка апеллирует не к реальному тексту романа И.А.Гончарова, а к некоему инвариантному представлению о данном романе, существующему в русском языковом сообществе. Представляется необходимым поэтому говорить не только о реальном ПТ, но и о ПТ-представлении (ПТП).

6. Означаемым ИИ, связанного с ПТП, является определенное национально детерминированное минимизированное представление (НДМП) того элемента национальной культуры, на который указывает ИИ. НДМП возникает в результате действия определенного алгоритма минимизации, существующего в данной культуре, т.е. из всего множества качеств объекта, который называет ИИ, вычленяется лишь ограниченный набор присущих ему характеристик, остальные же отбрасываются как несущественные. НДМП находит свое отражение в ПТП, для которого оно, в свою очередь, является одним из структурообразующих элементов.

7. Говорящий, употребляя в своей речи ИИ, обращается к стоящему за последним ПТП, который в данном случае выступает как маркер отражаемой в языке внеязыковой ситуации. Это проявляется, в частности, в том, что при функционировании в речи ИИ имеют активную тенденцию к употреблению в метафорах и сравнениях, что ведет к сопоставлению ситуации, отражаемой в речи говорящего, с той, которая нашла свое выражение в ПТП.

8. Для адекватной коммуникации на русском языке от иностранца требуется владение определенным набором ИИ, за которыми стоят ПТП, и знание НДМП, являющихся означаемыми этих имен. НДМП и ПТП относятся к когнитивной базе носителя русского языка, образуют существенный пласт фоновых знаний последнего, что делает необходимым их описание и представление иностранцам, изучающим русский язык.

Р.А.Кулькова
Московский государственный университет

РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОЛЕЙ С УЧЕТОМ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА И ПСИХОЛОГИИ ОБУЧАЕМЫХ (русский язык как иностранный, практический аспект)

1. В настоящее время для продвинутого этапа обучения русскому языку (в отличие от начального этапа) общепризнанной методики работы по развитию речи не существует. Цель выступления — обсуждение одного из возможных путей создания материалов такого назначения: обоснование содержания и структуры информационного поля как одной из единиц обучения.

2.1. При создании материалов для продвинутого этапа обучения должны учитываться психологические особенности учащихся этого уровня: 1) возросшие коммуникативные возможности данного контингента позволяют отказаться от текста как от

основной, центральной единицы обучения, поскольку подбор текстов часто случаен и субъективен, в силу чего невозможно исчерпать тему лексически; 2) стремление к экстенсивному изучению лексики на данном этапе невозможно удовлетворить только с помощью идеографического словника (такой словник необходим, но недостаточен: человек — не компьютер, и слишком дробная информация, хотя и тематически организованная, не может быть им достаточно прочно усвоена; потребность в активной коммуникативной практике остается).

2.2. Особое внимание должно быть уделено выбору самих тем, а также ракурсу их рассмотрения. Надо принимать во внимание высокие информационные запросы учащихся: информационная бедность, коммуникативная условность (естественная для начального этапа обучения), становится недопустимой — информация урока должна быть насыщенной, разносторонней, интересной. Следует принять во внимание также такое свойство естественного общения, как «эгоцентрированность» речи, поэтому тему надо подать так, чтобы учащийся мог много и заинтересованно говорить «от себя».

2.3. Тема должна быть разработана в виде информационного поля. В учебнике, предназначенном для иностранной аудитории, могут быть даны наиболее типичные для устного общения единицы информации, представленные в виде специально разработанной системы вопросов для общения. Эти единицы информации должны покрывать информационное поле (исчерпанность поля легко проверяется эмпирически). Информация, по возможности, должна иметь такую информационную форму, которая дает в распоряжение учащихся основные лексико-грамматические единицы темы.

3. Если говорить о содержательной стороне информационного поля, то оно должно разрабатываться в два этапа. На первом этапе в поле необходимо включить максимальное число информационных микрополей темы, которые выявлены логически и эмпирически. Это — ядро поля, которого было бы достаточно для работы по развитию речи, имея мы дело с носителями языка. На втором этапе, имея целью работу с иностранной аудиторией, мы должны включить в материал такие микрополя, на которые учащиеся ошибочно распространяют лексический материал темы. Такие фрагменты выявляются в результате анализа отрицательного материала. Как правило, это смежные с данным информационным полем микрополя.

4. Так, разрабатывая информационное поле «Имя человека», логически и эмпирически мы выявляем следующий набор микротем: «Процесс создания имени и его результат», «Факт обладания именем», «Отношение к имени», «Смена имени», «Соккрытие настоящего имени», «Лишение имени», «Употребление имени в процессе общения», «Ситуации, в фокусе которых имя не находится, но упоминается» и др. Каждому микро полю свойствен свой набор лексико-грамматических единиц. Этот логически выявляемый набор ситуаций должен быть дополнен перечнем микрополей, на которые учащиеся ошибочно распространяют структуры, характерные для данной темы. В основном это микрофрагменты «Квалификация лица» («Он звал себя царем, хотя не был царем»), «Значение слова» («Как зовут людей, которые занимаются собиранием монет — нумизматы?»).

5. Указанный подход к разработке информационных полей с целью практической работы в иностранной аудитории представляется оптимальным. Он покрывает понятийную сетку, которая имеется в сознании учащихся и ассоциируется с данной темой. Работа по таким материалам помогает экономно с точки зрения затрат энергии и времени предупредить типичные ошибки. При таком подходе усвоение материала облегчается, так как строится по принципу «от содержания к форме».

Н.А.Лобко-Лобановская
Харьковский государственный педагогический университет

РАБОТА С УЧЕБНЫМ ТЕКСТОМ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ОБУЧАЕМЫХ

Учебный текст — это текст, выполняющий дидактические функции. Текст может быть назван учебным, если он соответствует следующим научно-методическим требованиям: обеспечивает мотивационную готовность учащегося; смысловую структуру и адекватность понимания; индивидуализированное восприятие; непосредственное совершенствование речевых навыков учащихся (см.: Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1991. С. 189). Такой текст помогает обучаемым усвоить речеведческую теорию не только в виде определенных понятий и формулировок, но и в виде умений производить учебные действия с этими понятиями и правилами, т.е. способствует развитию речи учащихся и выработке у них навыков общения.

Учебный текст, отвечающий перечисленным требованиям, может быть представлен на уроках разного типа при обучении русскому и иностранному языкам. Особого внимания заслуживает работа с художественным текстом как вариантом учебного. Результаты экспериментальной проверки показывают, что среди направлений работы с художественным текстом важнейшими и наиболее результативными в плане формирования и развития коммуникативных способностей обучаемых являются следующие: стилистический и лингвистический анализ текста; семантизация незнакомых и частично знакомых учащимся слов, встречающихся в тексте; введение новых для учащихся лингвистических понятий и ознакомление с их спецификой путем анализа текста; использование художественного текста на уроках коррекции знаний, умений и навыков школьников с целью ликвидации пробелов в их знаниях по различным разделам школьного курса изучаемого языка и как средство, обеспечивающее ориентацию обучающего на тип мышления обучаемых путем выбора соответствующего содержания текста и технологии анализа текста на уроке; корректорская правка текста; перевод художественного текста с сохранением специфики стиля его автора.

Проведенная экспериментальная работа позволяет также сделать вывод о том, что эффективность работы с учебным текстом в аспекте формирования и развития коммуникативных способностей обучаемых значительно повышается при организации на уроке работы малых групп и межгрупповой учебной деятельности школьников. Специфика организации работы малой группы (учет характера межличностных отношений, уровня лингвистических способностей, работоспособности, количественный состав группы) создает каждому школьнику, работающему в ее составе, ситуацию общения со сверстниками в условиях психологического комфорта, что максимально способствует реализации потенциальных творческих способностей обучаемого и развитию умений и навыков общения в учебной деятельности. При этом наблюдается следующая закономерность: участие в групповой работе является значительно большим стимулом развития лингвистических и коммуникативных способностей школьника, чем индивидуальная работа учителя с учащимися. Возможность реализации потенциальных творческих способностей ученика в непрестанной для него группе даже одаренных сверстников резко падает: психологический барьер становится барьером в общении, что практически исключает возможность совместной учебной деятельности. Эксперимент доказывает, что организация межгрупповой учебной деятельности школьников в процессе работы с учебным текстом на уроке, предполагающая контакт малых групп, их учебный диалог — «дискуссию», максимально обеспечивает взаимодействие в системе «учитель — ученики — ученик» и формирование творческой активности школьников в учебном диалоге.

Перенос коммуникативных навыков, приобретенных школьниками в учебной деятельности, в их жизненную практику способствует формированию личностей с конструктивным диалогическим мышлением, с ориентацией на коллективную творческую активность.

Для координации и интеграции деятельности учителей русского и иностранных языков по формированию и развитию коммуникативных способностей обучаемых целесообразно проведение спецсеминара «Работа с учебным текстом на уроке». Цель семинара — внедрение достижений лингвистики и психолингвистики в школьную практику. На занятиях семинара рассматриваются следующие проблемы: понятие учебного текста; научно-методические требования, предъявляемые к учебному тексту; технология использования учебного текста на уроках разного типа; учебный текст как вариант домашнего задания; анализ художественного текста как способ формирования и развития коммуникативных способностей обучаемых и др. Названный семинар может быть организован для учителей школ разного типа с учетом их специфики, а также для студентов-филологов педагогических вузов.

Г.Н.Плотникова
Уральский государственный университет (Екатеринбург)

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Практическая задача сознательного, быстрого и прочного овладения русским языком как неродным требует усвоения системно-структурных образований фонологического, семантического, морфологического и синтаксического плана, что невозможно без осмысления словообразовательной системы.

Описание словообразовательной системы с учетом потребностей адресата (иностранца) позволяет найти эффективные приемы отбора и подачи лексического и грамматического материала, определить наиболее целесообразные пути семантизации

производных слов. Последнее представляет собой одну из центральных проблем в лингводидактике, так как производная лексика составляет абсолютное большинство словарного состава русского языка.

Решению данной проблемы помогает раскрытие сложнейшего механизма словопроизводства, основывающегося на отношениях, которые существуют не только между производящими и производными, но и между реалиями действительности. Некую упорядоченность этих отношений можно представить в виде степеней фразеологичности семантики производных слов.

В зависимости от того, какой содержательной части производящего слова принадлежит порождающий семантический элемент производного слова, возможно выделить три степени удаленности этого элемента от ядра семантики и в соответствии с этим три степени фразеологичности семантики производного слова. Первая степень характеризуется незначительным расхождением между словообразовательной структурой и значением производного слова (каменщик, травщик). Вторая степень фразеологичности отражает более значительное расхождение между указанными компонентами словообразовательного процесса (белок, желток). Третья степень наблюдается в случае, если формальная структура производного слова не помогает раскрытию его семантики (прикарманить, проморгать).

Так как процесс формирования фразеологичности рассматривается относительно семантики и формальной структуры производного слова, следует учитывать при этом характер словообразовательного форманта, лексико-грамматические характеристики членов словообразовательной пары, а также морфонологические явления в производном слове.

Предлагаемая градация степеней фразеологичности семантики слова не является жесткой. Промежуточная зона особенно велика между второй и третьей степенями, так как обе они связаны с таким словопроизводственным процессом, когда порождающий семантический элемент неизвестен даже многим носителям языка, а также может быть учтен или не учтен теми, кто семантизирует слова.

Практика преподавания русского языка как иностранного показывает необходимость лексикографического отражения семантизации производных слов на основе словообразовательных явлений. Для этого нужен прежде всего словарь производных слов, в котором дефиниции строились бы с учетом семантики и формальной структуры производящего слова. Создание аллосемного (вариативного) словаря поможет раскрыть словообразовательные возможности непрямых многозначных слов на уровне лексико-семантического варианта, так как семантическая структура конкретного производного слова строится на вполне определенном значении производящего, если оно полисемично. Для более полного использования словообразовательного материала в учебных целях необходим также атлас типовых схем словообразовательных гнезд, исходные слова которых принадлежат к одной лексико-семантической группе. Эти схемы дадут учащимся дополнительные опоры при раскрытии семантики производных слов, принадлежащих к одной семантической группировке, а также помогут сформировать навыки использования словообразовательной модели для «собственного» словопроизводства.

Т.Н.Сивкова

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА В ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. Лексико-семантическое пространство русского глагола представляет собой совокупность различных группировок, среди которых самыми широкими являются семантические поля («действие», «состояние», «отношение»), и подполя, в рамках которых выделяются лексико-семантические группы (ЛСГ). Например, в поле «действие» входит подполе «звучание», включающее ЛСГ глаголов звучания, издаваемого живыми существами (верещать, выть, голосить, жужжать, звучать, каркать, чирикать, щебетать, рычать, фыркать, храпеть и др.), а также ЛСГ глаголов звучания, издаваемого неодушевленными предметами (бренчать, брякать, булькать, грохотать, дребезжать, журчать, звенеть, тикать, шелестеть, шуршать и др.).

2. На основе парадигматических связей глагольных слов однотипной семантики глаголы в рамках ЛСГ определенным образом упорядочены и организованы: базовым, опорным глаголом подчинены глаголы с более конкретными и содержательными значениями. Категориально-лексическая сема, составляющая семантическую основу ЛСГ, в каждом отдельном глаголе уточняется с помощью дифференциальных семантических признаков.

3. Глобальная семантическая классификация русских глаголов, осуществленная в качестве одной из возможных коллективом глаголистов Уральского университета им. А.М.Горького под руководством проф. Э.В.Кузнецовой и лексикографически оформленная в «Тематический толковый словарь русских глаголов» под руководством проф. Л.Г.Бабенко, позволяет глубже изучить систему ЛСГ в целом, познать их взаимосвязи в рамках этой системы и реально представить внутреннюю организацию семантического пространства русского глагола.

4. В последние годы методика преподавания русского языка как иностранного во многом обогащается и развивается за счет осмысления результатов научных исследований в области лингвистики и в области лексической семантики, в частности.

Русский глагол как в грамматическом, так и в лексическом плане наиболее труден для студентов-иностранцев. По мнению многих преподавателей-русистов, на продвинутом этапе обучения, когда у студентов расширился словарь, трудности в выборе нужного глагола, правильном его употреблении в речи не только не снижаются, но иногда и возрастают. Возникает необходимость поиска эффективных путей усвоения русской глагольной лексики с учетом теории ЛСГ, системности лексики в целом и парадигматических, синтагматических, вариантных отношений слов, в частности.

5. Вопрос о необходимом количестве (минимуме) ЛСГ для начального и продвинутого этапа, организация глагольного лексического материала, принципы его подачи приобретают в практике обучения русскому языку иностранных учащихся большое значение. Семантическая систематизация глаголов в рамках ЛСГ, лингвистическое описание отдельных групп могут быть направлены на решение задач лингводидактики, так как представляют значительный интерес для преподавателей-русистов, работающих с иностранными студентами гуманитарного и технического профиля.

6. В практику обучения иностранных студентов-филологов, переводчиков, журналистов необходимо вводить комплексную систему упражнений по линии глагольной парадигматики, синтагматики, многозначности и синонимии, учитывая этап обучения. Так, если глаголы типа *пить, есть*, семантическое содержание которых обуславливает семантику слов, замещающих позицию объекта (*пить* + существительные со значением 'жидкость': *кофе, молоко, лимонад, сок, квас* и т.п.; *есть* + существительные со значением 'еда', 'пища': *мясо, рыба, фрукты, овощи* и т.п.), следует изучать на начальном этапе, то на продвинутом этапе важно знать способы выражения объекта при многозначных глаголах, значение которых не всегда помогает студентам выбрать нужные для заполнения объектной позиции существительные. Необходимо усвоение лексической сочетаемости глаголов на уровне основного и вторичных значений, а также знание стилиевой отнесенности глаголов.

7. Как показывает многолетний опыт работы с иностранными студентами-филологами, включение в практику учебной работы ЛСГ глаголов речи, мысли, чувства, удивления, поведения, покрытия, руководства и др. обогащает речь обучаемых. Семантическое пространство русского глагола, представленное различными по своему объему и составу ЛСГ, используемое в практике преподавания, позволяет студентам-иностранцам осмыслить лексику как систему, изучить глагольный фонд русского языка. Однако принципы группировки лексического материала, эффективные способы раскрытия значений глаголов и их синтагматических связей, комплексная система упражнений в рамках ЛСГ, семантического поля, подполя требуют дальнейшего лингвометодического осмысления и специального рассмотрения.

И.И.Яценко

Московский государственный университет

К СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ПРОСТРАНСТВУ — ЧЕРЕЗ ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ-ГУМАНИТАРИЕВ

«При отсутствии культурно-исторической апперцепции мгновенная связь понятий не необходима. Оказывается, толковый человек нашего времени может прочитать «Ревизора» и не заметить, как Хлестаков врет» (Гинзбург Л. То ли мы еще видели // Лит.газ. 1993. N 41. С. 6.). Замечание Л.Гинзбург более чем справедливо и в отношении иностранцев, изучающих русский язык. Даже имея сведения об истории и культуре России, иностранец чужд тому, что мы называем «чувством истории», «высокостоянием» славянской, русской души, без которых нет русской литературы. Чтобы помочь иностранному учащемуся преодолеть столь ощутимые барьеры, следует искать некие убедительные и вполне материализованные средства, позволяющие

иллюстрировать и разъяснять те загадочные вещи, которые связаны с национальным самосознанием, национальным самовыражением русских. Эти средства прежде всего можно обнаружить в языке народа и в языке художественной литературы как в наиболее емкой и отточенной форме, воплощающей русскую ментальность.

Нередко чтение художественных текстов иностранными студентами ограничивается сюжетно-фабульным восприятием содержания, когда у читателей-иностранцев возникает иллюзия полного понимания текста, с одной стороны, и превратное представление о сущности литературы — с другой. Отсюда и правдивый Хлестаков, и талантливые, замечательные Туркины и т.п.

Обучая русскому языку как иностранному и избирая при этом в качестве предмета обучения художественный текст, важно не дать «уйти» подтексту, направить на него учебную деятельность. Возможность для этого заключена в самих текстах, где выразителями авторских «эмоциональных и социальных смыслов» являются самые разнообразные языковые средства: неожиданные сочетания языковых единиц, повторы, насыщение слов и выражений новыми ситуативно обусловленными смыслами, символические номинации, окказионализмы, взаимодействие разных видов речи в тексте и т.д.

Особенно богата подтекстами художественная литература советского периода, когда авторы вынуждены были прибегать подчас к довольно изощренным метафорам, к эзопову языку. Читатель таких текстов, занимаясь их дешифровкой, становится соавтором, сотворцом, восходя через подтекст к той экстралингвистической ситуации, от которой шел писатель.

В рамках учебного времени целесообразно обращаться к малым прозаическим жанрам. Весьма характерный образец интересующего нас текста представляют рассказы и «случаи» Даниила Хармса, внешне абсурдные, но обладающие насыщенным конкретно-социальным подтекстом.

Судьба Д.Хармса типична для писателя сталинского времени. Иностранные студенты-гуманитарии (нефилологи) достаточно хорошо осведомлены об этом периоде советской истории и о судьбе независимой творческой личности в тоталитарном государстве. Однако ни у кого из студентов «случай» Хармса «Вываливающиеся старухи» и рассказ «Упадение» обычно не вызывает после первого прочтения каких-либо социальных ассоциаций. При таком восприятии оказывается, что произведения Д.Хармса — это всего лишь жуткие абсурдные истории, лишенные глубокого смысла. Таким образом, макространство текста остается за пределами восприятия и понимания иностранных студентов. Путь к постижению социокультурного пространства данных текстов на занятии начинается с записи сформулированных студентами вопросов, которые связываются со всем, что в рассказах Хармса вызывает недоумение, кажется странным и неправдоподобным. Особенности восприятия произведений Д.Хармса иностранными студентами-гуманитариями, а также методика учебной интерпретации этих текстов на занятиях по русскому языку будут подробно освещены в докладе.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

Блинова О. И. (Томский госуниверситет). Роль психолингвистического эксперимента в изучении образности слова.....	3
Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. (Институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва). Прецедентный текст как единица нелинейного понимания.....	4
Гайсина Р. М. (Башкирский госуниверситет, Уфа). Модели развития лингвистических знаний и формирование языковой личности специалиста-филолога.....	4
Гиздатов Г. Г., Шеляховская Л. А. (Казахский госуниверситет, Алма-Ата). О соотношении антропоцентрического прототипа и семантической структуры ассоциативного поля.....	5
Голев Н. Д. (Алтайский госуниверситет, Барнаул). Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики.....	7
Ерофеева Т. И. (Пермский госуниверситет) Социолект: экспериментально-статистическая модель.....	8
Караулов Ю. Н. (Институт русского языка РАН, Москва). Основные характеристики языковой способности.....	8
Копыленко М. М. (Казахский университет мировых языков, Алма-Ата). Мотивированность как «человеческий фактор» в функционировании языка.....	9
Лопушанская С. П. (Волгоградский госуниверситет). Языковая личность древних русичей (по материалам деловых документов).....	10
Мурзин Л. Н. (Пермский госуниверситет). Антропологическая ниша в языковой науке.....	11
Норман Б. Ю. (Белорусский госуниверситет, Минск). Об антропоморфности человеческого языка.....	12
Саяхова Л. Г. (Башкирский госуниверситет, Уфа). Слово в системе языка, идиолекте и языковом сознании народа.....	13
Сорокин Ю. А. (Институт языкознания РАН, Москва). Соматограф как анализатор параязыкового бессознательного.....	13
Тихонов А. Н. (Институт русского языка РАН, Москва). Отраженная синонимия как отъект гнездового синонимического словаря русского языка.....	14
Черемисина Н. В. (Московский педуниверситет). Языковые картины мира: типология, формирование, взаимодействие.....	15
Ширяев Е. Н. (Институт русского языка РАН, Москва). О роли прагматики в разговорной речи.....	16
Шмелев А. Д. (Московский педуниверситет). Лексический состав русского языка как отражение «русской ментальности».....	17

Раздел 2. ЯЗЫК В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**2. 1. Язык и поведение человека**

Богданова Л. И. (Белорусская сельхозакадемия, Минск). Постулаты речевого поведения и структура диалогического взаимодействия.....	19
Васильев А. Д. (Красноярский педуниверситет). Эволюции социокультурных норм этноса и динамика лексики.....	20
Грицан Т. А. (Московский педуниверситет). Прагматический потенциал слова и его реализация в процессах языковой игры.....	20
Лукин В. А. (Институт русского языка РАН, Москва). Неосознанные ментальные представления о слове и концепте «противоречие».....	21
Нестерская Л. А. (Московский госуниверситет). Новые тенденции в развитии словарного состава современного русского языка: социологический аспект.....	22
Савенкова Л. Б. (Ростовский госуниверситет, Ростов-на-Дону). Отражение речевого поведения в русских пословицах и поговорках.....	23
Шмелева Т. В. (Красноярский госуниверситет). «Гуманный», «гуманистический», «гуманитарный» в истории русского языка и современном социальном сознании.....	24

2. 2. Языковая личность: методологические проблемы изучения и аспекты описания

Береснева Н. И. (Пермский госуниверситет). Ассоциативная методика как средство построения модели внутреннего лексикона человека.....	25
Бойцан Л. Ф. (Киевский лингвистический госуниверситет). Особенности текстовой характеристики персонажа художественного произведения как личности.....	26
Величко А. В. (Московский госуниверситет, Москва). Язык как источник познания свойств человеческой личности.....	27
Вицан П. (Венгрия). Творчество Владимира Высоцкого как явление национальной культуры в контексте формирования языковой личности венгерского русиста.....	27
Иванова Т. Ф. (Институт русского языка РАН, Москва). Концептуально-языковая картина мира конкретной исторической личности как путь изучения языка русской общественной мысли.....	28
Котурова М. П. (Пермский госуниверситет). Научный текст и метафорический стиль мышления ученого.....	29
Лютикова В. Д. (Тюменский госуниверситет). Роль фразеологизмов в создании речевого портрета частушечника.....	30
Мальцева Т. И. (Воронежский педуниверситет). Специфика использования языковых средств в сказках воронежской сказительницы.....	31
Мурзин Н. Л. (Пермский госуниверситет). Социальные параметры звуков речи и проблема идентификации личности.....	32
Омельченко С. Р. (Волгоградский госуниверситет). Прагматика языковой личности и прагматика языкового знака.....	33
Радбиль Т. Б. (Нижегородский педуниверситет). О мифологизации картины мира языковой личности.....	34

Сальцева Н. А. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Познающий субъект и языковая личность: проблема синтеза антропологического подхода в философии и лингвистике	35
Снитко Т. Н. (Пятигорский пединститут иностранных языков). Языковая личность как методологическая проблема	36
Устина Н. В. (Пятигорский пединститут). Творческая языковая личность и субстантивная рекуррентность в художественном тексте	37

2. 3. Проблемы изучения национальной ментальности

Абдулфанова А. А. (Калужский педуниверситет). Язык как средство формирования национального самосознания личности	37
Байдуж Л. М. (Тюменский госуниверситет). Отражение в системе причинных скреп современного русского языка стереотипов национального менталитета	38
Брейтер М. А. (Московский госуниверситет). Некоторые аспекты функционирования русского языка в иноязычной среде	39
Грачев М. А. (Нижегородский государственный лингвистический институт). Аргументы и менталитет русских декартизированных элементов	40
Демьянов В. Г. (Институт русского языка РАН, Москва). К формированию представления о зарубежной топонимике у переводчиков Посольского приказа в XVII в.	41
Парфенова Н. Н. (Тюменский госуниверситет). Историческая ономастика Зауралья конца XVI — XVIII вв.	42
Энхдэлгэр О. (Институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва). Евразийство и диалог языков	43

Раздел 3. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

3. 1. Изучение системности лексики в свете концепции языковой картины мира

Асташина Л. Ю. (Институт русского языка РАН, Москва). Об источниках по истории русской лексики	44
Грекова О. К. (Московский госуниверситет). Количественные значения и метрические свойства времени в языковой картине мира	44
Звягина Т. И. (Московский госуниверситет). О семантической зависимости диалектной и общезыковой лексики от отношения денотата к живой и неживой природе	45
Зимин В. И. (Институт русского языка РАН, Москва). Диалектика синонимов	46
Зюрина Т. П. (Московский педуниверситет). Экзотизмы в ряду других типов иностранных слов	47
Ибрагимова В. Л. (Башкирский госуниверситет, Уфа). Особенности отражения картины мира во внутрисловном поле глагола	48
Коновалова Н. И. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Отантропонимы в системе народной фитонимии	49
Кулиш Ж. В. (Львовский госуниверситет). Тенденция к языковой дезинтеграции на фразеологическом уровне как социально опосредованный фактор (лингвистическое прогнозирование)	50
Кусова М. Л. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). О характере взаимосвязи различных лексических систем	51
Лебедева Н. Б. (Томский госуниверситет). Содержательная структура префиксальных глаголов в свете языковой картины мира	52
Новикова Н. С. (Российский университет дружбы народов, Москва). Системность мышления и общая типология межполевых связей	53
Панкин А. В. (Московский госуниверситет). Cases или кейсы? (О проницаемости терминологической системы современного русского языка)	54
Роженцова Л. Н. (Иркутский госуниверситет). Мировосприятие сквозь призму синонимических отношений	55

3. 2. Лексическая семантика в свете антропологической лингвистики

Барашкина Е. А. (Самарский госуниверситет). Метафора как средство характеристики интеллектуальной деятельности человека	55
Бацевич Ф. С. (Львовский госуниверситет). Лексическое значение слова в когнитивном аспекте рассмотрения	56
Бирилло Ж. Н. (Вильнюсский госуниверситет). Специфика ассоциаций, вызываемых общезвестными антропонимами, у носителей литовского и русского языка	57
Дерябина А. С. (Московский госуниверситет путей сообщения). О семантическом способе образования коммерческих терминов	58
Золотарева Н. В. (Уральский экономический университет, Екатеринбург). Национально-культурный компонент в лексической семантике глаголов говорения (на материале русского и английского языков)	59
Илюхина Н. А. (Самарский госуниверситет). О семантической структуре слова в свете антропологического подхода	60
Лукиянова Н. А. (Новосибирский госуниверситет). О соотношении коннотативного и прагматического компонентов в структуре лексического значения	60
Плотникова А. М. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Семантические связи глагола и объекта: антропологический аспект	62
Скорикова Т. П. (Московский госуниверситет). Проблемы лексемной просодии в свете антропологической лингвистики	62
Чудинов А. П. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Проблемы варьирования словесной семантики в свете антропологической лингвистики	63

Раздел 4. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Бабенко Л. Г. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Роль человеческого фактора в интерпретации эмоций: репрезентация эмотивных смыслов в словаре, предложении и тексте	65
Красавский Н. А. (Волгоградский педуниверситет). Лексика эмоций в эмотивном тексте	66
Маркелова Т. В. (Мичуринский пединститут, Москва). Функционально-семантическое поле оценки в русском языке как условие формирования оценочного дискурса языковой личности	66
Маслова Н. П. (Белорусская сельскохозяйственная академия, Минск). Пространственная и семантико-прагматическая интеграция средств оценочной семантики в высказывании и тексте	68

Стексова Т. И. (Новосибирский педуниверситет). Действие против воли — невольность или вынужденность.....	69
Таривердиева М. А. (Москва). Оценка: ее роль и место в языковой структуре.....	69
Терентьева Л. В. (Самарский госуниверситет). Роль «человеческого фактора» в эволюции воздействующей функции современной газеты.....	70
Трипольская Т. А. (Новосибирский педуниверситет). Косвенные оценочные высказывания как средство описания языковой личности.....	71
Шаховский В. И. (Волгоградский педуниверситет). Эмоциональная картина мира и язык.....	72
Ягубова М. А. (Саратовский госуниверситет). Оценка как проявление «человеческого фактора» в языке.....	73

Раздел 5. ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Акимов О. Б. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Осложненное простое предложение.....	75
Алтабаева Е. В. (Мишуринский пединститут). Категория опативности в антропоцентрическом аспекте.....	75
Андреева Л. С. (Казанский госуниверситет). Русское именное словообразование начала XVII — конца XVIII в. (опыт антропоцентрического анализа).....	76
Андреева Т. Я. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Неопределенно-личные предложения и предложения с двойной и тройной интерпретацией.....	77
Блохина Н. Г. (Тамбовский педуниверситет). Стратегия антропологической лингвистики на пороге XXI в.....	78
Волчкова И. М. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). О некоторых философских аспектах категории возвратности.....	79
Григорьян Е. Л. (Ростовский госуниверситет, Ростов-на-Дону). Синтаксис и передача восприятия.....	80
Гришина Н. И. (Московский пединститут). Русские дативные предложения как способ отражения взаимосвязи мира человека и мира природы.....	81
Добродомов И. Г. (Московский педуниверситет). Эволюция беглости гласных из фонетики в морфологию.....	82
Дюбо Б. А. (Санкт-Петербургская РАН). Концепция валентности И. Мейнера как творческое развитие идей универсальной грамматики.....	83
Катлинская Л. П. (Московский педуниверситет). Словообразовательное описание в свете концепции картины мира (на материале русского языка).....	83
Куклева Т. В. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Инфинитивные предложения как средство выражения модального значения сомнительности.....	84
Ларионова А. Ю. (Уральский политехнический университет, Екатеринбург). О деривационном потенциале глагола.....	85
Монина Т. С. (Орехово-Зуевский пединститут). Структурный и функциональный аспекты синтаксической синонимии.....	86
Попова Т. В. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). О соотношении лексико-семантической и деривационной картин мира (на материале глагольных лексико-семантических групп).....	87
Радзиховская В. К. (Московский педуниверситет). Аксиологический аспект функционально-семантической категории взаимности с позиций концепции предикативности/абerratивности (к проблеме «человеческого фактора» в функционировании языка).....	88
Степанова Л. В. (Иркутский госуниверситет). Языковая личность и механизм порождения производных, созданных в результате языковой игры на словообразовательном уровне.....	89
Стуколова Г. П. (Воронежский госуниверситет). О вариантах реализации модели предложения с глаголами говорения.....	89
Томашпольский В. И. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Общероманский и креольский языки: средства выражения будущего.....	91
Трофимова О. В. (Тюменский госуниверситет). Сочетание как бы в сверхтексте «Литературной газеты».....	91
Чернышева А. Ю. (Казанский госуниверситет). Показатели недостоверности в сложном предложении.....	91
Чечулина Л. С. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Прилагательное и категория темпоральности.....	92
Чумак Л. Н. (Белорусский госуниверситет, Минск). Предложение в аспекте лингвокультурологии.....	93
Шамарданова С. Ю. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Функциональное разнообразие конструкций экспрессивного синтаксиса как результат взаимодействия синтаксиса разговорной речи и литературного языка.....	94
Шарандин А. Л. (Тамбовский пединститут). Основные проблемы словарной грамматики.....	94
Шарафутдинов Д. Р. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Синтаксическая деривация существительных от прилагательных в аспекте активных видов речевой деятельности.....	95

Раздел 6. «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЯЗЫКА: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Бобырь И. В. (Международный эколого-педагогический университет, Москва). Прагмалингвистический подход к проблемам контекста.....	98
Болотнова Н. С. (Томский педуниверситет). К вопросу о гармонизации общения и ее лингвистическом статусе.....	98
Ворожбитова А. А. (Сочинский филиал РГПУ). Лингвориторическая модель сильной языковой личности и коммуникативные качества речи.....	99
Кляпикова И. А. (Московский педуниверситет). Оригинальность избыточной информации.....	100
Котцова Е. Е. (Поморский международный педуниверситет, Архангельск). Коммуникативная мотивация лексических средств в тексте.....	101
Крапивник Л. Ф. (Хабаровский технический университет). Роль лексических единиц в процессе смыслового восприятия текста как основа их анализа и характеристики.....	102
Марова Н. Д. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Текст как картина.....	103
Матханова И. П. (Новосибирский педуниверситет). Семантика состояния: интерпретационный потенциал и реализация выбора говорящего.....	104
Менджерцкая Е. О. (Московский госуниверситет). Когнитивные аспекты изучения синтаксиса художественной литературы.....	105
Новикова Л. А. (Тюменский госуниверситет). Этикетные формулы приветствий в диалектной речи.....	106
Усминский О. И. (Тюменский госуниверситет). Критерии актуализации эстетического значения в пределах антинормы «текст — читатель».....	107

Хорошева Н. В. (Пермский госуниверситет). Исследование промежуточных форм существования языка в социальном контексте (на материал русского и французского языков).....	108
--	-----

Раздел 7. ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

7. 1. Общие вопросы изучения текста

Игнатченко И. Р. (Институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва). Закон языковой экономии в тексте.....	110
Красных В. В. (Московский госуниверситет). Текст как объект лингвистического исследования.....	111
Лазарева Э. А. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Языковая личность как коммуникативный центр средств массовой информации.....	111
Сулименко Н. Е. (Санкт-Петербургский педуниверситет). О некоторых общенаучных предпосылках анализа лексической структуры текста.....	112
Чепкина Э. В. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Коммуникативная организация фельетона в газете (автор и адресат).....	113
Черняк В. Д. (Санкт-Петербургский педуниверситет). Лексическая синонимия в реализации коммуникативных стратегий автора.....	114
Чувакин А. А. (Алтайский госуниверситет, Барнаул). Опыт преодоления «бесчеловечности» современной лингвистики в сфере теории художественной эвкации.....	115

7. 2. Тексты разных функциональных стилей

Бадаев А. Ф., Казарин Ю. В. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Опыт графико-семантического анализа поэтического текста (на материале русской поэзии).....	115
Бедрина И. С. (Уральская юридическая академия, Екатеринбург). Авторская гипотеза в структурно-смысловой организации научного текста.....	116
Белякова С. М. (Тюменский госуниверситет). Микрополе «снег» в языке русской поэзии XX в.....	117
Горожанкина Л. В. (Волгоградский технический университет). Содержательная структура художественного текста.....	118
Гусев С. В. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Андрей Платонов: диффузия некроза и биоса в мировом веществе (рассказы и повести 20-х гг.).....	119
Ермолаева И. И. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Лирическое отступление и текст: способы включения и характер соотносительности (на материале повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»).....	119
Климкова Л. А. (Арзамасский пединститут). Регионализмы как элементы художественного текста.....	120
Козманова Н. М. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Смысловые уровни репрезентации идеи красоты в стихах Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама (на материале лирики 1907—1917 гг.).....	121
Кузьмина Н. А. (Омский госуниверситет). Концепт художественной речи как составляющая поэтической картины мира.....	122
Кузьмина Н. А., Филиппова С. Г. (Омский госуниверситет). Цветовая картина мира В. Набокова (на материале рассказов 20-х гг.).....	123
Лихачева О. Б. (Иркутский пединститут). Повтор как ведущий принцип композиции заговоров.....	124
Мухин М. Ю. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Эмпирический компонент семантики текстов В. Набокова (на материале романов «Дар» и «Другие берега»).....	125
Плюскина Т. Н. (Пермский госуниверситет). Проявление ФССК гипотетичности в русских научных текстах XVIII — XX вв.....	126
Резникова И. В. (Московский педуниверситет). Образно-музыкальная картина мира и текстовая тематическая группа.....	127
Трещев О. В. (Госкомвуз, Москва). Язык как средство театра (проблема интерпретации художественного произведения).....	128
Федосюк М. Ю. (Московский педуниверситет). Художественный текст с позиций антропологической лингвистики.....	129
Халина Н. В. (Алтайский госуниверситет, Барнаул). Лингвистическая интерпретация фрагмента первой книги Живой Этики «Зов».....	130
Цыб Е. А. (Институт русского языка РАН, Москва). Компаративные конфигурации и конструкции как языковая основа для сравнительных словосочетаний — единиц поэтического текста (на материале поэзии В. Хлебникова и Н. Заболоцкого).....	131

Раздел 8. АНТРОПООРИЕНТИРОВАННЫЕ СЛОВАРИ И ИХ ТИПОЛОГИЯ

Богданова Н. В. (Санкт-Петербургский госуниверситет). Проект орфоэпического словаря языковой периферии.....	133
Бутенко Н. П., Мартинек С. В. (Львовский госуниверситет, Украинская академия печати им. Федорова, Львов). Результаты ассоциативного эксперимента и лексикографическое толкование значений слов (на материале русского и украинского языков).....	133
Васильев Л. М. (Башкирский госуниверситет, Уфа). О «Системном семантическом словаре русского языка».....	134
Волошина Т. А. (Ростовский госуниверситет, Ростов-на-Дону). Народное казачье право на Дону в XVI—XIX вв. (лексикографическое описание).....	135
Демидова К. И. (Уральский педуниверситет, Екатеринбург). Региональный компонент семантики слова и проблемы лексикографии.....	136
Дубичинский В. В. (Харьковский политехнический университет). Национально-культурное своеобразие лексем в словаре лексических параллелей.....	137
Ким И. Е. (Красноярский госуниверситет). К построению словаря рефлексивной лексики.....	138
Комарова Э. И. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Терминография в антропологической научной парадигме.....	139
Шестакова Л. Л. (Институт русского языка РАН, Москва). Грамматический аспект в гнездовом толковом словаре русского языка.....	140

Раздел 9. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

9. 1. Проблемы обучения иностранным языкам

Беркетова З. В. (Барнаульский педуниверситет). Понятие «Mensch» в толковых словарях как центр интеграционно-семантического поля.....	142
Корнева Е. В. (Воронежский госуниверситет). Антропоцентрические значения возвратных местоимений.....	143
Москвин А. Ю. (Нижегородский лингвистический университет). Состояние ирландской лексикографии и работа над этимологическим словарем ирландского языка.....	143
Сидорова О. Г. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). «Человеческий фактор» в английском языке: к вопросу о восприятии и преподавании.....	144

9. 2. Проблемы обучения русскому языку как иностранному

Андерлони С. (Туринский университет, Италия). Вторичная номинация в русском тексте и обучение языку.....	145
Воробьева И. В. (МГУ ПС, Москва). Иллюстративные элементы учебника иностранного языка как компоненты единого лингводидактического текста.....	146
Гудков Д. Б. (Московский госуниверситет). Индивидуальные имена и обучение межкультурной коммуникации.....	146
Кулькова Р. А. (Московский госуниверситет). Разработка информационных полей с учетом отрицательного языкового материала и психологии обучаемых (русский язык как иностранный, практический аспект).....	147
Лобко-Лобановская Н. А. (Харьковский педуниверситет). Работа с учебным текстом как способ формирования и развития коммуникативных способностей обучаемых.....	148
Плотникова Г. Н. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Лингвометодические проблемы русского словообразования.....	149
Сивкова Т. Н. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Семантическое пространство русского глагола в лингвометодическом аспекте.....	150
Яценко И. И. (Московский госуниверситет). К социокультурному пространству — через язык художественного текста при обучении русскому языку иностранцев-гуманитариев.....	151

Раздел 9. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

9. 1. Проблемы обучения иностранным языкам

Беркетова З. В. (Барнаульский педуниверситет). Понятие «Mensch» в толковых словарях как центр интеграционно-семантического поля.....	142
Корнева Е. В. (Воронежский госуниверситет). Антропоцентрические значения возвратных местоимений.....	143
Москвин А. Ю. (Нижегородский лингвистический университет). Состояние ирландской лексикографии и работа над этимологическим словарем ирландского языка.....	143
Сидорова О. Г. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). «Человеческий фактор» в английском языке: к вопросу о восприятии и преподавании.....	144

9. 2. Проблемы обучения русскому языку как иностранному

Андерлони С. (Туринский университет, Италия). Вторичная номинация в русском тексте и обучение языку.....	145
Воробьева И. В. (МГУ ПС, Москва). Иллюстративные элементы учебника иностранного языка как компоненты единого лингводидактического текста.....	146
Гудков Д. Б. (Московский госуниверситет). Индивидуальные имена и обучение межкультурной коммуникации.....	146
Кулькова Р. А. (Московский госуниверситет). Разработка информационных полей с учетом отрицательного языкового материала и психологии обучаемых (русский язык как иностранный, практический аспект).....	147
Лобко-Лобановская Н. А. (Харьковский педуниверситет). Работа с учебным текстом как способ формирования и развития коммуникативных способностей обучаемых.....	148
Плотникова Г. Н. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Лингвометодические проблемы русского словообразования.....	149
Сивкова Т. Н. (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Семантическое пространство русского глагола в лингвометодическом аспекте.....	150
Яценко И. И. (Московский госуниверситет). К социокультурному пространству — через язык художественного текста при обучении русскому языку иностранцев-гуманитариев.....	151

На кафедре современного русского языка готовятся к печати:

«Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики». Сб. науч. тр. / Под ред. З.И. Комаровой. — 10 п.л. План издания 1995 г.

В сборнике раскрываются теоретические проблемы лексикографии: задачи лексикографии, ее методология, методика и основные понятия. Ряд статей, посвященных лексикографической практике во всем ее многообразии, охватывает как традиционные, так и новые жанры словарей (деривационный словарь русских неологизмов, толково-идеографический словарь русской эмотивной лексики и др.).

«Русская глагольная лексика в зеркале парадигматики» / Под ред. Л.Г. Бабенко. — 10 п.л. План издания 1995 г.

Коллективная монография является попыткой рассмотрения русской глагольной лексики в аспекте пересекаемости парадигм. Основной объект рассмотрения — семантические группы глагольных слов, в составе которых выявляются типы лексических парадигм (классифицирующие, вариантные и комплексные) и классы глаголов с учетом их семантики (конкретные, абстрактные, социально-обобщенные). Различные лексико-семантические группировки глаголов исследуются с учетом их пересекаемости с парадигмами разного статуса: грамматическими, лексико-грамматическими, деривационными.

«Толково-идеографический словарь русских глаголов с указанием их английских эквивалентов» / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. — 70 п.л. План издания 1996 г.

Словарь содержит лексикографическое описание около 10 тысяч наиболее употребительных глаголов современного русского языка и состоит из двух частей: толково-идеографической и алфавитной. В первой части глагольная лексика распределена по семантическим полям, группам и подгруппам, при этом определено значение каждого глагола, указана его грамматическая сочетаемость, приведены синонимы, антонимы, английские лексические параллели (слова или выражения). Во второй части все рассмотренные в Словаре глаголы (с указанием их английских эквивалентов) расположены по алфавиту. Указана принадлежность глаголов к семантическим группам.

Словарь адресован филологам, преподавателям русского языка, русского языка как иностранного, представляет интерес для специалистов по общему языкознанию, для всех интересующихся русским языком.

Книги можно заказать по адресу: 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, Уральский государственный университет, филологический факультет, кафедра современного русского языка, Плотниковой Анне Михайловне.

Научное издание
Лексика, грамматика, текст
в свете антропологической лингвистики

Редактор В. И. Первухина

ИБ № 883

Лицензия на право издательской деятельности ЛР № 020227 выдана 08.10.91

Издательство Уральского университета
620219, Екатеринбург ГСП-830, пр. Ленина, 136
Типография "Эрнест". Екатеринбург, Толмачева, 11, к. 218